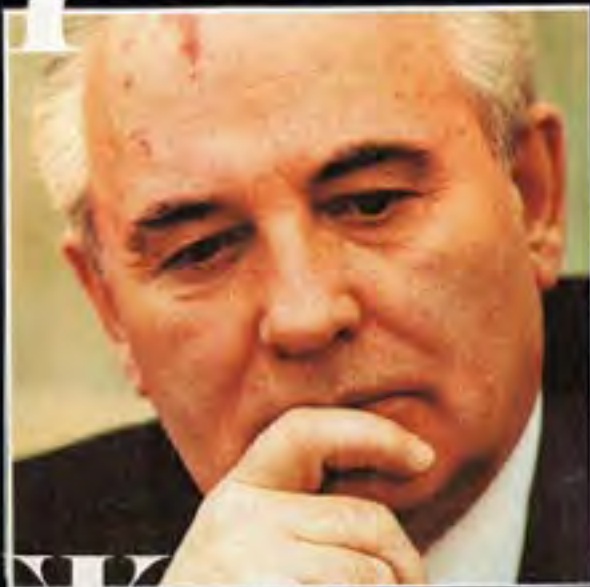

Михаил Горбачев

Книга 2

ЖИЗНЬ И реформы

Новості

Жизнь и реформы

Книга 2

Москва, 1995

Издательство «Новости»

© М.С.Горбачев, автор, 1995

© В.В.Анохин, оформление, 1995

© АО «Издательство «Новости», 1995

Горбачев М.С. Жизнь и реформы. — В двух книгах. — Кн. 2. — М.: АО „Издательство «Новости»", 1995. — 656 с.

ISBN 5-7020-0953-3

Вторая книга М.С.Горбачева посвящена внешнеполитическим последствиям реформ, формированию принципиально нового типа взаимоотношений СССР с зарубежными странами, особенно с США и другими ведущими державами, а также со странами бывшего соцлагеря. Интересны анализ автора трагических событий, связанных с распадом Союза, роли в ней отдельных прежних и нынешних политических деятелей, критическая оценка семилетнего периода правления страной, нравственные уроки жизни первого и последнего Президента СССР.

Содержание

Часть V. Грозный 1991 год	1
Глава 42. Январь - июль. Угрозы и надежды	3
«Формула» года.....	3
Литовский синдром	5
«Развод» без закона	17
«Артподготовка» и объявление войны	28
Поездка в Белоруссию и политический центризм.....	38
Референдум 17 марта.....	45
Ново-Огаревский процесс.....	50
Раскаты грома.....	57
Последний Пленум	64
Цель близка.....	76
Глава 43. Август. Путч	83
Преступная авантюра	83
Из дневника Раисы Максимовны	91
Провал заговора	104
Судьба партии: кто кого предал	109
Глава 44. Сентябрь - декабрь. Последние усилия и беловежский сговор.....	118
Возобновление процесса реформ	118
Второе рождение Союзного договора	125
Последние заседания Госсовета	132
Вероломство	136
Черные дни Союза и России	139
Глава 45. Мы и внешний мир после путча	144

Как восприняли путч за рубежом.....	144
Новые усилия в пользу реформ	149
Программа взаимодействия с «семеркой», перечеркнутая в Беловежской пуще	155
Зарубежное эхо на беловежские решения	158
Post scriptum.....	168
Заключение	170
Приложения.....	176
I. Делийская Декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира	176
II. Проект. Договор о Союзе Суверенных Государств.....	180
III. Обращение Президента СССР М.С.Горбачева к парламентариям страны.....	189
IV. Обращение Президента СССР М.С.Горбачева к участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств	193

Часть V. Грозный 1991 год

Глава 42. Январь - июль. Угрозы и надежды

«Формула» года

Я стал было восстанавливать в памяти все, что случилось в 1991-м, с тем чтобы по порядку рассказать о бурных событиях этого года. Но потом почувствовал, что плавного рассказа не получится — слишком многое вместилось в этот промежуток времени. Так что, если идти просто день за днем, не сложится цельной картины. Вдобавок многого мы тогда не знали или, зная, не придавали должного значения. За прошедшее с той поры время приоткрылась завеса над некоторыми «тайнами», стали яснее мотивы поступков основных действующих лиц развернувшейся драмы.

Понять и оценить события 1991-го без того, чтобы снова, хотя бы на миг, не вернуться в прошлое, не удастся. Через какие этапы мы прошли, что стало с нами и страной за перестроечные годы?

Первый — от 1985-го до 1988-го включительно — период поисков, проб и ошибок, когда мы надеялись исправить очевидные пороки системы. И хотя пошли значительно дальше всех предпринимавшихся до сих пор попыток ее реконструкции, все же оставались в рамках традиции, не осмеливались перешагнуть заповеди коммунистической веры.

Второй — с весны 1988-го и до начала 1990-го — период, который можно подвести под понятие демократизации. Осознав, что не только косметикой, но и капитальным ремонтом здесь не обойдешься, никакие новаторские меры в экономике не дадут должного эффекта без коренной перестройки политической системы, мы в рекордно сжатые сроки провели свободные выборы, создали парламент, ввели многопартийную систему, дали возможность сформироваться оппозиции — словом, вернули обществу политическую свободу.

И, наконец, третий период — 1990—1991 годы — определялся исходом борьбы выпущенных на волю сил — социальных, национальных, политических. К концу 1990 года они выходят на исходные позиции, а весь 1991-й становится полем острой схватки, в ходе которой решались фундаментальные вопросы

нашего развития: быть Советскому Союзу или нет, каким быть нашему обществу.

И это, пожалуй, нагляднее всего подтверждается содержанием Новогоднего поздравления Президента СССР советскому народу. В нем с предельным лаконизмом — форма обязывала! — изложены и оценки прожитого года, и настроения, с какими мы вступали в новый год, расчеты, надежды, планы, которые с ним связывали.

Вот фрагменты этого поздравления.

«...Будущий год особый. На него падает решение вопроса о судьбе нашего многонационального государства. Для всех нас, советских людей, нет более святого дела, чем сохранение и обновление Союза, в котором вольно и хорошо жилось бы всем народам. Народы страны жили вместе столетиями. Их объединяют и ценности, накопленные за советские годы, связывает память о Победе в самой разрушительной войне. Мы сейчас, может быть, как никогда остро чувствуем, что нельзя нам жить, отгородясь друг от друга. Да и выйти из кризиса, подняться на ноги, твердо пойти по дороге обновления мы сможем только сообща. Именно в Союзе, его сохранении и обновлении — ключ к решению огромных, судьбоносных задач, стоящих перед нами в 1991 го-

Думая о завтрашнем дне, мы не отделяем своей судьбы от судьбы других стран и народов. В мире высоко оценивают наш вклад в оздоровление международных отношений, искренне желают успехов перестройке. Мы это воспринимаем как солидарность с нашим великим делом и шлем всем народам искренние пожелания благополучия и счастья.

Дорогие товарищи! Как ни глубок переживаемый страной кризис, мы можем и должны добиться перелома к лучшему уже в будущем году. Но для этого нужны гражданское и межнациональное согласие, ответственность и дисциплина, добросовестный труд и человечность в отношении друг к другу.

В эти последние мгновения уходящего года я обращаюсь ко всем, кто собрался в кругу семьи и друзей, со словами новогоднего приветствия.

Пусть будут в 1991 году мир, согласие и благополучие в каждом доме!

Пусть возродится к новой жизни наша Отчизна!

С Новым годом, дорогие сограждане!»

С такими надеждами вступили мы в 1991 год. Но уже в первой половине января разразилась гроза.

Литовский синдром

С Литвой связано много драматических страниц истории России. Так случилось и на этот раз. На «литовском полигоне» разыгрывалось, по существу, будущее страны. И участвовавшие в этом партии стремились прежде всего привлечь на свою сторону население республики. Казалось, его состав давал меньше всего оснований для опасений утратить национальную идентичность (4/5 — литовцы, только 1/5 — русские и люди других национальностей). Но «Саюдис», выступивший с момента своего возникновения в роли Фронта национального освобождения, строил свою пропаганду на тезисе: если республика останется в составе СССР, литовцам грозит превратиться в меньшинство на земле предков, как это почти уже случилось с эстонцами и особенно латышами. Нет нужды говорить, что это предостережение находило живой отклик, в короткий срок собрав под знамена «Саюдиса» не только национальную интеллигенцию, людей, связанных с эмигрантскими кругами, враждебно настроенных к Советской власти и обиженных ею, но также значительную часть простого народа.

Наряду с аргументами политического характера приводились не менее, если не более весомые практические доводы: «Литва обладает самым развитым в СССР сельским хозяйством, осуществляет большие поставки в Ленинград, Москву, различные российские области животноводческой продукции, в то время как в самой республике возникают подчас перебои со снабжением мясом». Это было правдой, но только частью правды. Предпочитали умалчивать или принижать значение огромных встречных поставок из России — зерна, нефти, металла, промышленных и потребительских товаров. Не говорили и о тех немалых преференциях, которые были с первых послевоенных лет установлены советским правительством для Прибалтики из политических соображений.

Благодаря им наряду, конечно, с большей производительностью труда уровень жизни здесь всегда был выше, чем в других регионах Союза. Мало кто по-настоящему вдумывался в этот баланс. Слушая речи агитаторов «Саюдиса», не только литовцы, но и жители Литвы из числа других национальностей начинали думать, что заживут в несколько раз лучше, избавившись от «диктата Москвы», необходимости «платить ей дань».

То, что «Саюдису» удалось сравнительно легко овладеть сознанием подавляющей части общества, в известной мере объясняется и слабостью тогдашнего литовского руководства. После смерти Гришкявичюса первым секретарем ЦК Компартии Литвы был избран Сонгайла. Порядочный, уравновешенный человек, он всю жизнь занимался аграрным делом, был не очень силен в политике, тем более жизнь подкинула ему задачу крайней сложности. Я не раз беседовал с Сонгайлой, видел, что он в полной растерянности, не способен находить правильные решения возникавших перед ЦК КП Литвы проблем. Встал вопрос о смене лидера, и первым секретарем был избран Бразаускас.

Справедливости ради следует сказать, что пришел он к руководству тогда, когда инициатива практически находилась уже в руках «Саю-диса». Много сторонников последнего было и в рядах компартии, в ней началось брожение. Коммунисты остро реагировали на обвинения в том, что они не являются национальной силой, составляют часть структуры КПСС и служат не Литве, а Москве.

Вот ситуация, с которой пришлось иметь дело Бразаускасу. И после недолгих колебаний он взял курс на провозглашение самостоятельности Компартии Литвы, выход ее (возможно, через какие-то промежуточные этапы) из КПСС. А это означало удар по единству КПСС. Иными словами, «литовский синдром» приобрел двойной характер, развивался одновременно по партийной и государственной линии.

Думаю, Бразаускас достаточно ясно видел проблемы, которые возникнут в результате ухода литовских коммунистов из КПСС. Но понимал, что партия

обречена, если не сумеет подтвердить свой национальный характер.

В то время я считал возможным сохранить единство КПСС, обеспечив самостоятельность республиканских компартий, в крайнем случае создав своего рода федеративный союз между ними.

Подозреваю, ставка на выход из КПСС была окончательно принята лишь после того, как со всей ясностью обозначилась воля народа обрести полную государственную независимость. До того момента с обеих сторон шел, можно сказать, поиск приемлемой формулы сосуществования в рамках единой политической структуры — партийной и государственной. И до сих пор остаюсь при убеждении, что это было возможно, если бы не позиция России. Причем по двум линиям. И по государственной, как она провозглашалась радикал-демократами, Ельциным. И по партийной, как она начала формулироваться консервативным крылом КПСС, захватившим власть во вновь образованной Компартии РСФСР.

Вся расстановка сил обозначилась, конечно, не сразу. Во второй половине 1989 года, когда в Литве к власти фактически пришел «Саю-дис», литовский вопрос обсуждался едва ли не на каждом очередном Пленуме Центрального Комитета.

Я считал крайне важным разобраться, что же происходит в республике, какие настроения господствуют в народе, можно ли переубедить сторонников полного отделения. С этой целью и по поручению ЦК была предпринята поездка в Литву в январе 1990 года, в которой меня сопровождал избранный к тому времени секретарем ЦК и главным редактором «Правды» Фролов. В Вильнюсском аэропорту нас встретили Бразаускас и секретарь ЦК Компартии Литвы (на платформе КПСС) М.Бурокаявичус, Председатель Президиума Верховного Совета республики В.Астраускас, Председатель Совета Министров В.Сакалаускас, а также прибывшие сюда раньше и уже имевшие ряд встреч с литовскими руководителями Медведев и Маслюков.

Детали этой поездки живо сохранились у меня в памяти. Встречали нас повсюду приветливо и доброжелательно, но буквально с первых же бесед с

жителями литовской столицы на площади Ленина и до последних прощальных минут обсуждалась фактически одна тема — отделение Литвы от СССР. В своей поездке ставку я делал на диалог, на убеждение — с кем бы ни вел разговор. Так было и на встрече с рабочими в Доме культуры завода топливной аппаратуры.

— Перестройка, — говорил я, — создала атмосферу открытости, гласности, демократизации, высветила наши проблемы, обострила их. Сейчас мы вышли на самый критический отрезок пути. Были митинги, была определенная политика, теперь появились законы, новая экономическая, правовая среда. Добрались до системы управления, коснулись кадров, партии, армии. И все это делается в огромной стране, где проживают многие десятки народов. В этих условиях наш первый принцип должен быть таков: все люди, к какой бы национальности они ни принадлежали, где бы ни жили, должны пользоваться равными полными правами.

Недопустима никакая дискриминация меньшинств ни в стране, ни в республике, ни в регионе. Все должны чувствовать себя уверенно везде, где живут, трудятся, куда судьба их занесла. Не поймем этого, можем наломать таких дров, так отравить отношения между людьми, что потом целые поколения не сумеют ничего поправить.

— Вы помните, — говорил я своим слушателям, — чем это обернулось в Эстонии, Молдавии. Не обошло и Россию, Украину. А посмотрите, что возникло в Узбекистане, в Фергане, что делается вокруг Нагорного Карабаха. Как мучительно трудно ввести события в нормальную колею. Люди жили вместе, а теперь хоть раскалывай семьи. И беженцы появились на почве нетерпимости по отношению к людям иной национальности. Что нас ждет, если будем глухи к этим урокам и каждый будет замкнут только на какой-то свой стереотип?

На конкретных примерах, с цифрами в руках я старался показать, насколько иллюзорны расчеты на то, что, отделившись, республика чуть ли не на другой день разбогатеет. Ведь она получала от Союза валютных товаров больше, чем поставляла в другие республики. А ее промышленность, созданная в основном за послевоенные годы, настолько тесно интегрирована в народно-

хозяйственный комплекс, что разрыв этих связей нанесет огромный ущерб экономике.

Я настойчиво предлагал литовцам еще и еще раз обдумать ситуацию, осознать опасность поворота, на который толкают сепаратистские силы.

— Мы должны иметь обновленную партию, обновленную федерацию, обновленную демократическую структуру, обновленное общество. Строить все это, взаимодействуя и сотрудничая, а не разрушая, не отлучая, не проклиная, не сея недоверие и неприязнь по отношению друг к другу.

Должен сказать, что в интернациональном производственном коллективе (а там 30 процентов литовцев, примерно столько же поляков, 20 процентов русских, белорусов и других) все эти аргументы, как мне показалось, были правильно поняты. Сравнительно легко было приходиться к взаимопониманию и в беседах с крестьянами, чей хозяйский, практический склад ума позволял представить негативные последствия отрыва от России.

Иное дело — творческая и научная интеллигенция, с представителями которой я встретился в вильнюсском Доме печати. Там в полном смысле слова было жарко. И боюсь, мне не удалось тогда найти контакт с аудиторией, которая в большинстве своем была бесповоротно настроена на отделение. И до этого, и после не раз приходилось мне встречаться с людьми — образованными, вполне доброжелательными и терпимыми по натуре, которые тем не менее никак не откликались на самые весомые и безупречные доводы, потому что были одержимы фанатичной решимостью действовать по-своему, в соответствии с тем, что стало для них символом веры.

— Путь к политическому суверенитету, — говорил я, — к экономической независимости, культурному развитию, сохранению всех традиций один — через Конституцию суверенных государств, объединенных в федерацию. А вы знаете, что такое федерация?

Из зала закричали:

— Знаем, знаем!

— Откуда вы знаете, ведь мы в ней еще не жили. Литовцы — народ

сдержанный. Но куда же все это так быстро исчезает, включая и плюрализм мнений, когда я прошу вас выслушать мои доводы.

Боюсь, это была риторическая фраза. Ответ заключался в том, что к тому времени практически всеми средствами массовой информации владел «Саюдис» и пропаганда шла в одном ключе. А если людям изо дня в день твердят с телеэкрана, что, обособившись, они станут жить в несколько раз лучше, то через некоторое время, не столь продолжительное, это становится «идефикс» всего населения. Примеров тому великое множество в современной истории.

Но не хочу я ни в коем случае и упрощать дело. У представителей научной и творческой интеллигенции Литвы были свои веские основания добиваться полной независимости. Да, все мы не жили при настоящей федерации, но кто мог дать гарантию, что она непременно будет. Один из моих собеседников так прямо и рубанул:

— Вы, мол, Михаил Сергеевич, останетесь у руководства еще девять лет, а там мало ли кто придет, и не вернут ли нас в прежнее состояние!

Редактор газеты «Червоный штандар» З.Бальцевич на собрании республиканского партийного актива зачитал письмо коммуниста из Новосибирска Митина Виталия Михайловича. Во что он писал:

«Как коммунист-интернационалист я горячо приветствую решение XX съезда Компартии Литвы. На выход ее из КПСС вас толкнули мы сами, русские коммунисты... У литовцев было два варианта быть равными с русскими. Первый — на равных с русскими управлять страной и КПСС. Второй — выйти из состава СССР и КПСС. Первый вариант заблокировали мы, русские. К управлению всей страной литовцев близко не допускали. Правительство СССР практически состоит только из одних русских. Политбюро ЦК КПСС — тоже. Вот литовцам и остался лишь второй вариант. Этот вариант, кстати, уже подготовлен и другим тринадцати союзным республикам и партиям. Их тоже не допускают к управлению общесоюзными делами, тоже дают подачку в виде некоторой самостоятельности, но только в местных делах, не более того.

Без интернационального Политбюро нам не обойтись никак, федеральное

управление страной должно осуществлять тоже интернациональное правительство из представителей всех пятнадцати союзных республик, а не только одной РСФСР. Иное ведет к развалу партии и страны, и отвечать за это нам, русским, а не литовцам».

Замечательно четкая и честная постановка вопроса. Работник ПМК «Запсибзолотострой» в Новосибирске осмелился сказать то, о чем мало кто смел у нас говорить даже в первое время с приходом гласности. Но ведь тогда, в 90-м году, у нас уже были решения Пленума ЦК по национальному вопросу. Очень скоро, после XXVIII съезда партии, Политбюро будет формироваться на основе представительства всех компартий, а внутренняя и внешняя политика страны вырабатываться в Совете Федерации, этом своеобразном «надправительстве». И сейчас я думаю, что, если бы все это было сделано на год раньше, вполне вероятно, многие литовцы не стали бы с такой непреклонностью требовать полной независимости. Реальные очертания федерации убедили бы их, что нет нужды пускаться в одиночное рискованное плавание. Впрочем, все это теперь одни догадки.

Тогда же, повторяю, они твердо стояли на своем. Вот что, например, говорил доцент Вильнюсского университета Ю.Каросас.

— На встрече с деятелями культуры вы, уважаемый Михаил Сергеевич, несколько раз добивались от наших ораторов более ясного обоснования решений XX съезда КП стать самостоятельной. Разумеется, в его основе лежит вызванное перестройкой национальное возрождение Литвы. Одно связано с другим. Одно невозможно без другого — именно так мы это понимаем. После того как КПСС решила положить демократию в основу нашей политической жизни, у нас в республике это было воспринято прежде всего как провозглашение права на самоопределение. Для нас демократия тождественна этому праву. Вы, Михаил Сергеевич, приняли всерьез демократию, мы соответственно приняли всерьез свое право на свободу. Поэтому для нас очень скверно звучит упрек в стремлении к сепаратизму как Литвы, так и КПЛ. На наш взгляд, свобода есть неотчуждаемое право наций, а не предмет роскоши, без которого она может

обойтись.

Уважаемый Михаил Сергеевич, — продолжал ученый, — мы уверены, что вы искренне желаете всем людям добра и понимаете, что нельзя сделать народ счастливым против его воли.

Вот решающий аргумент, с которым нельзя было не согласиться. Приводился в беседах и такой довод: Ленин в 1918 году признал независимость Литвы. То же самое обязано сделать нынешнее руководство, если оно искренне, а не декларативно провозглашает право наций на самоопределение. Этой темы и я не избегал. Но постоянно подчеркивал при этом:

— Нужен конституционный механизм реализации такого права. Проект соответствующего закона уже есть, он будет вынесен на всесоюзное обсуждение. Если же кому-то упрощенно представляется, что сегодня-завтра пройдут выборы, вы соберетесь, проголосуете и сразу выйдете из Советского Союза, то это не политика.

Словом, допуская возможность отделения в принципе, я, не скрою, надеялся, что развитие экономической и политической реформы будет опережать процедуры «отделенческого процесса». Ощувив реальные блага федерации, люди перестанут быть одержимы идеей полной независимости. Начало уже сделано: в Верховном Совете на подходе решение вопросов о земле, собственности. Затем на очереди закон о разделении компетенции союзных и республиканских органов.

— Литовская ситуация, — это говорилось в последние часы пребывания в Вильнюсе, — имеет не только республиканское, но и общегосударственное значение. Речь идет о судьбе страны, о ее роли, весе и о реализации замысла, который мы в широком историческом плане рассматриваем как переход от авторитарно-централистской модели общества к социализму гуманному, демократичному, сориентированному на человека. Разве это может нас разделить?

Я уезжал из Литвы со смешанными чувствами тревоги и надежды.

Но уже очень скоро выяснилось, что переломить ход событий нам не

удалось. Не прошло и двух месяцев, как «Саюдис» одержал безоговорочную победу на выборах в Верховный Совет. Не дожидаясь второго тура голосования, его руководители собрали ночью 11 марта депутатов, открыли сессию и приняли акт о независимости Литвы, провозгласив, что на территории республики Конституция СССР и законы нашего государства больше не действуют. Причины такой поспешности легко угадывались. 12 марта в Москве открывался внеочередной Третий съезд народных депутатов СССР, на котором предполагалось избрать первого советского президента. Ландсбергис, его «команда», как теперь принято говорить, явно намеревались использовать трибуну высшего органа государственной власти Союза, чтобы заявить о выходе Литвы из состава СССР, тем самым придать хоть какую-то видимость легитимности своему явно антиконституционному образу действий.

Полагаю, не исключали они и возможность известного «политического шантажа». Моим помощникам прозрачно намекали, что, если Горбачев займет «благоразумную позицию» в отношении независимости Литвы, народные депутаты СССР от Прибалтийских республик проголосуют за его избрание президентом. Разумеется, попытки вступить в подобный торг были решительно пресечены.

Дискуссия на съезде по литовскому вопросу развернулась уже после того, как я был избран Президентом СССР. Многие ораторы выражали свое возмущение тем, что литовский парламент, по существу, потребовал признания независимости республики в ультимативной форме. А его вновь избранный председатель В.Ландсбергис проявил неуважение к съезду, не приехав в Москву, чтобы лично изложить намерения нового законодательного органа. Отмечалось, что депутаты Верховного Совета Литвы представляют всего лишь сорок с небольшим процентов населения и неправомочны поэтому решать такой судьбоносный вопрос, как отделение от союзного государства.

Некоторые депутаты, представлявшие русскоязычное население Прибалтики, опасались, что чрезмерно резкая, эмоциональная реакция съезда на неправомерные действия нового литовского руководства вызовет отчуждение на

этнической почве и обернется гражданской дискриминацией.

Тут некоторые начали меня отчитывать: почему это президент отмалчивается, мы только что его избрали — ему и карты в руки. Он ведь по Конституции гарант гражданских прав и только что клялся стоять на их страже.

Откликаясь на этот призыв, я сказал, что мы на протяжении полу-тора-двух лет вели активный диалог с литовским народом. Если сегодня события приобрели такие острые формы, то нельзя винить в этом представителей всех республик, проявлявших уважение, терпение, чувство товарищества к народу Литвы.

Далее я предложил с несколькими поправками принять проект постановления съезда, подготовленный по моему поручению В.М.Фалиным. Суть его сводилась к тому, что, подтверждая право каждой союзной республики на свободный выход из СССР, съезд объявлял решения, принятые Верховным Советом Литвы, недействительными до принятия закона, определяющего порядок и последствия выхода из состава Союза. Кроме того, Президенту СССР поручалось обеспечить защиту законных прав всех людей, проживающих на территории Литовской Республики.

Верховный Совет Литвы официально отказался признать решения Третьего съезда народных депутатов и отменить собственную Декларацию о независимости. Тем не менее в Вильнюсе поостереглись и действовать в соответствии с этой декларацией, ее духом и буквой. Фактически все оставалось как прежде: в Литве продолжали действовать советские законы, сохранялась вся структура связей республики с союзными органами государственной власти. Не считая отдельных провокаций, не делалось и сколько-нибудь серьезных попыток помешать выполнению функций частей Советской Армии, расквартированных в республике, и т.д. Грубо говоря, Ландсбергис решил взять нас измором. Учитывая невыгодное для себя соотношение сил, он выжидал, пока Союзный центр, перегруженный острейшими проблемами, все более вовлекаемый в тяжелую, вязкую борьбу с российским руководством, вовсе махнет рукой на Литву и предоставит ей желанную свободу.

Разумеется, мы видели эти нехитрые маневры и стремились противопоставить им свою тактику. Было решение Третьего съезда, его нужно было выполнять, и с этой целью решили создать комиссию во главе с Рыжковым для ведения переговоров с литовским руководством. Но Ландсбергис с самого начала заупрямился, объявив, что переговоры могут состояться только в том случае, если они будут вестись по протоколу, какой принят в отношениях между суверенными государствами. Эта претензия была, естественно, отклонена, и в течение месяцев дело не сдвигалось с места. А между тем был уже принят Верховным Советом закон о порядке выхода союзной республики из СССР, и литовское руководство имело теперь возможность поставить это на легитимную основу. Но в том-то и дело, что в Вильнюсе не хотели действовать по закону, опасаясь, что референдум может дать негативный для них результат. Основания для таких опасений были, и очень серьезные, потому что экономическое положение республики начало стремительно ухудшаться.

Здесь я хочу вернуться к аргументированному выступлению на съезде председателя Госплана СССР Маслюкова. Он предупреждал, что разрыв экономических связей, который станет неизбежным следствием объявленного правительством Литвы намерения изменить структуру своей промышленности, вызовет потери для хозяйства самой Литвы и других союзных республик порядка 14 миллиардов рублей. При переходе на расчеты в свободно конвертируемой валюте Литва получит отрицательное ежегодное сальдо порядка 3,7 миллиарда рублей. Допускаю, что краски несколько сгущались, но в основе своей оценки было достаточно объективными. Однако литовское руководство пропустило их мимо ушей, находясь в состоянии эйфории после собственных смелых решений и полагаясь на благосклонное отношение Запада.

В своем выступлении Маслюков привел отрывок из любопытной статьи, опубликованной комиссией по независимости Литвы. В ней говорилось, что стратегия внешнеэкономических связей республики должна ориентироваться на дальнейший импорт основного сырья и топлива из СССР. В то же время намечалось заимствование прогрессивной техники и технологии путем создания

совместных предприятий с западными странами и экспорта их продукции на Восток, а по мере повышения уровня — на Запад. Иначе говоря, открыто и довольно беспардонно заявлялось о намерении использовать Россию в качестве своего рода дешевой сырьевой базы для «технологизации» Литвы. Одна из московских газет поместила карикатуру: корова с длинной шеей поедает корма в России, а доят ее в Литве.

Я уже рассказывал о направлении Ландсбергисом неофициального посла с предложением заключить своего рода перемирие. В это же время я не раз беседовал с Прунскене. В литовском руководстве того периода она отличалась более взвешенным подходом к проблемам отношений Литвы с Россией и Союзом, старалась, как и Бразаускас, искать взаимоприемлемые развязки. Будучи неплохим экономистом, Казимира Яновна отдавала себе отчет, что, и добившись независимости, Литва остается соседом нашего великого государства, ее будущее в огромной мере зависит от сохранения истинно партнерских, дружеских отношений с Москвой. Но, похоже, как раз эта ориентация Прунскене и ее популярность у сограждан вызвали недовольствие радикально настроенных идеологов «Саюдиса». Во время последней встречи (это было 7 января 1991 года) она призналась, что, пока находится в Москве, ее могут снять с работы. И действительно, уже 8 января ей пришлось уйти в отставку.

Фактически на правительство Прунскене свалили плачевные результаты всей политики Ландсбергиса и его окружения, приведшие республику к глубокому экономическому кризису. К этому добавились непродуманные эксперименты, рассчитанные на то, чтобы на порядок опередить Союз в хозяйственных реформах, совершить, так сказать, «большой скачок». Вероятно, немалые расчеты возлагались на щедрую помощь Скандинавских стран: те действительно сулили многое, но особенно раскошелиться никто не стал.

Не может быть сомнений, что самоуверенность литовских руководителей в немалой мере подпитывалась событиями в России. Я говорил, что Ландсбергис вроде бы дрогнул, пошел на попятную и начал искать пути для установления

контактов. Но едва радикал-демократы добились избрания Ельцина Председателем Верховного Совета РСФСР, как литовцы дезавуировали свои «миротворческие» инициативы. Больше того, словно пожалев о потраченном зря времени, Верховный Совет Литвы принял одно за другим дискриминационные решения по отношению к Союзу, общесоюзным интересам, ущемляющие граждан нелитовской национальности. И на все это, я не сомневаюсь, в Вильнюсе отважились потому, что получили заверения о поддержке от российского руководства, а может быть, даже рекомендации действовать более жестким образом.

В этой связи предприятия союзного подчинения, офицерские собрания частей армии и флота, отдельные граждане засыпали Кремль телеграммами с требованием введения президентского правления. Все смелее выступала и компартия, стоявшая на платформе КПСС. Атмосфера накалялась, и искрой для взрыва послужило повышение розничных цен. Оно вызвало недовольство трудящихся всех национальностей.

Поначалу выдвигались экономические, а затем и политические требования: долой правительство, долой Ландсбергиса! Рейтинг его практически упал до нуля. Было известно, что среди депутатов обсуждался вопрос о замене Председателя Верховного Совета. Не странно ли, что спасение его пришло, можно сказать, от «противной стороны»? Не было бы «литовского путча» 13 января — по-другому могли бы развиваться события.

«Развод» без закона

Судьба Литвы решалась в зависимости от того, какой из трех подходов возьмет верх. Ландсбергис и его сторонники были полны решимости добиваться независимости любой ценой. Их при этом нисколько не смущало, что немалая часть населения, в том числе литовцев, не хотела разрыва с Советским Союзом и, уж во всяком случае», не сочувствовала столь воинственной, агрессивной позиции сепаратистов.

Бурокаявичюс и его сторонники были готовы любой ценой противодействовать этому; их решимость в значительной мере питалась

уверенностью в том, что высшее партийное и государственное руководство Союза не допустит ухода Литвы и окажет им всемерную поддержку.

Президент СССР занимал единственно возможную для себя, полностью соответствовавшую Конституции СССР и постановлению Съезда народных депутатов позицию: использовать все политические средства, чтобы предотвратить выход республики из состава союзного государства. А если это не удастся и народ Литвы на референдуме выразит свою волю отделиться — провести переговоры и совершить «развод» по закону и справедливости с тем, чтобы обеспечить в будущем нормальные отношения сотрудничества и партнерства между СССР и независимым литовским государством.

Сегодня, когда пытаются дать оценку событиям 13 января в Вильнюсе, и политики, и исследователи нередко впадают в крайность, занимая априори ту или иную позицию, игнорируя сложный контекст, в котором произошла вильнюсская трагедия.

7 января в Литве объявляется о повышении цен. 8 января в Вильнюсе состоялась массовая демонстрация перед зданием правительства против этой меры. В тот же день, как я уже говорил, Казимира Прунскене вынуждена была уйти в отставку. 9-го в литовской столице вновь собралась мощная демонстрация, участники которой потребовали немедленного введения президентского правления.

В записке от 7 января ЦК КП Литвы (на платформе КПСС) обратился ко мне с предложением ввести президентское правление. Из республики одна за другой шли тревожные телеграммы с просьбой принять меры по наведению порядка. Но и в этой ситуации идти на крайнюю меру я по-прежнему не считал себя вправе. 10-го обратился к Верховному Совету Литовской ССР и призвал незамедлительно восстановить в полном объеме действие Конституции СССР, так как обстановка принимает взрывной характер.

Смысл послания сводился к тому, чтобы предотвратить дальнейшее нагнетание обстановки. И сделать это не ценой отказа от требований независимости, а обязательством добиваться этой цели в рамках

конституционной законности. Однако тогдашний литовский лидер не воспользовался и этим шансом. Почему? Думаю, есть только одно объяснение. Он отдавал себе отчет, что очевидное фиаско проводившегося до сих пор непримиримыми саюдистами политического курса окончательно дискредитирует их в глазах народа и вынудит передать власть более умеренному и разумному течению в национально-освободительном движении литовцев.

Всякий компромисс был губителен для будущего Ландсбергиса как политического деятеля. Действуя по принципу «чем хуже, тем лучше», он спровоцировал создание 11 января Комитета национального спасения. На антиконституционные действия Верховного Совета Республики, отбросившего союзную Конституцию, последовало создание неконституционного органа. Борьба из конституционного русла перешла в русло прямой конфронтации.

В последующие два дня в Вильнюсе установилась классическая ситуация двоевластия, когда ни одна из сторон не в состоянии сломить сопротивление другой. Язов, Крючков и Пуго доложили мне, что ими принимаются меры на случай, если обстановка в Вильнюсе выйдет из-под контроля и начнутся прямые столкновения сторонников «Саюдиса» и коммунистов, станет неизбежным введение президентского правления. Речь шла именно об этом и ни о чем другом — *на случай, если дело дойдет до крови.*

Пришла телеграмма генерала Варенникова, прибывшего в Вильнюс 10 января, в которой ситуация оценивалась как опасная и ставился вопрос о президентском правлении. В самый канун трагических событий в литовской столице была предпринята еще одна попытка удержать ситуацию под контролем и помочь схватившимся там политическим группировкам найти разумное решение. 12 января положение в Литве обсуждалось на заседании Совета Федерации. Докладывал Пуго. Я констатировал, что остался шаг до кровопролития, и предложил послать представителей Совета Федерации, с тем чтобы разобраться на месте и доложить нам о желательных мерах. Назвал Дементя и Нишанова.

Ельцин сказал, что информация, которой мы располагаем, носит

односторонний характер, имеет место демонстрация силы союзных органов. Он, в частности, утверждал, что послание Президента СССР Верховному Совету Литвы «составлено не в тех выражениях, которые требовались. Это не ультиматум, но и не призыв к соглашению». Он высказался против включения в состав делегации Нишанова.

Председатель Верховного Совета Латвии Горбунов назвал информацию Пуго упрощенной. А вот что говорил эстонский премьер Сависаар: «Мы нашли с Язовым компромисс по вопросу о призыве в армию. Я спросил: у нас тоже ждать десантников? Он сказал категорически — нет. Час назад мне сообщили, что такие части уже высажены». Язов утверждал, что десантники в Эстонию направлялись.

Я напомнил присутствующим, что истоком событий явились торопливые решения Верховного Совета Литвы, принятые 11 марта 1990 года.

— Не будем признавать Конституции, законов — ввергнем страну в пучину конфликтов. Бичкаускас говорил здесь о саботаже переговоров. Но ведь сами литовцы сделали упор на протоколе, безосновательно требуют, чтобы переговоры носили межгосударственный характер. И только две недели назад отказались от этого условия. Мы — против применения силы и все время искали разумные развязки. Недавно приезжала Прунскене, вновь просила ускорить начало переговоров. Нужно снимать противостояние, идти к экономическому соглашению, к Союзному договору.

Ельцину я высказал пожелание, чтобы в Верховном Совете России воздержались от заявлений, которые могут лишь подтолкнуть литовское руководство к более агрессивной позиции. В заключение подчеркнул: причины нарастающего в Литве недовольства не сводятся к ценам. Речь идет о самочувствии многих сотен, тысяч людей — и коренного населения, и русских, и поляков, оказавшихся в положении изгоев.

В конечном счете было решено немедленно направить в Вильнюс делегацию Совета Федерации в составе Тер-Петросяна, Дементя, Олейника, Фотеева. В тот же день, 12-го, я сделал заявление, что кризис будет разрешен

политическими методами. Но еще до приезда делегации Совета Федерации, в ночь с 12 на 13 января, был осуществлен захват телевизионной башни и радиостанции с участием советских войск, приведший к гибели людей.

Поэтому, едва получив известие о событиях в Вильнюсе, я связался с Крючковым и потребовал объяснений. Председатель комитета госбезопасности сказал, что ни он, ни Пуго не отдавали приказа о силовой акции. Решение принималось на месте, а кем именно, нужно еще выяснить. Он пытался преуменьшить масштабы столкновения, представить его как результат обструкционистских действий местных властей и агрессивно настроенной националистической толпы. Я прервал Крючкова, сказав, что погибли люди и за это власти несут ответственность. У меня все меньше уверенности в том, что у Буруквичюса и его сторонников серьезная общественная поддержка. Если она и была, то теперь Ландсбергис в глазах литовцев будет выглядеть героем. Потребовал от Крючкова поддержать усилия делегации во главе с Дементеем.

Позвонил и Язову:

— Как могло случиться, что использовали войска, кто дал санкцию?

Он говорит:

— Мне доложили, что это исходило от начальника гарнизона. Трудно было поверить, что он мог сделать это без согласия министра. Но я тогда доверял Язову.

Кстати, на другой день, отвечая на вопросы депутатов в Верховном Совете СССР, Пуго заявил, что взятие под охрану имущества КПСС в Вильнюсе было осуществлено в соответствии с постановлением Совета Министров СССР, но ни президент, ни кто-либо из центра не давал указания о применении армейских подразделений.

Механизм, который был приведен в действие в ночь с 12 на 13 января (вооруженная акция по взятию башни и радиостанции) до сих пор не раскрыт; не выяснены и конкретные лица, давшие команду уже после того, как состоялось заседание Совета Федерации и были приняты его решения направить полномочных представителей в Литву.

Но, как говорится, все тайное станет явным. Постепенно проясняются многие важные детали происшедшего. Недавно я получил книгу от ветеранов подразделения «Альфа». Она называется «Альфа — сверхсекретный отряд КГБ». Вот что, в частности, там написано:

«7 января 1991 года сотрудники группы — заместитель начальника группы «А» подполковник Головатов Н.Б., начальник 4-го отделения майор Мирошниченко А.И. и старший оперуполномоченный 1-го отделения капитан Орехов И.В. находились в командировке в городе Вильнюсе для проведения рекогносцировки и других подготовительных мероприятий по планированию чекистско-войсковой операции с участием сотрудников группы «А».

Итак, планировалась «чекистско-войсковая операция». Могут сказать, что все это делалось на тот случай, если события примут чрезвычайный характер и потребуются действия союзных властей. Хорошо, пусть так. Но 12 января Совет Федерации обсудил ситуацию и принял решения, предусматривающие политические меры для ее разрядки. Остается предположить, что руководители силовых структур не были согласны с этими решениями, хотя и не выступили с возражениями. И, сговорившись, пошли на авантюрный шаг, полагая, что задуманная операция удастся им легко. Главный расчет был — сделать это до приезда делегации Совета Федерации, поставить президента перед фактом, втянуть и его в эту авантюру. Считали, видно, что мне просто некуда будет деваться.

Что это было именно так, подтверждает следующая выдержка из упомянутой книги: «В соответствии с разработанным оперативным штабом КГБ Литвы и Прибалтийским военным округом Министерства обороны СССР планом, исходя из складывающейся критической политической обстановки в республике, перед сотрудниками Министерства обороны, МВД СССР была поставлена задача по деблокированию ряда объектов, недопущению вывода их из строя сторонниками движения «Саюдиса», прекращению вещания провокационных и подстрекательских теле- и радиопередач и взятию этих объектов под охрану внутренних войск МВД СССР... В оперативное подчинение

«Альфе» передавались силы 234-го полка 76-й Псковской воздушно-десантной дивизии Министерства обороны СССР и сотрудники ОМОНа МВД Литвы».

Напоминаю, что я поручал Крючкову, Язову и Пуго внимательно наблюдать за развитием обстановки и оказать содействие нашим товарищам, поехавшим от имени Совета Федерации.

Спустя много месяцев, уже в ходе расследования августовского путча 1991 года, Прокуратурой РСФСР были обнаружены документы, относящиеся к событиям в Вильнюсе. В так называемой «Справке по итогам командировки в г. Вильнюс» есть запись: «После принятия инстанциями решения о проведении операции в ночь с 12 на 13 января был произведен боевой расчет сил и средств... и т.д.»¹ Значит, были «инстанции»? Но если президент и Совет Федерации высказались за политическое решение и направили своих представителей в Вильнюс, то какие же это были инстанции?

Худшие мои опасения в связи с исходом событий в Литве очень скоро подтвердились. Дело не только в том, что после кровопролития 13 января все усилия предотвратить выход Литвы да и других Прибалтийских республик из состава Союза оказались тщетными. За исключением части русскоязычного населения в Балтии, можно сказать, в общественном мнении страны произошел поворот. Люди начали задавать вопрос: «Стоит ли удерживать прибалтов силой, проливать кровь? Раз уж они так хотят стать независимыми, Бог с ними, пусть уходят».

Ситуация в Прибалтике снова обострилась, когда через неделю за кровопролитием в Вильнюсе последовали кровавые столкновения в Риге. И здесь события развивались по очень похожему сценарию. 13 января Пленум ЦК Компартии Латвии заявил, что поддерживает требования трудовых коллективов о роспуске Верховного и всех местных Советов республики, отставке правительства, назначении новых выборов. В противном случае «Вселатвийский комитет общественного спасения» готов принять на себя всю полноту государственной власти.

¹ Степанков В., Лисов Е., Кремлевский заговор. С. 273.

Словом, выступление Компартии Латвии явно было продиктовано стремлением оказать поддержку своим литовским товарищам и надеждой, что возвращение коммунистов к власти в Прибалтике примет как бы «цепной» характер. Случилось обратное. Слабость позиций привела к проигрышу.

Теперь о самой стычке в латвийской столице между ОМОНОм, охранявшим здание союзной прокуратуры, и силами МВД республики, уже сформированными на основе провозглашения независимости Латвии. Дело вылилось в настоящий бой в центре Риги. Человеческие жертвы, как и в Литве, только укрепили латышей в намерении добиваться полной независимости.

Ранним утром Язов доложил мне, что к нему ночью трижды звонили из кабинета Горбунова. Ссылаясь на поручение Председателя Верховного Совета республики, который «находится где-то на ужине с иностранной делегацией и слышит стрельбу», просили связаться с министром обороны СССР с просьбой ввести войска, чтобы остановить кровопролитие. Язов, по его словам, трижды ответил «нет» и дал указание не реагировать на подобные обращения, от кого бы они ни исходили.

Странное все это дело, подумалось мне тогда. Неужто по такому вопросу Горбунов не нашел нужным подойти к телефону и сам поговорить с министром?

Теперь по существу. Конечно, не обязательно подозревать провокацию. Всякому нормальному человеку, узнавшему о стрельбе в центре большого города, приходит в голову прежде всего обратиться к помощи милиции или армии. А если известно, что столкнулась республиканская милиция с отрядом союзного МВД, — то именно к армии. Вроде бы вполне логично, и на такую просьбу надо реагировать.

С другой стороны, нельзя отделаться от подозрения, что намеренно втягивают армию, чтобы потом поднять шум. Короче, хотел этого Горбунов или нет, но кому-то в Риге вооруженное столкновение было позарез необходимо. Темное вообще было это дело. Схватка произошла вроде бы на небольшом пространстве между зданием ЦК Компартии Латвии и прокуратурой — это всего двести метров. А убит оказался человек в другом месте, выстрелом в спину.

Словом, в Латвии, как и в Литве, это отвечало интересам местных сепаратистов и едва ли обошлось без провокаций с их стороны.

Вспоминаю я в этой связи и свою встречу с Горбуновым и Рубик-сом. Она состоялась уже на другой день после событий, 22 января. Я говорил собеседникам, что с обеих сторон необходимо принять немедленные меры, чтобы не допустить эскалации конфликта. Президентский аппарат буквально завалили письмами из Латвии, что там может разгореться большая война. Я показал почту — два огромных короба.

Рубикс сказал, что не хочет обвинять в происшедшем персонально Горбунова, но Председатель Верховного Совета должен знать, что форсированными темпами идет формирование вооруженных отрядов и уже составляются списки лиц, которых намерены репрессировать. Он положил копии этих списков на стол.

Мы пришли к выводу, что возможности для сотрудничества есть. На этой хорошей ноте и расстались. Я просил Пуго помочь их взаимодействию, быть у них своего рода третейским судьей, поскольку сам он оттуда, всех знает лично. Тем не менее никакого взаимодействия не получилось. А Рубикс оказался в тюрьме.

Что касается вооруженного столкновения в Риге, то есть основание полагать, что оно было сознательно спровоцировано. Скорее всего, нити тянутся к радикально настроенным местным сепаратистам. Дело в том, что после вильнюсской трагедии, как я уже говорил, были отданы категорические распоряжения против использования вооруженных сил. Кроме того, поднятая в прессе, отечественной и зарубежной, мощная кампания протестов не могла не повлиять и на руководителей наших силовых ведомств. Сомневаюсь, чтобы они в тот момент хотели навлечь на себя суровые обвинения в насилии.

Кроме того, разбирательство случившихся инцидентов проходило публично, при участии многих народных депутатов СССР. Верховный Совет заслушал сообщения Дементя, Олейника, Тер-Петросяна, Фотеева об обстановке в Литве и принял решение направить в Вильнюс Г.С.Таразевича,

председателя Комиссии Совета Национальностей по национальной политике и межнациональным отношениям. Несколько дней спустя Президиум Верховного Совета СССР постановил: принять к сведению информацию группы народных депутатов, выезжавших по поручению Верховного Совета в Латвию, и призвать государственные органы Латвийской ССР, все политические партии и объединения граждан исключить из своей деятельности какие-либо попытки решать вопросы внутренней жизни республики путем применения насилия.

Вдумчивый историк не пройдет мимо огромного количества постановлений Верховного Совета, правительства, президентских указов и обращений, в которых отмечаются нарушения Конституции СССР и советских законов Верховными Советами и правительствами Прибалтийских республик. Став на путь, как я уже говорил, достижения независимости любой ценой, сепаратистские партии, пришедшие здесь к власти, действовали своевольно, можно сказать, необольшевицкими методами. И они могли действовать так только потому, что опирались на поддержку российского руководства. Сразу после вильнюсского столкновения Ельцин, как известно, вылетел в Таллинн, где встретился с руководителями трех республик и подписал документ о признании Россией их суверенитета. Одновременно — беспрецедентный шаг в международной практике — руководители России и трех Прибалтийских республик обратились к Генеральному секретарю ООН с предложением созвать международную конференцию по урегулированию проблемы Прибалтийских государств. Иначе говоря, это был акт прямого приглашения к вмешательству во внутренние дела СССР.

Российские сепаратисты (не правда ли, странно звучит, но такова политическая реальность), всячески подталкивая прибалтов к отделению, в свою очередь активно использовали вильнюсский и рижский инциденты в интересах укрепления своих позиций и мощной атаки на Союз, союзный центр. 20 января в Москве состоялась демонстрация в знак протеста против событий в Вильнюсе, и здесь уже раздавались требования отставки Горбачева, Язова, Пуго. Пресса, тон которой задавали в основном радикальные демократы, не пытаясь разобраться в

сути происшедших событий, валила все на президента, и это не могло не произвести впечатление на интеллигенцию.

Некоторые ее представители в одночасье забыли о том, что именно перестройка дала возможность провести скрупулезное расследование обстоятельств, связанных с заключением секретного Протокола к советско-германскому пакту 1939 года, и подтвердить наличие сговора в отношении Прибалтики; восстановить историческую справедливость и осудить наше вторжение в Венгрию и Чехословакию, что на съездах народных депутатов СССР подверглись критическому разбору драматические столкновения в Тбилиси, в том же Вильнюсе и других местах.

Пылая «праведным негодованием», не дав себе труда по-настоящему разобраться в тайных пружинах, которые привели к кровопролитию, они поторопились объявить существующий союзный режим преступным и выступить с яростными нападками на Президента СССР. Я имею в виду, в частности, заявление Абуладзе, Амбарцумова, Бовина, Голембиовского, Заславской, Петракова, Попова, Рыжова, Станкевича, Старовойтовой и Шаталина о событиях в Литве, опубликованное в «Московских новостях». Кстати, никто из них не говорил о неконституционных действиях литовских властей.

Между тем 22 января я выступил по телевидению с заявлением о событиях в Литве, подчеркнув, что они никоим образом не являются выражением линии президентской власти. Указав на недопустимость использования военной силы для решения политических вопросов, я в то же время обратил внимание на необходимость устранить источники конфликтной ситуации, восстановить конституционный порядок. В тот же день было опубликовано заявление Прокуратуры СССР с призывом к повсеместному соблюдению законности и осуждению применения силы. Говорилось, что случаи использования военной силы будут расследованы и виновные, вне зависимости от должности, будут наказаны по закону.

В те дни, наряду с Горбуновым и Рубиксом, я встретился с Арнольдом

Рюйтелем, Председателем ВС Эстонии. Это вдумчивый, серьезный руководитель, сумевший удержать от крайностей эстонских сепаратистов, отличавшихся не меньшей агрессивностью, чем их литовские и латышские партнеры.

Не откладывая дело в долгий ящик, было решено назначить делегации для обсуждения с представителями Прибалтийских стран всего комплекса политических, социальных и экономических вопросов. Делегацию для переговоров с Латвией возглавил Владимир Макарович Величко, бывший тогда первым заместителем премьер-министра СССР, с Литвой — Виталий Хусейнович Догужиев, тоже первый заместитель премьера, с Эстонией — Николай Павлович Лаверов, видный ученый, академик, заместитель премьера.

Эту часть своих воспоминаний завершу эпизодом с проведением опроса в Литве. Сама по себе эта инициатива свидетельствовала об определенном сдвиге в политике Ландсбергиса. Руководители «Саюдиса» поняли, что им все-таки придется заручиться согласием народа на отделение от СССР. Вдобавок после случившейся драмы у них был, вероятно, уникальный шанс рассчитывать на положительный для себя исход опроса.

Я по совету товарищей принял тогда указ, объявив заранее, что результаты опроса не могут заменить референдума, предусмотренного законом о выходе из СССР. Откровенно говоря, считаю, что с этим указом поторопился. На опросе литовцы получили довольно внушительные результаты в пользу независимости и тем самым, пусть не полноценно правовое, но достаточно веское моральное основание продолжать взятый курс на полное отделение.

Вновь и вновь размышляя над всем этим, думаю, что события все же развивались бы по-другому, если бы не авантюра путчистов и сговор в Беловежской пуще.

«Артподготовка» и объявление войны

В январе и феврале 1991 года велся в полном смысле слова артиллерийский обстрел позиций союзных властей, рассчитанный на то, чтобы «выбить их из седла», лишить воли к сопротивлению и в конечном счете

уничтожить.

Именно так следует квалифицировать скоординированные выступления газет и радиостудий, находившихся под прямым или косвенным влиянием Демроссии. В августе 93-го, грозясь распустить парламент вопреки его воле, Ельцин заявил, что сентябрь станет временем «пропагандистской артподготовки». Так вот, похоже, именно такую артподготовку из всех имеющихся в их распоряжении орудий начали демократы в начале 91-го, чтобы организовать фронтальное политическое наступление на Союз, центр, президента. Не только события в Прибалтике, но и все, что в то время происходило в стране, подавалось исключительно под одним углом зрения — как происки засевших в Кремле реакционеров. Писали, что Горбачев пошел на стговор с правыми, дал задний ход, переродился и т.д. В грубо искаженном виде интерпретировали любую акцию властей. А наиболее одиозные публикации содержали прямой призыв к неповиновению и сопротивлению.

Нагляднее всего об этом свидетельствует пресс-конференция, проведенная Ельциным 14 января по итогам своей поездки в Таллинн. Он заявил, что руководители четырех республик — России, Украины, Белоруссии и Казахстана — решили, не дожидаясь подписания Союзного договора, заключить четырехстороннее соглашение. Мотивировалось это тем, что им пытаются навязать проект, «одобренный Пленумом ЦК и Верховным Советом СССР». А чтобы никто не питал иллюзий относительно решительности российского руководства, добавил, что «защитить суверенитет без российской армии нам, видимо, не удастся».

Итак, российская армия должна была защищать независимость России против... союзной армии, состоящей на 80 процентов из русских. Большое безрассудство, если не сказать безумие, трудно придумать. Поэтому я вынужден был уже на другой день на заседании Верховного Совета СССР категорически осудить это заявление. Ельцин тогда не рискнул приступить к практическому осуществлению своих угроз в отношении создания «собственных» вооруженных сил, но в «мозговом центре» радикал-демократов работа кипела вовсю. Одна за

другой проводились прицельные атаки по центру, и нет никаких сомнений, что существовал стратегический план кампании.

Вместо того чтобы заниматься насущными проблемами преодоления кризисных тенденций, решением сложных межэтнических споров и предотвращением возникающих на этой почве конфликтов, приходилось все чаще вступать в изнуряющую борьбу с «демократической» оппозицией. Она настолько измотала союзные власти, отняла столько драгоценного времени, что лишила Союз достаточных запасов прочности и сделала возможным покушение на него со стороны консервативных сил, а затем и самих радикал-демократов, которые его добились.

Разумеется, все это выглядит совершенно иначе в изображении идеологов демроссийского направления. Послушать их, так все дело было в том, что президент отошел от позиций «левого центра», сблизился с номенклатурщиками, начал петь под их дуду и так далее. Любой акт союзных властей, все указы президента интерпретировались под этим углом зрения. И особенно постарались дискредитировать меры, направленные на поддержание общественного порядка. В первую очередь речь идет о моем указе от 26 января «О мерах по обеспечению борьбы с экономическим саботажем и другими преступлениями в сфере экономики», которым устанавливалось, что органы внутренних дел и госбезопасности имеют право входа и осмотра производственных и иных служебных помещений, получения документов и иных сведений от руководителей предприятий и учреждений, информации в банках, опечатывания касс и т.д. И другой указ — от 29 января «О взаимодействии милиции и подразделений Вооруженных Сил СССР при обеспечении правопорядка и борьбы с преступностью».

На этом хочу остановиться особо. Дело в том, что само содержание обоих указов дает вроде бы основания для трактовки, с какой выступала часть средств массовой информации. Слишком много натерпелись наши люди при прошлых порядках от правового беспредела, беззащитности граждан перед произволом властей. Поэтому даже слабый намек на усиление карательных функций

правозащитных органов встречается с настороженностью и опаской. Думаю, такая бдительность полезна, общество должно быть начеку, иметь надежные механизмы защиты от угрозы возрождения полицейского режима.

С другой стороны, нельзя не видеть, что углубляющийся экономический кризис, усиливающиеся политические баталии и ослабление власти резко подстегнули преступность. А параллельно с нею стала разрастаться коррупция в государственных органах. Вдобавок то, что укрывалось от глаз общественности в период застоя, благодаря гласности становилось известным. В печати были опубликованы статьи о злоупотреблениях ряда высших должностных лиц, в том числе руководителей некоторых республик, союзных министерств, партийных деятелей. Все это вызывало законную тревогу и негодование у людей, требовало принятия решительных мер.

Этим я и руководствовался, подписывая указы, подготовленные соответствующими ведомствами. В частности, ничего не видел предосудительного в том, что военнослужащие городских гарнизонов будут помогать милиции поддерживать порядок в городах. Не в первый раз и не только у нас, а и во многих других странах призывают на помощь армию, когда полицейские подразделения не в состоянии справиться с преступниками. Но я, конечно, не мог предполагать, что с первых же шагов указ этот будет дискредитирован неумными распоряжениями соответствующих начальников. Выведя в первый же день после его опубликования бронетранспортеры на улицы Ленинграда, они вызвали законное возмущение людей и дали повод утверждать, что вся эта акция направлена вовсе не против преступников, которых, конечно, не ловят таким способом, а против демонстраций и митингов оппозиционных сил.

Что касается расширения возможностей борьбы с экономическими преступлениями, то, мне кажется, шум, поднятый против этого указа, был инспирирован при прямом участии начавших тогда возникать мафиозных структур и всякого рода сомнительных дельцов. Разумеется, им вовсе не хотелось, чтобы дотошные следователи получили право требовать полную

документацию, при необходимости изучать содержимое сейфов и т.д. Поэтому была развернута широкая пропагандистская контркампания, поднят, можно сказать, вселенский вопль о том, что-де подавляют честных бизнесменов, нарушают тайну деловых операций, посягают на права граждан. Боюсь, этот шум повлиял-таки на нервы работников Фемиды, вынудив их чрезмерно деликатничать, чтобы, не дай Бог, не снискать славы душителей свободной инициативы.

Вдумаемся. То, что было в этом смысле два года назад, не идет ни в какое сравнение с разгулом преступности и коррупции, какую мы имеем сейчас. Тогда у нас в печати велись споры, можно ли говорить о наличии в Советском Союзе мафии или до этого еще дело не дошло. Теперь никто не спорит с тем, что по этому показателю мы обогнали Италию, а кровавые разборки между мафиозными-группами в Москве почище, чем в Чикаго во время «сухого закона» Миллиарды долларов уплывают за рубеж и оседают в банках, ожидая будущих своих владельцев из России. Все это — результат попустительства, бездействия властей. Беру и на себя часть вины за то, что не сразу и не в должном объеме развернул борьбу против жулья.

Но факт состоит в том, что предпринимавшиеся в этом направлении попытки фактически блокировались оппозицией, часть которой уже в те времена начала срастаться с коррумпированными структурами в молодом нашем бизнесе, а уж придя к власти, создала им надежное прикрытие. Не оттого ли идут прахом все афишируемые программы борьбы с преступностью?

Ну а тем, кто все еще подозревает меня в недобрых намерениях, хочу напомнить, что 13 февраля я выступил на совещании работников Прокуратуры СССР и республик как раз с четкой ориентацией их на соблюдение закона без каких-либо политических пристрастий. Я говорил, что мы уходим от одной, административно-бюрократической, системы, а другую, демократическую, правовую, еще не успели создать. В этом промежуточном положении «нас болтает», не все выдерживают. Но нельзя ни возвращаться назад, ни поддерживать тех, кто выступает с ультрарадикальных позиций. Недопустимы

попытки разваливать страну, создавать какие-то параллельные центры власти. Прокуратуре надо готовиться к новым условиям работы, исходя из того, что у нас должна быть одна для всех диктатура — диктатура закона.

Иначе говоря, уже тогда, зимой 91-го, я не склонялся ни вправо, ни влево, а наоборот, занял центристскую позицию и стремился увести государственные органы, от которых зависело соблюдение порядка в стране, от опасности подпасть под влияние правых и левых экстремистов, стать орудием их групповых интересов.

Уже тогда оба эти фланга начали осуществлять свою далеко рассчитанную стратегию: один — развала Советского Союза, другой — восстановления сверхцентрализованного унитарного государства. В феврале, по позднему признанию С.Шушкевича,² был разработан договор-«заготовка», который послужил основой документа, принятого через несколько месяцев в Беловежской пуще. И тогда же, в феврале, А.И.Тизяков³ начинает сочинять проекты документов о введении чрезвычайного положения. Две группы заговорщиков вели подкоп под Кремль, стараясь опередить друг друга.

Разумеется, в то время в моем распоряжении не было точных сведений обо всех этих интригах и махинациях. Хотя из разных источников поступала некоторая информация, были догадки, кое-что подсказывала политическая интуиция. Мне все больше становилось ясно, что политическая борьба в предстоящий период развернется прежде всего вокруг вопроса о судьбе союзного государства: быть ли ему вообще, если да, то в каком виде. От этого в конечном счете зависела и перспектива реформ — экономической, политической, правовой. Я считал, что все эти вопросы, затрагивающие судьбы нашего народа, невозможно решать без его участия. Кроме того, не скрою, был убежден, что люди наши в массе своей определенно выскажутся за сохранение Союза и его преобразование в полнокровную федерацию. Верховный Совет поддержал предложение о референдуме, и уже 16 января был опубликован

² Бывший Председатель Верховного Совета Беларуси.

³ Директор оборонного предприятия Екатеринбурга, позднее — член ГКЧП.

президентский указ, назначивший его проведение на 17 марта.

Должен сказать, что было много споров вокруг формулы всенародного опроса. Мы долго обсуждали ее с помощниками, рассматривали на Совете Федерации и, конечно, на заседаниях Верховного Совета. А когда наконец пришли к общему мнению и предали гласности, демократическая печать немедленно приняла ее в штыки. При этом приводилось два довода. Во-первых, жаловались на то, что в одну связку соединены вопросы о сохранении Союза ССР и его обновлении, преобразовании в федерацию — такая-де расплывчатость формулировки может подтолкнуть многих проголосовать «за» и в будущем послужит основой альтернативных трактовок итогов опроса. А другой довод заключался в том, что-де воля народов малых республик будет искажена, поскольку в численном отношении их население несопоставимо с населением России. Русские люди, скорее всего, выскажутся за сохранение Союза, и это решит дело.

Разумеется, оба довода не выдерживают никакой критики. Отвечая на них, мне много раз пришлось разъяснять, что упоминание об СССР не содержит в себе никакого подвоха, никакой задней мысли. Это очевидно из того, что к тому времени был готов проект договора о Союзе суверенных государств. С другой стороны, отвечая на вопросы о сохранении Союза, граждане должны были, конечно, иметь в виду, что речь идет не о старом, а о новом, преображенном, подлинно федеративном, союзном государстве.

Что касается республик, то здесь домыслы противников референдума были уж совсем смехотворны, поскольку с самого начала планировалось опубликовать результаты референдума не только по Союзу в целом, но и по каждой республике в отдельности. Следовательно, у нас не было никакого намерения исказить волю народов малых республик.

Допускаю, стилистически можно было еще и еще шлифовать формулы референдума. В таких случаях вообще трудно представить идеальные решения, способные удовлетворить всех, отвечающие вкусам и запросам различных движений, партий и социальных слоев. Мне представляется, что противники

референдума уцепились за формулу лишь потому, что не могли прямо и откровенно признать, что выступают против совета с народом.

С того момента, когда стало ясно, что сорвать референдум не удастся, сепаратисты во всех республиках развернули бешеную кампанию, чтобы убедить избирателей дать негативный ответ на вопросы референдума. Еще в конце января в Харькове собралась учредительная конференция блока «Демократический конгресс», куда вошли Демроссия и ряд родственных ей партий из республик. Она высказалась против сохранения СССР как Федеративного социалистического советского государства. А так называемый консультативный совет этого конгресса, работавший в Москве, призвал всех граждан сказать «нет» обновленной федерации, «навязываемой руководством Кремля», провести 10 и 16 марта политические акции под лозунгами «Нет — вопросам союзного референдума» и «Поддержка — Председателю Верховного Совета РСФСР Борису Ельцину».

Здесь и была, как говорится, зарыта собака. Ельцин и его сторонники понимали, что позитивный исход референдума укрепит положение союзного центра, даст Президенту СССР правовые и моральные основания для продолжения курса на сохранение и преобразование союзного государства. Это, естественно, шло вразрез с их планами, угрожало надолго отложить, если не вовсе перечеркнуть, возможность захвата власти в стране. Отсюда — буквально ярость, с какой наши радикалы набросились на референдум. Употребить в данном случае слово «демократы» просто язык не поворачивается. Это была уже не артподготовка, это было объявление войны.

19 февраля Председатель Верховного Совета России выступил с сенсационным заявлением по телевидению, потребовав немедленной отставки Президента СССР и передачи всей власти Совету Федерации. Его речь была переполнена грубыми, оскорбительными замечаниями по моему адресу. Руки дрожали. Видно было, что он не владел полностью собой и с усилием, с натугой читал заготовленный заранее текст. Спустя 20 дней, 9 марта, в очередном своем выступлении в Доме кино Ельцин уже призвал своих сторонников «объявить

войну руководству страны, которое ведет нас в болото». Заявил, что Горбачев «обманывает народ и демократию». 10 марта в Москве состоялся митинг «в поддержку Ельцина, шахтеров, суверенитета России».

Смысл этих конфронтационных действий был ясен. За ними стояло стремление заранее обесценить результаты референдума, помешать использованию его в интересах укрепления Союза. Очевидно, в штабе радикал-демократов имели неплохие сведения о настроении людей и чувствовали, что ответ на вопросы референдума будет бесспорно положительным. Успех референдума они расценивали как успех Горбачева, а это не согласовывалось с их расчетами.

Откровенно говоря, я и раньше предвидел, как отреагирует Ельцин на референдум. В президиуме он сидел справа от меня и даже от злости бросил наушники, когда съезд все-таки проголосовал за проведение всенародного опроса. Считал, что Горбачев таким образом «перехитрил», наберет себе «очки», а в итоге его честолюбивые планы будут перечеркнуты. В кругу моих советников мы говорили и о том, что выступление Ельцина по телевидению было составлено в привычном для его окружения стиле. Ударить слушателя обухом по голове, привести в шоковое состояние — вот излюбленный их прием. Конечно, они отдавали себе отчет, что разумные, серьезные люди не примут на веру бездоказательных обвинений и будут обеспокоены явной конфронтационностью этого выступления. Ведь кому не ясно, что если Председатель Верховного Совета России призывает идти войной на Президента СССР, то добра от этого стране не будет.

Все это команда Ельцина понимала, но в то же время рассчитывала на то, что наглой и грубой ложью, беспрецедентными обвинениями по адресу Горбачева сумеет привлечь на свою сторону ту часть людей, которая переживала тревогу за состояние страны, оказалась наиболее уязвимой перед растущими экономическими трудностями. Иначе говоря, основная ставка делалась как раз на тех, кого радикал-демократы своей последующей экономической политикой «шоковой хирургии» загнали действительно в непроходимое болото.

Но Ельцин и К^о в тот раз просчитались. Первое впечатление от этой лобовой атаки на президента было все-таки не в ее пользу. С серьезным противодействием они встретились в Верховном Совете РСФСР. По требованию группы депутатов был созван внеочередной Третий съезд с докладом Председателя Верховного Совета о ситуации в России и выходе из кризиса.

Но вот парадокс, какие нередко бывают в политике. Ельцину и иже с ним удалось несколько поправить положение, как раз благодаря сформировавшейся в Верховном Совете России оппозиции своему председателю. Я имею в виду заявление шести членов Президиума Верховного Совета республики, выступивших с решительным осуждением действий своего лидера и потребовавших его отставки. Это был смелый поступок, продиктованный растущей обеспокоенностью конфронтацией, нагнетавшейся ельцинистами. Должен отвести всякие подозрения в том, что эта акция якобы планировалась в ЦК КПСС. Ерунда! Члены Президиума действовали вполне самостоятельно, да и не такие это люди, чтобы действовать по указке. Они ведь не случайно были избраны заместителями председателя и вначале были настроены вполне лояльно работать с ним. Но очень скоро убедились, что на первом месте у него борьба за власть, а не решение практических проблем, стоявших в ту пору перед Россией.

Однако «шестерка» допустила психологический просчет и фактически пришла на выручку Ельцину. Ухватившись за их заявление и объявив, что против Председателя Верховного Совета России готовится заговор, инспирированный Кремлем, радикал-демократы мобилизовали все свои силы и организовали в Москве несколько демонстраций подряд в защиту своего вождя. Этот испытанный прием, рассчитанный на «жалостливость» нашего народа к обиженным и преследуемым, сработал и на сей раз. Первое негативное впечатление от выступлений Ельцина несколько отступило. Начатая им схватка окончилась в глазах зрителей своего рода ничьей. Ельцин требует отставки Горбачева.

Самого Ельцина хотят «отставить» его соратники — вроде бы так на так. Нехорошо только, что наверху воюют друг против друга, не могут найти способа

сотрудничать. И, как бы выражая это доминировавшее в народе настроение, ко мне в президентский аппарат стали поступать тысячи писем с настойчивой просьбой протянуть руку Ельцину. Кажется, такой же поток обращений шел и в Белый дом.

Третий съезд народных депутатов России открылся в накаленной обстановке. Митингующие в канун съезда переступили грань, угрожая «идти на штурм Кремля». Во избежание беспорядков в день открытия съезда в столицу были введены силы милиции и внутренних войск. Противостояние достигло опасной черты. Это осознали обе стороны и действовали соответственно.

29 марта съезд продолжил работу. Ельцин воздержался от конфронтационных формулировок, даже выступил за диалог и сотрудничество с центром. Тем не менее весь доклад пронизывала тема противопоставления двух курсов политики — линии Демроссии на глубокие преобразования и якобы ретроградской по духу линии союзного руководства.

Прения на съезде были жесткими, так как веры в примирительные жесты Ельцина у многих уже не было. Его сторонникам пришлось изрядно потрудиться, чтобы дело не кончилось смещением их шефа. Острую постановку на съезде в отношении Ельцина тогда я разделял по вполне понятным причинам. Выручил Ельцина Александр Руцкой, заявивший о создании депутатской группы «Коммунисты за демократию» и поддержке Председателя ВС РСФСР. Это изменило соотношение сил на съезде. Ну и, наконец, Ельцин получил поддержку из того угла, откуда вряд ли ее мог ожидать: лидер РКП Полозков заявил от микрофона, что отвергает упреки в адрес фракции коммунистов, будто бы требующей отставки председателя. Мне говорили, что Полозков расценил происходящее как стремление союзного руководства использовать его в борьбе с Ельциным и пошел на подобный шаг. Это дало возможность Ельцину не только удержаться в кресле, но и добиться дополнительных полномочий от съезда, решения о выборах Президента России.

Поездка в Белоруссию и политический центризм

Она состоялась 26—28 февраля, через неделю после провокационных

выступлений Ельцина. Главным в ней было ознакомление с обстановкой в областях, оказавшихся в зоне наибольшего воздействия Чернобыльской аварии. Но там же, на встречах с работниками партийных и советских органов, науки и культуры, я решил показать необоснованность и никчемность ельцинских нападок на проводимый союзным руководством политический курс, разъяснить нашим людям, что экстремистские силы на левом и правом флангах политического спектра грозят столкнуть страну в пропасть.

Собираясь в Белоруссию, я был достаточно хорошо проинформирован о том, какие настроения владеют сейчас населением республики. Что касается экономики, она находилась тогда в лучшем положении, чем у многих других, оказалась более устойчивой к кризисным явлениям, поразившим страну. Но была у белорусов большая боль — последствия Чернобыля. Несмотря на значительные средства, выделенные для преодоления этого бедствия, многие вопросы, особенно социальные — пенсии, лечение пострадавших, отселение людей из зоны радиации, — не были решены. И депутаты от республики, и организации, частные лица бомбили президента просьбами о помощи. Необходимо было сделать все, что было в наших силах, что позволяло тогдашнее экономическое положение страны, чтобы ответить на эту жизненную необходимость. Этот вопрос обсуждался в союзном правительстве. Решено было выделить дополнительные средства на ликвидацию последствий чернобыльской трагедии. Так что приехал я, как говорится, не с пустыми руками. Побывал в пострадавших областях — Гомельской, Могилевской. Были, как всегда, встречи с людьми.

Белорусская поездка особенно четко отложилась в памяти еще и потому, что тогда удалось изложить некоторые важные выводы уже из всего опыта перестройки. Многие наблюдения и оценки, существовавшие до того времени как бы в разрозненном виде, сложились в нечто целое. И то, что содержалось в моих выступлениях на встречах с представителями научной и творческой интеллигенции Белоруссии (26 февраля), с руководителями городов и районов, предприятий, хозяйств и учреждений, ветеранами войны и труда Могилевской

области, мне кажется, не устарело.

В первую очередь я обратил внимание аудитории на опасные сепаратистские тенденции. Все позитивное, что заложено в процессе демократизации и децентрализации, в повышении самостоятельности предприятий, республик и регионов, — все это вне рамок уравновешенной системы обязательно превратится в свою противоположность. Необходимо помнить, что мы нужны друг другу, у нас общая судьба, перед нами общие проблемы. И решить их мы сможем только вместе.

Тогда я спрашивал своих слушателей: «Неужели нужно еще раз вернуть государственность в состояние, напоминающее времена Ивана Калиты, чтобы начать все снова? Не верю, что мы сможем так легко и просто разойтись, как кто-то думает: собрались ночью, руки подняли, проголосовали — и все решено. Это была бы авантюра, а не политика — белорусы понимали, что речь я веду об их соседях, литовцах. (Но тогда ни я, ни мои слушатели не знали, что это речь и о беловежском сговоре.) Дезинтеграция — вещь опаснейшая. Это путь к гражданским конфликтам, и я не знаю, как мы разберемся, где кому жить, где чьи границы проходят. А что делать с теми семьдесятю пятью миллионами, которые живут вне пределов «своих» республик?»

В тот момент я считал важным опровергнуть усиленно распространяемое оппозицией представление, будто все, что происходит в стране, совершается по воле «центра», от него все переживаемые обществом трудности. И в доперестроечные времена далеко не все зависело от воли всесильного Политбюро, и тогда действовали факторы, которые не в силах были держать под абсолютным контролем ни партия, ни сама тоталитарная власть. Теперь же, когда началось фундаментальное обновление государственных структур, заявили о себе новые общественно-политические течения, а теперь уже и партии, стала реальностью свобода печати, то, что происходит, и хорошее, и плохое, совершается не по чьей-то верховной воле. Это — результат сложнейшего взаимодействия и борьбы политических сил. А она стала особенно жесткой, когда перестройка подошла к своему решающему этапу — перераспределению

на демократической основе власти и собственности:

«Мы сказали, что отказываемся от монополии КПСС на власть, приветствуем политический плюрализм, в условиях которого различные общественные слои и группы могут выражать и отстаивать свои интересы — через партии, профсоюзы и другие организации, но обязательно в рамках законных процедур, в конституционной форме. Это азбука демократии. Между тем некоторые образовавшиеся политические течения начали добиваться реализации своих целей не благодаря существующей законности, а вопреки ей. Нетерпение и радикализм стали оборачиваться нетерпимостью и агрессивностью. Курс на смешанную экономику пытаются подменить авантюристическим требованием тотальной приватизации. Законное стремление народов к самостоятельности, национальному возрождению — трансформировать в националистическую самоизоляцию и автаркию. Развернутая в соответствии с этой идеологией «война законов» во многом парализовала власть, разорвала рынок, дезорганизует живые связи, формировавшиеся десятилетиями.

Группировки, выступающие под флагами демократии, разношерстны, но уже достаточно ясно выявились программные установки их лидеров. Куда же хотят вести нас эти «новоявленные друзья народа»? Первый тезис их программы — дефедерализация, под которой подразумевается раздробление нашего великого многонационального государства на 40—50 государств, переселение целых народов, перекройка границ между республиками. А за программными установками следуют и политические действия — бешеные нападки на центр, на референдум о будущем нашего многонационального государства. И не приходится удивляться, что «демократы» вступают в политический альянс с сепаратистами, националистическими группировками. У них общая цель: ослабить, а если удастся — и развалить Союз».

В этой связи я считал необходимым внести ясность в вопрос о расстановке политических сил в стране и прежде всего раскрыть парадоксы, связанные с особенностью происходящего у нас процесса. «Правая по своей природе

политическая сила взяла на вооружение средства борьбы, присущие левым радикалам. Не сумев захватить власть законным путем — через Съезд народных депутатов, Верховный Совет, — она решила применить то, что называют необольшеви́стской тактикой. Это — разрушение государственных структур, перенос борьбы на улицы, организация демонстраций, митингов, забастовок, голодовок, создание психологической атмосферы, которая выбивала бы из колеи другие политические движения. В последние несколько недель можно было наблюдать пик этой тактики. Искривленно истолковав драматические события в Прибалтике, а затем действия союзных властей по укреплению правопорядка — я имею в виду упоминавшиеся меры борьбы против преступности и коррупции, — они подняли крик о наступающей диктатуре, требуют отправить в отставку президента, призывают к неконституционным формам политической борьбы».

Перечитывая сегодня этот текст, можно задаться вопросом: а разве не правы были «демократы», говорившие об угрозе диктатуры и государственного переворота? Мой ответ заключается в том, что именно своими откровенно неконституционными действиями, нагнетаемой «антицентристской» истерией радикал-демократы в тот период создали подходящую психологическую атмосферу для гэкачепистов. Те наверняка рассуждали так: раз им можно, то нам сам Бог велел.

Указав на опасности справа и слева, я тогда, пожалуй, впервые достаточно определенно высказал мысль о значении политического центризма, способного воспрепятствовать столкновению крайних позиций и предложить обществу реальный путь выхода из кризиса. И процитировал меткую характеристику этого явления, данную Александром Исаевичем Солженицыным: «Труднее всего прочерчивать среднюю линию общественного развития: не помогает, как на краях, горло, кулак, бомба, решетка. Средняя линия требует самого большого самообладания, самого твердого мужества, самого расчетливого терпения, самого точного знания».

Для меня центр не какая-то геометрическая середина между двумя очками. «Речь не о том, чтобы занять некую промежуточную позицию — она была бы

мертва, лишена динамики. Центр, в моем понимании, — это направление, ставящее целью преобразовать общество на новых началах, но не на основе противопоставления одной части другой, не на основе конфронтации, тем более объявления врагом противостоящей стороны, а на основе сплочения подавляющего большинства общества.

Здравый смысл в любом обществе преобладает — вот реальная база политического центра. Пусть он не криклив, не так шумлив, как крайние фланги, но охватывает основную массу народа, который обеспокоен судьбой своей страны и в нужный момент скажет свое решающее слово. Мы не должны пренебрегать его мнением. Именно в этом смысл перестройки — идти через глубокие революционные реформы, а не через конфронтацию, не через новый вариант гражданской войны. Хватит нам противостояния белых и красных, черных и синих. Мы — одна страна, одно общество и должны в рамках политического плюрализма, сопоставляя программы перед лицом народа, находить ответы, которые отвечали бы коренным интересам страны, двигали ее вперед.

Подлинно центристская позиция не приемлет ни возврата к сталинизму и застою, ни авантюризма радикалов, пытающихся одним махом загнать страну в рынок. Центристская политика — это линия на согласие и учет объективно существующих в обществе интересов». Если же говорить о ее содержании, я тогда определил его — социалистическая ориентация. Не стал бы и сегодня корректировать это определение.

— Мы не считаем, — говорил я в Бышове, — что и справа, и слева работают одни авантюристы. Другое дело, там есть вожди, которые толкают неизвестно куда: одни требуют вернуться назад, другие пускаются в галоп, не считаясь с реальностями, состоянием умов и вообще положением общества. Но и там, и там много здоровых сил. Главная идея центризма на сегодняшний день и на перспективу — это, безусловно, идея гражданского или национального согласия. Не беспринципное согласие любой ценой, а согласие на тех целях, которые приемлет большинство народа.

Тогда я верил в возможность глубокого реформирования КПСС и считал, что для этого она должна определить свою четкую позицию как по отношению к догматично-консервативным течениям, выступавшим за социализм без демократии, так и к либерально-буржуазным, выступающим за демократию без социализма. Таково в основном содержание моих выступлений в Белоруссии. Там, как мне кажется, они нашли понимание. Но центральная печать пропустила их мимо ушей. Видимо, решили избрать такую тактику, потому что трудно было возразить что-нибудь путное. Не хотели даже через критику пропагандировать эти идеи.

А между тем, завершив «артподготовку», радикалы двинули в «бой» основные свои резервы. Я имею в виду начавшуюся 1 марта вторую крупную забастовку шахтеров, одним из требований которых была отставка Президента СССР. Выступления шахтерских коллективов сыграли роковую роль в судьбе Союза. Ничто так не подорвало позиций центра и моей лично как президента. Дело, конечно, не только и не столько в нанесенном стране экономическом ущербе от многомесячного простаивания шахт в Кузнецком бассейне, Тюмени, на Печоре и т.д. Гораздо болезненнее отзывались на положении в стране психологические последствия действий шахтеров. По сути своей, они были направлены на защиту интересов трудящихся одной из самых тяжелых отраслей производства, а по форме оборачивались в тот момент дискредитацией политики перестройки. И надо сказать, с коварнейшим политическим мастерством использованы идеологами радикал-демократов как таран, разрушающий стены осаждаемой ими крепости. Мы недооценили это.

Вдохновители шахтерской забастовки все продумали, даже когда ее начать — 1 марта, за день до моего 60-летия. Пришли поздравить меня члены Политбюро, министры, многие депутаты, писатели, журналисты, с которыми я поддерживал добрые давние отношения. Тепло поздравили меня помощники. Дома в тот вечер собрались в семейном кругу, много было цветов, обращений, поздравительных телеграмм, в том числе от моих зарубежных коллег.

Ну а что касается прессы... Поздравила меня «Рабочая трибуна».

«Комсомольская правда» опубликовала приветствие от бюро ЦК ВЛКСМ и от себя несколько двусмысленных фраз. Неприличную подборку высказываний напечатала «Вечерка».

Но, пожалуй, самое приятное, что было как-то связано с моим 60-летием, это обнародованное на другой день, 3 марта, сообщение о готовности проекта Союзного договора, парафированного девятью республиками. Долгая работа сначала Подготовительного комитета, потом Совета Федерации все-таки принесла свои плоды. И мне тогда казалось, что мы сумеем одолеть центробежные тенденции, ввести жизнь страны в нормальную колею.

Референдум 17 марта

С приближением референдума резко повысилась политическая активность партий и движений. Стали формироваться новые организации. Еще в конце февраля было провозглашено создание «Движения за великую единую Россию», главными действующими лицами которого были Проханов, Стародубцев, Полозков. Тогда же при ведущей роли Аркадия Вольского сформировался Научно-промышленный союз. Я уже говорил о «Демократическом конгрессе», объединившем в избирательный блок несколько партий с близкой друг другу ориентацией.

Иными словами, именно тогда начала складываться партийно-политическая структура, которая без больших изменений просуществовала до конца 1993 года. Вот, пожалуй, наглядное свидетельство того, что искусственным путем многопартийную систему не создать. Она может сложиться лишь в связи с референдумами, выборами, когда возникает необходимость четкого определения позиций, выступлений с программами, соревнования за голоса избирателей и депутатские мандаты.

А вот что касается мартовского референдума 1991 года, то там особого многообразия позиций не просматривалось и расстановка сил была предельно простой. С одной стороны, Демроссия, идеологи которой отбросили всякое стеснение и прямо призывали избирателей сказать «нет» на вопрос сохранения Союза ССР. С другой — КПСС, да и, можно сказать, все остальные возникшие к

тому времени партии и группировки, отстаивавшие сохранение нашего союзного государства.

За неделю до голосования проводились и публиковались опросы общественного мнения, и поскольку их результаты были не слишком благоприятными для радикалов, те все больше теряли выдержку. Впрочем, предвидя неизбежность своего поражения по основному вопросу референдума, они «подстраховались», включив в бюллетень для населения России вопрос об учреждении поста Президента РСФСР. Можно было смело прогнозировать, что ответ будет утвердительным, поскольку к тому времени многие республики уже обзавелись своими президентами или готовились к этому.

Словом, и здесь дала себя знать привычка к политиканству, имевшему малое отношение к действительным интересам общества. Свой вопрос к референдуму «прицепил» Верховный Совет Украины. Задумка у настоявших на нем сепаратистов была очевидна: сохранить лазейку, которая позволила бы затем трактовать итоги референдума в свою пользу или хотя бы в нейтральном смысле. Используя эту «зацепку», они позднее добьются проведения еще одного референдума и вслед за российским руководством нанесут тяжелейший удар союзному государству.

15 марта я выступил по телевидению с обращением к гражданам страны в связи с референдумом. Выступление было коротким, но работали над ним долго. Нужно было найти верные слова, обращенные к уму и сердцу людей. Учесть и то, что одна и та же мысль по-разному может быть воспринята в России, в Средней Азии и на Кавказе. Конечно, одно выступление в таких случаях мало что решает, но, думаю, свою позитивную роль оно сыграло. Вот что я, в частности, тогда сказал:

«...Участвуя в референдуме, каждый из нас должен отдавать себе полный отчет в том, что он решает главный вопрос, затрагивающий сегодняшний и завтрашний день нашего многонационального государства. Речь идет о судьбе страны, о судьбе нашей Родины, о нашем общем доме, о том, как жить нам с вами, нашим детям и внукам.

Это вопрос такого масштаба и такого значения, который стоит выше интересов отдельных партий, социальных групп, политических и общественных движений. Его вправе решать только сам народ. Призываю вас всех, дорогие сограждане, принять участие во всесоюзном референдуме и на поставленный вопрос ответить «да».

Наше «да» — это уважение к державе, которая не раз доказывала свою способность отстоять независимость и безопасность народов, в ней объединившихся.

Наше «да» сохранит целостность государства, которому тысяча лет и которое создано трудом и разумом, неисчислимыми жертвами многих поколений. Государства, в котором неразрывно сплелись и судьбы народов, и миллионы человеческих судеб, наших с вами судеб.

Наше «да» — это гарантия того, что никогда пламя войны не опалит нашу страну, на долю которой и так выпало немало испытаний.

Наше «да» — это не сохранение старых порядков с засильем центра и бесправием республик. Положительные итоги референдума откроют путь к радикальному обновлению союзного государства, превращению его в федерацию суверенных республик, где надежно будут гарантированы права и свободы граждан всех национальностей.

Наше «да» на референдуме и заключение Союзного договора позволят положить конец разрушительным процессам, происходящим в нашем обществе, решительно повернуть к восстановлению нормальных условий жизни и работы.

Как я понимаю, именно это и нужно народу, именно этого больше всего хотят наши люди. Им надоели бесконечные словопрения и нагнетание страстей. Они требуют решения практических вопросов и в том, что касается производства, и в том, что касается потребительского рынка, законности и правопорядка, деятельности государственных органов. Одним словом, люди хотят введения жизни в нормальную колею.

Успех референдума — это я тоже хочу подчеркнуть — откроет новые возможности для уверенного продолжения всех начатых в стране реформ, с

которыми мы связываем свои большие планы.

И еще. Трудно, если вообще возможно, решить стоящие перед нами задачи без согласия и сотрудничества в обществе. Поэтому надо, пока не поздно, остановить нарастание нетерпимости, озлобленности, а кое-где и враждебности. Это также мы можем сделать сообща, как говорится, всем миром. Позитивный итог референдума положил бы начало консолидации общества.

Твердое мое убеждение состоит в том, что, если в обществе произойдет глубокий раскол, победителей не будет. Проиграют все...»

И вот референдум состоялся. Бесспорная, убедительная победа сил объединения, интеграции над силами раскола и развала страны. Несмотря на бешеные усилия радикал-демократов, вопреки сомнениям скептиков, люди твердо высказались за сохранение и обновление союзного государства. Причем не только в общесоюзном масштабе, но и в каждой из республик, где референдум состоялся. А частично даже и там, где республиканские власти не позволили его провести, — я имею в виду Прибалтийские республики, Молдавию.

Позитивно ответила Россия и на вопрос о своем будущем президенте.

Не стану утомлять читателя конкретными цифрами. Итоги референдума были обнародованы, много раз обсуждались в печати. Но вот о чем мне хотелось бы сказать. Спустя два года Россия проведет еще один референдум — на сей раз о реформах, доверил президенту и Верховному Совету. И что же, не слишком убедительная победа на нем демократов будет использована, как говорится, «на всю катушку», чтобы реализовать давно задуманные стратегические цели. Квалифицированные юристы, многих из которых я знал лично и считал преданными Закону, неподкупными специалистами, станут утверждать вопреки всем очевидностям, что итоги голосования якобы «легитимизируют» покушение президента на роспуск Верховного Совета. И так далее.

Никто из этих людей не оглянется, не вспомнит о том, как беспардонно была проигнорирована суверенная воля советского народа, выраженная голосованием 17 марта. А ведь тогда 76 процентов населения страны, 71,34

процента населения России сказали «да» Союзу. Столь же впечатляющи были результаты референдума на Украине и в Белоруссии. Но это не остановило Ельцина, Кравчука и Шушкевича, когда они собрались в Беловежской пуще. Не дрогнула у них рука подписывать документ, идущий вразрез с волеизъявлением русских, украинцев, белорусов, смею сказать, и всех других населяющих нашу страну народов.

Хотя радикалистская пропаганда всячески пыталась преуменьшить значение референдума, все же Ельцин и его окружение вынуждены были считаться с его итогами. Думаю, без этого голосования не могло быть и встреч в Ново-Огареве, разрядивших на время обстановку в стране и создавших предпосылки для преодоления кризиса.

Сказалось это и на наших с ним отношениях. Свою роль сыграло и то обстоятельство, что Ельцин готовился к выборам на пост Президента России и был заинтересован, чтобы со стороны Союза, моей, как Президента СССР, была проявлена лояльность. Что ж, я считал себя обязанным придерживаться строго нейтральной позиции, хотя не хочу скрывать — симпатии мои были не на его стороне. Граждане России имели право свободно, без всякого давления решить, кто из кандидатов им по душе. Рейтинг у Ельцина был достаточно высок, и мало кто сомневался, что он одержит победу над своими соперниками. Немалое значение при этом имел точный выбор кандидата в вице-президенты. Руцкой, бесспорно, сильно помог Ельцину, обеспечив голоса части избирателей, продолжавших ориентироваться на социализм.

Но все это будет позже. Тогда президентская кампания только брала старт, и будущим претендентам важно было наладить добрые отношения со всеми, кто мог так или иначе повлиять на исход выборов.

Должен сказать, что в те весенние месяцы я не раз встречался и беседовал с Ельциным. Мы обсуждали весь комплекс возникавших тогда вопросов, и встречи проходили, как правило, в хорошей атмосфере. Но оказываясь перед телеэкраном или поднесенным к нему журналистским микрофоном, депутатами в Верховном Совете или выступая на собрании в Доме кино, Ельцин

интерпретировал наши с ним беседы весьма своеобразно. Вероятно, у него было огромное желание показать всем, что перед ними победитель, ультимативные требования которого с покорностью приняты. Что в Кремле, в кресле Президента СССР, сидит человек, выполняющий указания Председателя Верховного Совета России.

Раз или два я отреагировал на это, сказав, что общественность должна знать, как проходят наши встречи. На них мы серьезно и по-деловому обмениваемся мнениями, никаких ультиматумов не предъявляется и не принимается. Он оправдывался, возражал, утверждал, что мне не совсем точно докладывают о его высказываниях.

В марте и апреле, в последующие месяцы не обошлось без «стычек» между союзным и российским руководством по разным поводам. Далеко не все в окружении Ельцина были настроены миролюбиво. А некоторые просто не могли остыть от «антицентристской» горячки. Взвинтили себя настолько, что продолжали, где можно, выступать с суровыми обличениями, клеймить президента. Но у меня сложилось впечатление, что все-таки в их «мозговом штабе» в то время возобладала линия на некоторое, пусть временное, «перемирие». Вот, мол, проведем шефа в российские президенты, станем полными хозяевами Белого дома, а там посмотрим.

Отдавая себе отчет в шаткости этого замирения, почти не сомневаясь, что экстремисты в «демократическом» лагере будут все время толкать Ельцина к возобновлению атак на Союз и союзного президента, я все же считал необходимым использовать эту передышку, чтобы довести наконец до практических результатов затянувшуюся работу над проектом Союзного договора. Мне казалось важным связать российское руководство обязательствами, которые ему было бы нелегко нарушить. Так родилось то, что получило затем название ново-огаревского процесса.

Ново-Огаревский процесс

Чтобы понять, насколько сложным и противоречивым было это сотрудничество, я хочу напомнить, что на Третьем внеочередном съезде

народных депутатов РСФСР 30 марта Ельцин выдвигает свою программу и характеризует при этом действия центра как возвращение к курсу до апреля 1985 года. А спустя две недели в интервью «Известиям» отмечает: не правы те, кто утверждает, будто у него «непримиримый раскол» с Горбачевым; если речь пойдет о защите страны от правых, «мы объединимся».

Нет нужды говорить, что опасения перед угрозой фундаменталистов были небезосновательны. Если меня и моих единомышленников итоги референдума укрепили во мнении о необходимости довести до успешного завершения начатое преобразование государственного устройства страны (то есть превращения ее из унитарного государства в федерацию), то консервативные элементы в партии решили, что референдум дал мандат на сохранение Союза в прежнем виде, без каких-либо существенных изменений. При этом они просто игнорировали тот очевидный факт, что избиратели голосовали за сохранение Союза именно в связке с его преобразованием. Более того, поскольку проект нового Договора о Союзе суверенных государств был уже опубликован, люди сознательно высказались на этот счет, заведомо одобряя именно предложенный народу проект нового Договора.

Партийных руководителей в центре и на местах заботило, что власть буквально ежедневно и ежечасно перетекает из партийных структур в государственные, советские, не говоря уж о былом политическом влиянии КПСС. После отмены статьи 6 Конституции СССР партия еще долго оставалась де-факто руководящей силой общества, правила, так сказать, по инерции. Но без конца продолжаться это не могло. Сформировалась оппозиция с довольно жесткой программой, появились десятки других партий и организаций, наступавших на «владения» коммунистов и бравших под свой контроль те или иные слои и группы населения. Но вместо того чтобы сделать из этого должные выводы, научиться вести борьбу за массы, за свое положение в обществе, партчиновники, привыкшие считать свою власть данной чуть-ли не от Бога, винили во всем ЦК, Политбюро и в первую очередь, естественно, Генерального секретаря.

КПСС из положения правящей партии с понятным чувством горечи переходила на положение оппозиционной. Это порождало растущее уныние у рядовых членов и озлобленность у партийной верхушки. 30 декабря 1990 года на совещании первых секретарей ЦК компартий союзных республик, республиканских, краевых и областных комитетов компартии в выступлениях прорывались нотки обиды и непонимания курса руководства. А на другой день, на Пленуме, где с докладом «О текущем моменте и задачах партий» выступил Ивашко, в выражениях и вовсе не стеснялись. Только заложенное, можно сказать, в гены партработников почтение перед постом генсека еще удерживало от грубостей по моему адресу. Зато в полной мере досталось моему реформаторскому окружению. Но на следующем, апрельском Пленуме был разрушен и этот барьер, дело дошло до требований смены руководства.

Партийная верхушка свой бунт стремилась подкрепить снизу. Стали формироваться группировки, объявлявшие своей целью борьбу с ревизионизмом, восстановление диктатуры пролетариата. 2 апреля в Ленинграде завершилась конференция Всесоюзного общества «Единство — за ленинизм и коммунистические идеалы», потребовавшая моей отставки с поста генсека. Это было детище небезызвестной Нины Андреевой. В начале апреля Киевский горком, за ним Ленинградский обком, а затем и ЦК Компартии Белоруссии выступили с одинаковым требованием — о созыве чрезвычайного Пленума ЦК и отчете его руководства.

Ко мне на стол ложились десятки и сотни депеш от парткомов разного уровня, в ультимативной форме ставивших вопрос о необходимости принятия неотложных мер для спасения социалистического строя, вплоть до введения чрезвычайного положения в стране. 22 апреля при обсуждении доклада Кабинета министров о выходе из кризиса экономики Союза депутаты, с подачи Павлова и при сочувствии Лукьянова, начали муссировать тему введения чрезвычайного положения в стране или в решающих секторах экономики. Снова мне пришлось вмешиваться и возвращать парламент в русло нормальной работы, давая отпор ярым консерваторам.

В привычном кругу мы несколько раз обсуждали обстановку, и после долгих размышлений я принял решение форсировать подготовку и подписание Союзного договора, собрав для этой цели руководителей союзных республик. Сразу же подчеркну, что эти встречи вовсе не имелось в виду превратить в некий орган, полномочный принимать официальные решения. То, что позднее получило название «1+9», или в просторечии «Десятка», было просто более эффективным способом завершения работы над Союзным договором. Причем отнюдь не за спиной и без ведома законодателей — союзного и республиканских Верховных Советов.

Говорю это к тому, что любители параллелей утверждают, будто Ельцин в 1993 году всего лишь «пошел по тропе, проторенной Горбачевым». Крайне поверхностная аналогия. Я никогда не считал для себя возможным покушаться на права парламента и тем более учреждать собственным указом неконституционные органы. Так, было получено согласие Верховного Совета СССР на создание Совета Безопасности (13 марта), своего рода узкий кабинет, в который вошли вице-президент, премьер, министры внутренних и иностранных дел, обороны, председатель КГБ, а также Примаков, которому я хотел поручить наблюдение за внешнеэкономическими отношениями, и Бакатин. Больше того, парламент дал предметный урок президенту, когда забаллотировал Болдина, предложенного мною в качестве одного из членов Совета Безопасности.

Это, пожалуй, подходящий случай признаться и в других ошибочных кадровых назначениях, которые сыграли роковую роль в судьбе и союзного государства, и моей лично. В первую очередь это относится к Янаеву, которого я, ставя на карту свой авторитет, буквально навязал Съезду народных депутатов на должность вице-президента. Хочу сразу же отвести подозрение, будто Горбачев не желал видеть в своем окружении действительно ярких людей, ориентировался на серость, на фоне которой сам выглядел более эффектно. Это ерунда. Среди моих соратников и помощников много талантливых людей. И уж чего-чего, а конкуренции я никогда не опасался. Как раз наоборот, меня подвело то, что, наблюдая за несколькими выступлениями Янаева с трибуны съезда, я

принял его решительный вид, уверенную манеру держаться и свободно рассуждать обо всем за свидетельство высоких деловых качеств. До сих пор не могу простить себе, что не пригляделся к нему как следует, поторопился вытянуть на второй по значению пост в стране. И прежде всего, конечно, не прислушался к столь ясно выраженному мнению народных депутатов.

Добавлю, что Янаев всплыл в ситуации необычной. Первоначально я думал выдвинуть Рыжкова на пост вице-президента, но даже намеки на это вызвали у него огорчение. Ну а потом случился инфаркт. После неудавшегося разговора с Рыжковым мой выбор остановился на Шеварднадзе. Не успел даже поговорить на эту тему — он выступил со своим предостережением о грядущей диктатуре. Думал о Назарбаеве, но не видел, кто мог тогда его заменить в Казахстане. Времени на обдумывание не оставалось, и тут «подвернулся» Янаев. Крупный просчет.

Возвращаюсь к теме. Тогда президентский «мозговой центр» пришел к правильному выводу о нарастании угрозы со стороны консервативных, реваншистских сил. Единственным рациональным ответом на это было соглашение центристов с демократами. Это если говорить несколько упрощенно, общей формулой. В действительности ново-огаревский процесс был намного более сложным и многосторонним явлением. Начался он с моей встречи с Ельциным в загородной резиденции правительства, в которой Брежнев вел переговоры с Никсоном, а мне пришлось встречаться с Рейганом, Бушем, другими руководителями зарубежных государств.

Мы шли к этой встрече исподволь, как бы прощупывая друг друга, взаимную готовность пойти на компромисс, отказавшись от бесконечных нападок и особенно «войны законов». В моем аппарате подготовили свой вариант сообщения о встрече, а Ельцин держал в портфеле свой. Но оба пришлось в конечном счете выбросить в корзину. После длившейся почти целый день беседы мы передали в печать текст своего совместного обращения.

Уже на другой день Ельцин выступил на пресс-конференции, где явно нарушил достигнутый баланс и попытался представить соглашение как, прежде

всего, собственную победу. Как говорится, ничего не поделаешь — такова натура. Я не стал оппонировать, тем более из опубликованного коммюнике было ясно видно, что достигнут действительно разумный компромисс, способный создать основу для прекращения изнурительной конфронтации и начала сотрудничества. А экстремистски настроенные радикал-демократы вроде Юрия Афанасьева накинулись на Ельцина, обвиняя его в предательстве и сдаче позиций. Право же, нет ничего хуже фанатиков в политике.

10 апреля я собрал Совет безопасности — это было одно из первых заседаний после его формирования. Проинформировал о состоявшемся накануне заседании Совета Федерации, обсудившем антикризисную программу, некоторые международные вопросы, в том числе положение в бывшей ГДР. Затем спросил мнение коллег о предложении Социал-демократической партии России (О.Румянцева) провести 10 мая «круглый стол». Все высказались за то, что президенту не следует с этим соглашаться. Переговоры с представителями различных политических сил целесообразно организовать через диалог между партиями, без включения в это президентских или иных официальных государственных структур. Вместе с тем прозвучала мысль о желательности провести доверительную мою встречу с руководителями союзных республик.

Это был шаг к зарождению ново-огаревского процесса, позволившего приступить практически к реализации курса на «центризм», выход из тупиковой ситуации, достижение результатов путем согласия. Он давал ответы и на вопросы оппозиции, но не в той плоскости, в какой они ставились с ее стороны, а в реалистическом плане.

В те дни я не раз советовался со своим окружением и укреплялся в убеждении, что только механизм, отражающий реальное соотношение политических сил, обеспечит возможность продолжить реформы. А они, в свою очередь, будут содействовать упрочению объединительных, интеграционных тенденций. В таком политическом механизме нуждались и антикризисная программа, и Союзный договор.

Не скрою, мои размышления в немалой мере стимулировались тем, что

назначенная на 23 апреля встреча с руководителями девяти республик должна была пройти накануне Пленума ЦК КПСС, который должен был собраться 24 апреля. Надо было четко определиться с программой практических действий по выходу из экономического и политического кризиса, согласовать ее с руководителями республик и выйти с ней на пленум, вынудив критиков слева и справа публично занять позицию по отношению к тому, что было, по сути дела, программой национального спасения. Так в дальнейшем и развивались события.

16 —19 апреля состоялся ранее запланированный мой визит в Японию, а после возвращения, 23-го, мы собрались с руководителями высших государственных органов России, Украины, Белоруссии, Азербайджана, Казахстана и четырех среднеазиатских республик в том самом ново-огаревском особняке. Я повел разговор с коллегами, глядя им в глаза. Обстановка тяжелейшая, нужны неординарные, согласованные эффективные действия. Надо постараться отложить в сторону расхождения, касающиеся в общем-то частных вопросов, и тем более личные симпатии и антипатии. Поставить выше всего интересы страны. Это велит наш долг, бремя ответственности. Сейчас важно сформулировать документ — краткий, понятный людям, которые увидели бы, что руководители намерены действовать решительно и согласованно. Это сразу успокоит общество, разрядит грозную атмосферу. Мое настроение передалось участникам встречи. Один за другим, каждый по-своему, они поддержали такой подход и высказались за согласованное заявление. Состоялся краткий обмен мнениями — что в нем следует отразить. Потом я объявил перерыв, прошел в свой рабочий кабинет, где были Ревенко и Шахназаров, вызвал стенографистку и продиктовал текст. Отредактировали его, отпечатали и вручили «Девятке».

Под воздействием референдума удалось четко сказать о Союзе. За недостатком времени придумать собственный термин, заявили, что государства, объединенные в Союз, предоставляют другу другу режим наибольшего благоприятствования, а с остальными бывшими союзными республиками будут строить отношения на основе общепринятых международных правил. Главным средством стабилизации объявлялось скорейшее заключение Союзного договора.

Президент СССР и главы республик призывали трудящихся прекратить забастовки, а все политические силы действовать в рамках Конституции. В документе подтверждалось намерение продолжить реформы. Замечания к тексту были, но незначительные. Согласовав его содержание окончательно, срочно передали в ТАСС, «Правду» для публикации.

А сделав дело, поужинали. Прозвучали тосты. И у меня, и у коллег, как говорится, от души отлегло, появилась надежда. И хотя после этого не обошлось без кривотолков, участники встречи твердо отстаивали заявление. Само по себе это имело большое значение, придавая вес совместному документу.

Характерный момент. В то время «Независимые профсоюзы России» (Клочков) намеревались в знак протеста против повышения цен объявить предупредительную всеобщую забастовку. Рабочих подталкивали и радикалы, все еще настроенные на «войну с центром» и не сразу подчинившиеся приказу «своего» главнокомандующего. Так вот, после апрельского заявления «1+9» ситуация и здесь разрядилась. Кроме отдельных трудовых коллективов, прервавших работу на несколько часов, на стачку никто не пошел.

Важную роль заявление «Десятки» сыграло и в исходе апрельского Пленума ЦК КПСС.

Раскаты грома

Партийная номенклатура не собиралась сдаваться без боя. Весной 1991 года организаторы уже сформировавшейся в КПСС оппозиции решили перейти в наступление. Явно рассчитывали использовать обострение социальной ситуации, недовольство в обществе в связи с введением 2 апреля повышенных цен на продовольственные и промышленные товары,

16 апреля в Смоленске собрались партработники из городов-героев РСФСР, Украины, Белоруссии. Участвовали в основном первые и вторые секретари партийных организаций Москвы, Ленинграда, Киева, Минска, Бреста, Керчи, Мурманска, Новороссийска, Одессы, Севастополя, Смоленска, Тулы. Официальный повод — подготовка к 50-летию начала Великой Отечественной войны.

Организаторы этих встреч, среди которых выделялись член Политбюро, первый секретарь Московского горкома Прокофьев, секретарь ЦК КП РСФСР Мельников, были озабочены отнюдь не тем, чтобы воздать должное фронтовикам и поддержать миролюбивую политику, продиктованную уроками той войны. В их выступлениях содержались резкие выпады против Политбюро, в первую очередь против генсека, призывы к чрезвычайным мерам «спасения страны». Приезжие поздравляли партийных и хозяйственных работников Смоленщины с тем, что до них перестройка еще не дошла.

А ведь до этого публично восхваляли перестройку, говорили о необходимости глубоких преобразований, ратовали за рынок и плюрализм. Выходит, все это было сплошным лицемерием, за которым скрывалась надежда на реванш, возврат к господству партократов!

В рамках общей встречи состоялись заседания узких групп, на которых шла речь о предъявлении жестких претензий Горбачеву, проведении внеочередного съезда КПСС, смене руководства. Знала об этих разговорах, если не выступала их инициатором, та часть Политбюро, которая пыталась повлиять на генсека с целью использовать президентские полномочия для введения чрезвычайного положения, восстановления диктата руководства КПСС.

Накануне апрельского Пленума ЦК дебаты вокруг вопроса об отставке генсека вышли на поверхность на пленумах Московского городского и Ленинградского областных комитетов КПСС. Они шли с одобрения Прокофьева и Гидаспова. Сами они этот вопрос напрямую не ставили, но объясняли так: идет «снизу», отражает настрой рядовых коммунистов, ничего не поделаешь. Примечательно, что требования сместить генсека напрямую смыкались с призывами лидеров Демроссии отправить в отставку президента.

Короче, консервативные силы в КПСС решили превратить апрельский Пленум ЦК в своего рода разбор персонального дела Горбачева, намеревались открыто предъявить мне политические обвинения и ультимативные требования. Был даже подготовлен проект постановления по главному вопросу повестки дня — положению в стране и путях вывода экономики из кризиса. В нем, по сути

дела, выносился «смертный приговор» всему курсу на реформы и отвергалась антикризисная программа правительства, уже принятая, хотя и в итоге острой дискуссии, Верховным Советом СССР.

Зная обо всем этом, я решил «взять быка за рога» и сразу дать понять своим оппонентам, что капитуляции они от меня не дождутся, а вот сами могут остаться на обочине политической жизни. Готов был к худшему, мысленно смирился уже и с возможным расколом партии, но считал своим долгом побороться за нее с ретроgrадами, тащившими КПСС в пропасть.

Вот что я сказал в своем вступительном слове: «Считаю необходимым информировать Пленум о принципиальных оценках нынешней политической ситуации в стране и партии. Мы собрались в исключительно сложной обстановке. Накаляется атмосфера в обществе. Нагнетается атмосфера и в партии. Происходит это отнюдь не стихийно. Со всех сторон делаются жесткие заявления, выдвигаются далеко идущие политические требования, затрагивающие судьбы народа и государства. Сейчас важнее всего не поддаваться соблазну эмоциональных решений. Конечно, переживаемый момент не располагает к спокойным академическим размышлениям. Уже не только на словах, но и на деле предпринимаются попытки сбить страну с пути реформ, либо бросив ее в еще одну ультрареволюционаристскую авантюру, грозящую разрушить нашу государственность, либо вернув в прошлое, к чуть подкрашенному тоталитарному режиму. Думаю, не надо объяснять, что имеются в виду планы левых и правых радикалов.

Оба эти направления — губительны. И самая большая опасность нынешнего момента в том, что они сейчас сошлись, несмотря на, казалось бы, непримиримую взаимную враждебность. Посмотрите, с каким единодушием выдвигаются одни и те же лозунги! Уже несколько месяцев экстремистски настроенные руководители движения «Демократическая Россия», используя в своих политических целях во многом справедливое недовольство трудящихся тяжелым экономическим положением, подстрекают трудовые коллективы к выдвиганию требований распустить Съезд народных депутатов и Верховный

Совет СССР, отправить в отставку президента и Кабинет министров. Теперь почти слово в слово с тем же требованием выступают и некоторые партийные комитеты в РСФСР, ряде других республик, а также некоторые депутаты из группы «Союз».

Но давайте трезво представим, что будет, если эти требования осуществляются. Разрушение законных государственных структур неминуемо создало бы взрывоопасный вакуум власти. Разнородные политические силы, которые сегодня смыкаются в экстремистских претензиях, окажутся лицом к лицу друг с другом. Без того барьера, который конституционный порядок, деятельность законно избранных органов власти прокладывают сейчас между борющимися в обществе социальными силами, партиями и движениями. Их иллюзорная коалиция не долго будет скрывать стремление каждой из сторон к монопольному господству над государством и обществом. Неизбежно произойдет жестокая, скорее всего, массовая схватка. И кто бы ни взял в ней верх, на смену демократическим институтам придет очередной произвол. Если говорить проще — самая настоящая диктатура, а не та мнимая, которую кое-кто усматривает в нынешнем конституционном режиме. Исторический шанс модернизировать страну путем реформ, то есть мирными средствами, будет упущен. В проигрыше окажутся вся страна, народ, миллионы и миллионы граждан.

Я говорю обо всем этом с предельной откровенностью. Иначе нельзя сегодня вести разговор. Тем более здесь, на нашем партийном форуме. Из анализа ситуации для каждого здравомыслящего человека вытекает один вывод: ни в коем случае нельзя допустить разрушения существующего конституционного порядка. Любые, в том числе и самые решительные, изменения в экономике и политике — а потребность в них сейчас действительно велика — могут достигаться только в рамках конституционной законности. У нас есть впервые свободно избранный Съезд народных депутатов и Верховный Совет СССР, есть высшие представительные органы власти республик, есть гласность. В этих рамках, используя эти демократические институты и советские

законы, каждая партия и движение вправе добиваться своих целей. В том числе, естественно, бороться за политическое лидерство и власть. Всякие же попытки действовать методами пугачевщины, путем внепарламентского шантажа, вплоть до превращения экономики страны в пыль и пепел, должны быть решительно отвергнуты.

Вижу первостепенный долг в том, чтобы пресечь нарушения демократического процесса и всеми законными мерами решительно укреплять конституционный порядок в стране. Совершенно очевидно, что без этого остались бы благими пожеланиями даже самые идеальные программы преодоления экономического кризиса. Разумеется, восстановление и укрепление конституционного порядка — это прямая обязанность прежде всего всех органов государственной власти, каждого должностного лица. Но это и задача всего общества в целом, всех подлинно демократических сил, групп и организаций.

Обстановка требует от всех политических сил и движений, которые не на словах, а на деле стоят на патриотических позициях, отбросить амбиции, отложить хотя бы на время взаимные претензии, помочь стране собраться с силами в трудный для нее момент...»

Любые изменения в экономике и политике могут достигаться только в рамках конституционной законности — вот с чем не могла тогда смириться партийная номенклатура, как не хочет смириться сейчас «демократура».

Первый день Пленума прошел относительно спокойно. Ошеломляющее впечатление произвела публикация Ново-огаревского Заявления. Рвущихся в бой, вероятно, попридержало и мое вступительное слово. Но не надолго. Видимо, они держали совет ночью, и на другой день обойма ораторов, распалая зал, надела на генсека. Особенно резко, даже грубо выступил Гуренко, заявивший: «Со страной сделали то, что не смогли сделать враги». Он потребовал «законодательно закрепить за КПСС статус правящей партии», восстановить прежнюю систему расстановки руководящих кадров, контроль партии над средствами массовой информации. Трудно было поверить, что можно в такой степени быть рабом предрассудков и оторваться от жизни.

Не отстали от него Прокофьев, Гидаспов, Малофеев. Первый секретарь Компартии Белоруссии прямо потребовал от президента ввести чрезвычайное положение. Собственно говоря, к этому вели и другие критики генсека: пусть он либо вводит ЧП, либо уходит. После самого жесткого из таких выступлений — кажется, это был Зайцев из Кузбасса — я взял слово. Сказал: хватит демагогии, ухожу в отставку.

У меня спрашивали, было такое решение принято под влиянием импульса, раздражения и досады, вызванных нападками на генсека, или это был заранее взвешенный, обдуманный «на холодную голову» тактический шаг? Как ни странно, в какой-то мере верно и то и другое. Конечно, не обошлось без эмоций, возникло желание сразу же покончить с этим. А с другой стороны, повлияло и то, что я заранее не исключал такой развязки, был готов к ней. Что ж, подумалось тогда, вероятно, настал «момент истины», когда надо отбросить колебания и принимать решение.

Многие мои соратники и доброжелатели давно меня уговаривали сложить обязанности Генерального секретаря. Но я исходил из того, что, хотя мне это не нужно в личном плане (огромное бремя!), с точки зрения большой политики не следует сейчас идти на разделение постов. Ведь партию уже начали растаскивать по национальным отсекам, то же грозило союзному государству. Я же был интегратором, выполнял объединительную роль.

Был объявлен перерыв, во время которого собралось Политбюро. Я зашел на минутку, резко заявил, что члены ПБ, в частности Гуренко, вели к этому. Вот пусть они и разбираются, чего вообще хотят. Гуренко яростно отрицал, вспыхивал и подпрыгивал.

— Слушайте, — говорил я им, — почему Горбачев должен на каждой сессии Верховного Совета, на каждом Съезде народных депутатов и еще на Пленуме ЦК доказывать, что реформы нужны стране, делаются ради ее достойного будущего?

Меня стали уговаривать взять свое заявление обратно. Я отказался и ушел в свой кабинет. В Политбюро продолжались дебаты. Тем временем в зале вокруг

Вольского, Лациса, Бакатина, Грачева и ряда других товарищей стали собираться многие члены ЦК, выразившие категорическое несогласие с нападками на Горбачева, бывшие решительно против его отставки. Таких набралось, кажется, 72 человека. Они составили заявление, в котором речь шла о том, что ЦК в данном составе не в состоянии руководить партией, выдвигалось требование созвать новый съезд КПСС.

Спустя полтора часа Пленум по предложению Политбюро подавляющим большинством голосов (13 — против и 14 воздержавшихся) решил снять с рассмотрения выдвинутое мной предложение об отставке с поста Генерального секретаря ЦК КПСС.

После этого обстановка несколько разрядилась. Пожалуй, наиболее резкую, но верную оценку происшедшего дал в своем выступлении Назарбаев. «Мы имеем дело, — сказал он, — с попыткой похоронить идею обновления общества и государства, вернуть нас к командной системе, тоталитарному строю». Бакатин, критикуя выступления Гурен-ко и Прокофьева, сказал, что это поиск ведьм и неприятие инакомыслия в понимании социализма.

Постановление Пленум принял довольно сбалансированное. В своем заключительном слове я сказал, что принципиальный диалог по вопросам теории и политики партии еще предстоит в связи с обсуждением проекта партийной программы. Партия должна меняться вместе с обществом, если хочет сохранить свое влияние на него, а общество живет уже по-иному, в условиях укрепляющейся демократии, идейного и политического плюрализма. Многим партийным работникам мешает правильно оценить это ностальгия по монополии КПСС на власть. Понятны трудности, которые переживают партийные организации. Но это не основание затевать вселенскую драку, напоминающую пир во время чумы. В современных условиях самая оптимальная линия — политический центризм, ставка на интересы большинства. Партия должна сосредоточиться на реализации антикризисной программы, на этом мы можем завоевать авторитет у народа, наладить сотрудничество с партнерами и союзниками.

В заключение я призвал со всей ответственностью отнестись к совместному заявлению руководителей Союза и девяти республик.

Так провалилась попытка заставить меня отступить от реформ, встать на путь реваншизма, восстановления прежних порядков. Я не строю иллюзий. Большинство членов ЦК проголосовало против моей отставки не из одобрения перестройки и не из симпатий ко мне лично. Будучи прагматиками, они сознавали, что партия в таком случае останется вовсе без влияния на политику, а ее руководству останется тешить себя воспоминаниями о прежнем величии.

Но я вот все чаще задумываюсь: а не лучше ли было мне тогда настоять на уходе с поста генсека? Вероятно, лично для меня такое решение было предпочтительней. Но я не считал себя вправе «бросить партию», отказаться от попытки ее реформировать, да и реформы могли бы оказаться под угрозой поражения.

Последний Пленум

На многих съездах я был делегатом. Десятки пленумов прошли на моем веку. Большинство из них не запомнились — обычные ритуальные заседания, хотя шума в печати каждый раз было достаточно. Есть несколько пленарных заседаний ЦК, имевших для меня прямое личное значение или отложившихся в памяти в связи с решавшимися там крупными проблемами, столкновением позиций. О некоторых из них я уже рассказал в книге.

Но без всякого преувеличения скажу, что самое крупное значение для партии и развития нашей концепции будущего имел июльский Пленум ЦК 1991 года, на котором состоялась финальная схватка сторонников нового мышления с ортодоксами и был принят проект новой программы КПСС, означавшей окончательный разрыв с прошлым.

На пути к нему пришлось пережить немало испытаний. Уже на втором этапе съезда РКП, собравшемся в начале сентября 1990 года, были предприняты попытки, по сути дела, выхолостить позитивные итоги XXVIII съезда. Доклад Полозкова, многие выступления в дискуссии и программный документ, который готовился кулуарно и лишь накануне заседания роздан делегатам, нельзя было

расценить иначе как фронтальное отступление от программного заявления общепартийного форума.

Реформистски настроенные делегаты не собирались сдаваться. Они сразу же потребовали исключить обсуждение и принятие программы из повестки дня, поскольку это суррогат, идущий вразрез с решениями XXVIII съезда КПСС. Кроме того, внесли предложение рассмотреть вопрос о смене первого секретаря. Последовали бурные дебаты, прерванные самим Полозковым. Он сказал, что намерен сделать на завтрашнем заседании специальное заявление по этому вопросу.

Припоминаю: пили чай в комнате президиума, собрались все, и я спросил Ивана Кузьмича, какое он собирается сделать заявление.

— Я еще раз все обдумал, — ответил Полозков, — и в интересах нормализации обстановки хочу говорить не о вотуме доверия, как предлагали некоторые, а о своем уходе с поста первого секретаря ЦК.

До этого мы обменивались мнениями в кругу Политбюро ЦК КПСС и в общем все сходились на необходимости такой меры. Даже те, кто продвигал Полозкова в лидеры Российской компартии. Всякому неглупому человеку было видно, какой ущерб нанесло РКП и КПСС его избрание первым секретарем. Правда, были и оговорки, что, дескать, это надо сделать осторожно, продумать аргументацию, чтобы не вызвать негативной реакции — на сей раз со стороны тех, кого шутя называли «твердыми искровцами».

Я приехал на съезд, решил посмотреть, как будет воспринято заявление Полозкова, но никакого заявления не было. Оказывается, состоялось совещание первых секретарей обкомов партии, и все они в один голос высказались против отставки. Думаю, это был умело поставленный спектакль, с первыми секретарями хорошо поработали. Полозков, так сказать, вынужден был подчиниться общей воле.

Вся эта история наглядно показала, что номенклатура, не сумев навязать удобные ей решения на XXVIII съезде, попыталась отыгаться на российском партийном форуме. В обкомы и вновь созданные центральные структуры РКП

перемещалась оппозиция реформам и олицетворявшему их генсеку. А направлялась она — сначала из-за кулис, негласно, затем все более открыто — новым составом Политбюро ЦК КПСС.

Я не говорю при этом о руководителях компартий республик — они были поглощены своими заботами и не слишком вникали в деятельность центральных органов. Не хочу также всех валить в одну кучу — среди новых членов руководства были люди современно мыслящие. Но не они задавали тон, а те, кто тянул к прежним порядкам.

Из предыдущего моего рассказа читатель знает, какими драматическими событиями были насыщены первые месяцы 1991 года. Противостояние в Литве и политическая борьба вокруг Прибалтики, объявление радикалами «войны» центру, поиски приемлемого для всех компромисса, положившие начало новогаревскому процессу, — все это вновь и вновь свидетельствовало о необходимости поворачивать деятельность партии в новое русло, овладевать методами политической борьбы. Решения XXVIII съезда давали для этого неплохую базу. Увы, партийное руководство не умело и не хотело действовать в этом направлении. Регулярно собирались, обсуждали ситуацию. Без энтузиазма, но одобряли практически каждый шаг президента и правительства. Тем и кончалось.

Оставались втуне все мои призывы по-настоящему взяться за дело, предупреждения, что, если не перестроимся, потеряем время, КПСС окончательно утратит авторитет. В головах моих тогдашних коллег бродили другие мысли — не о политической борьбе, а о насильственной реставрации сталинистской модели, по крайней мере в ее брежневском варианте. И они все более неприязненно смотрели на Генерального секретаря, возлагая на него вину за собственную неспособность идти в ногу со временем, уловить потребности общества и чаяния народа.

Роль «забойщика» все больше брал на себя столичный горком. На очередном пленуме МК, куда были приглашены секретари горкомов КПСС в городах-героях, с резкой критикой политики генсека и президента выступил

Прокофьев. Обвинив меня во всех трудностях, переживаемых страной, он заявил: «Партия вынуждена нести ответственность за действия своего лидера, за его ошибки, которых накопилось уже немало». В таком же духе, конечно, с некоторыми нюансами, выступили Гидаспов, Гуренко, Шенин. Фундаменталисты, пылая гневом, требовали расправы над «ревизионистами», изгнания из партии группы Руцкого и Липицкого «Коммунисты за демократию», других группировок, в том числе легализованных XXVIII съездом, чьи лидеры были избраны в ЦК.

Неспособность партийных структур адаптироваться к реальностям и освоить новое положение КПСС, больше того, попытки затормозить и даже сорвать демократические преобразования вызывали разочарование в массе коммунистов. За 1990 год из партии выбыло почти 2,5 миллиона человек. После того как были обнародованы прения на апрельском Пленуме, этот процесс ускорился. По состоянию на 1 июля 1991 года в КПСС числилось 15 миллионов членов. Получается, что за полтора года из партии вышло и было исключено более 4 миллионов человек, или 22 процента.

Проведенные в то время социологические опросы показали, что более половины выходящих из КПСС делали это по идеологическим соображениям. А каждый четвертый говорил о нежелании оставаться в одних рядах с недостойными людьми, прямо указывая на представителей партийной номенклатуры.

В общем, происходил отрыв руководящих органов не только от общества, от граждан, но и от членской базы. Сознавая свою ответственность перед миллионами коммунистов, я многократно обсуждал сложившееся положение в КПСС со своими единомышленниками, с партийными работниками, которым доверял. Вывод был один: необходимо форсировать преобразование КПСС в современную политическую партию, стоящую на позициях демократического социализма. Для этого нужно было как можно скорее подготовить и принять новую программу. Съездовская комиссия, сидевшая несколько месяцев в Волынском, представила уже пять вариантов, но все они оставались в рамках

изживших себя традиций. В этой обстановке в работу включился я сам и мои помощники. Итогом стал документ, получивший одобрение комиссии и вынесенный ею на рассмотрение июльского Пленума ЦК.

Чтобы у читателя было представление об атмосфере, в которой это происходило, расскажу об одном из последних заседаний Политбюро — 3 июля. Обсуждалось положение в рабочем движении страны и задачи партии. Купцов привел такие данные: поддержанные КПСС кандидаты на пост Президента РСФСР проиграли на выборах 12 июня во всех городах с населением более одного миллиона человек, то есть в местах наибольшего сосредоточения рабочего класса и интеллигенции.

Выступив на заседании, я призвал членов Политбюро и секретарей ЦК не отсиживаться в столице, чаще выезжать, бывать на предприятиях, в трудовых коллективах, смелее вступать в политическую полемику. При этом не скатываться на позиции хвостизма и популизма, чем стали грешить многие партработники, как бы перехватывая стиль и методы демократов. Партия может восстановить авторитет в обществе только в том случае, если решительно поддержит назревшие реформы. В этой связи я коснулся положения на местах. Из ряда регионов явно скоординированно поступали обращения с требованием отставки генсека. Организацией таких обращений занимаются те же лица, чьи замыслы не удались на апрельском Пленуме ЦК. Потом стало ясно, что все это делалось в Москве, в аппарате ЦК РКП.

По ходу заседания Политбюро слово вдруг взял Фролов и заявил, что в проекте постановления Политбюро он обнаружил тезис, выставяющий генсека в самом неприглядном виде. Он резко поставил вопрос перед Полозковым и некоторыми другими руководителями республиканских организаций об их собственной ответственности за положение дел на местах. Полозков, который явно не справлялся со своими обязанностями и критиковался уже секретарями обкомов, заявил, что может и уйти.

Я на это среагировал:

— Что же, вы можете уходить, Иван Кузьмич.

И тут же в атаку ринулись Прокофьев, Гуренко, Аннус, потребовавшие, чтобы Горбачев регулярнее и полнее отчитывался на Политбюро о встречах с руководителями республик, переговорах с ними.

Я еще раз призвал членов партийного руководства заниматься позитивной работой и расстаться с надеждами на реванш. Что касается названных требований, то я их отклоняю, ибо не обязан согласовывать с Политбюро все свои шаги как президент. Тем более что идут они в русле решений, принятых XXVIII съездом. Партия, как и все общество, своевременно о них информируется. Кстати, они могли обратиться к руководителям своих Верховных Советов и узнать у них, что происходит на встречах с Президентом СССР. Но, как видно, уже и в республиках произошел разрыв между новыми Верховными Советами и ЦК компартий — я имею в виду, в частности, Украину, Белоруссию.

Проект программы был опубликован во второй половине июля, а 25-го собрался очередной Пленум ЦК КПСС.

Уже во вводной части своего доклада я поставил вопрос: почему партии сейчас нужен подобный документ? «Коротко можно ответить так: прежняя теоретическая и практическая модель социализма оказалась несостоятельной. Возникает необходимость глубокой перестройки, демократической реформации всех сторон общественной жизни. С этим связано обновление и самой партии.

В КПСС есть силы, которые с открытым забралом выступили против линии XXVIII съезда, ставят под сомнение всю нынешнюю ее политику. Но те, кто сегодня ругает перестройку и ее инициаторов, не в ладах с фактами. Уже к началу 80-х годов страна подошла к состоянию депрессии: старые и новые болезни общества не обнажались и тем более не излечивались, загонялись внутрь. Это привело к тяжелому кризису. Причем кризису не каких-то отдельных частей общественного организма, а самой модели казарменного коммунизма.

Созданная Сталиным тоталитарно-бюрократическая система позволяла путем концентрации сил и ресурсов огромной страны добиваться крупных

результатов. Но чрезвычайные усилия шаг за шагом подтачивали здоровье общества, вели к расточению ресурсов, утрате стимулов производительного творческого труда. На деле подтверждалась мысль Ленина о том, что нельзя строить социализм на голом энтузиазме. То, что возможности системы подходят к исчерпанию, понимали давно. Не случайно после смерти Сталина была предпринята попытка изменить ситуацию. Время брало свое: массовые репрессии были прекращены, отказались от многих элементов тоталитарного наследия. Но в основе власти и управления оставалась все та же бюрократическая система, опиравшаяся на абсолютное господство государственной собственности. Это был, по сути дела, постсталинизм.

Перестройка была жизненно необходимой и потому, что страна нарастающими темпами теряла былые позиции, отставала от развитых государств мира практически по всем направлениям научного, технического, экономического и социального прогресса».

Из множества вопросов программного значения я выделил один, на котором, можно сказать, спотыкались многие поколения сторонников социализма — соотношение социализма и рынка. «В прошлом эти понятия считались у нас несовместимыми на том основании, что рыночные отношения противоречат распределению по труду и на них якобы основана эксплуатация человека человеком. В действительности рынок сам по себе не определяет характера производственных отношений, он был и остается с древнейших времен единственным механизмом, позволяющим объективно и в какой-то мере без вмешательства бюрократии измерить трудовой вклад каждого производителя. Весь мировой опыт последних десятилетий подводит к выводу, что вне рыночной экономики нельзя реализовать принцип распределения по труду. Социализм и рынок не только совместимы, но, по сути, неразделимы.

В полной мере учитывая особенности и традиции нашего общества, мы против того, чтобы на смену тотальной государственной собственности пришла столь же тотальная частная. Речь идет о создании именно смешанной, многоукладной экономики. О свободном развитии всех видов собственности с

упором на акционирование и аренду, позволяющую включить в число владельцев, хозяев, собственников все более широкие слои трудящихся.

Наконец, рыночная экономика позволит стране стать органичной частью мирового хозяйства. Для этого нужно иметь общие правила предпринимательской деятельности, свободу обмена товарами, устойчивую валюту, а главное — правовое государство и гражданское общество. Только обеспечив все эти условия, мы сможем занять достойное место в мировом разделении труда. Казалось бы, очевидные вещи, но какими извилистыми путями и с каким опозданием приходим мы к пониманию этих истин!»

Учитывая характер своей аудитории, я обратился к примерам, которые должны были найти отклик у людей, воспитывавшихся в безусловном признании ленинского наследия.

«Вспомните, как в 20-е годы было встречено в партии введение новой экономической политики. Не прошло ведь и четырех лет после Октябрьской революции, совсем недавно победоносно закончилась война. Многим казалось, что до желанного социализма рукой подать. И вдруг — частное предпринимательство, кооперация, синдикаты, допуск иностранных концессий. Пошли разговоры о предательстве, перерождении вождей, измене делу пролетариата. Многие уходили из партии, некоторые кончали с собой. Однако после Ленина началось постепенное сворачивание этого курса. И это особенно проявилось в связи с «хлебным кризисом» конца 20-х годов. Существовало два способа решения возникшей проблемы: включение экономических рычагов, то есть углубление нэпа, или чрезвычайные, силовые меры, отрицающие путь, избранный Лениным. Сталин и его окружение избрали второй вариант, тем самым фактически был сделан выбор в пользу авторитарной, бюрократической модели развития.

Главное в проекте — решительный разрыв с отжившими идеологическими догмами и стереотипами, стремление привести наше мировоззрение и политику в согласие со всем опытом развития, насущными потребностями страны и народа. В XIX и начале XX века возможность преобразования общества на

справедливых началах связывалась сторонниками социализма главным образом с насильственным переворотом, установлением диктатуры пролетариата, с классовой борьбой, доводимой до ликвидации враждебных классов. Давно уже настало время признать, что эпоха, когда у народных масс не оставалось иного средства поправить свое положение как штурмом Бастилии или Зимнего дворца, ушла в прошлое».

Говоря о партии, я сказал: «Трезво оценивая положение, надо признать, что в КПСС уже образовались течения различного толка, каждое из которых стремится придать ей свою ориентацию и вместе с тем самым фактом своей деятельности испытывает ее на разрыв. Меньше всего хотел бы огульно обвинять коммунистов, которые по разным причинам присоединяются к тому или иному течению. Во многих случаях это происходит в силу понятной неудовлетворенности тем, как идут дела в стране и в самой партии.

Схема прошлого довлеет над общественным сознанием, мешает понять смысл происходящих изменений. В наш адрес со стороны представителей, я бы сказал, коммунистического фундаментализма раздаются обвинения в «социал-демократизации КПСС». Они базируются на идеологических расхождениях времен революции и Гражданской войны, когда коммунисты и социал-демократы оказались по разные стороны баррикад. Пусть историки разбираются в перипетиях прошлого, но совершенно очевидно, что критерии возникшего тогда противостояния утратили прежнее значение. Мы изменились, изменилась и социал-демократия. Ход истории снял многие проблемы, вызывавшие размежевания в рабочем, демократическом движении, среди сторонников социализма. И те, кто сегодня пугает социал-демократизацией, только отвлекают внимание от главного противника — антисоциалистических, национал-шовинистических течений.

Всем нам нужно еще раз осознать, — подчеркнул я, — что на нынешнем этапе развития общества КПСС может рассчитывать на успех именно как партия политического действия. В условиях ухудшения экономической ситуации и роста социальной напряженности активизируются радикалистские течения. К

программному заявлению XXVIII съезда они относятся как ни к чему не обязывающей декларации. В так называемой большевистской платформе КПСС что ни тезис — открытая попытка ревизии установок съезда. Партия, по мнению «небольшевиков», вновь должна стать стеновым хребтом государства. Реформа политической системы объявляется антинародной политической диверсией, а демократизация экономики клеймится как возврат к дореволюционным порядкам. Характерна и терминология — призывы к решительной борьбе с оппортунистами, ревизионистами, неменьшевиками, национал-коммунистами и социал-предателями. Сходные тезисы отстаивает движение «коммунистическая инициатива». Его вдохновители отвергают многообразие собственности, не признают необходимости реформирования политических структур, тенденциозной критике подвергают внешнюю политику государства».

Я призвал в докладе все течения и платформы самокритично оценить линию своего поведения, умерить эмоции, отдать приоритет трезвому политическому расчету. «Но, конечно, миротворчество по принципу «давайте жить дружно!» не нужно никому. Выход из КПСС отдельных течений, противопоставляющих себя ее стратегическому курсу и идущих на прямое нарушение уставных требований, не только не повредит партии, а, напротив, укрепит ее».

Рассуждения на эту тему завершались предложением созвать следующий съезд в ноябре—декабре и принять на нем программу партии.

Начались выступления. Вопреки советам доброхотов, рекомендовавших «подстраховаться» и по примеру прежних лидеров «организовать прения» (то есть выпустить побольше своих сторонников, придержать критиков, предварительно побеседовать с некоторыми из них и т.д.), я не стал маневрировать. Решил, что настала пора действовать в открытую. Отвергнет большинство ЦК проект — будет размежевание, которое стало неизбежным. Удастся добиться одобрения его на Пленуме — значит, проба сил и финальная сцена расставания фундаменталистов и реформаторов откладывается до XXIX съезда партии. Не скрою, последний вариант я считал предпочтительным уже

потому, что судьбу партии и уместней, и достойней решать не Пленуму ЦК, а именно съезду.

Как и следовало ожидать, с первых выступлений посыпались критические замечания и упреки: недостаточно четко заявили о приверженности идеям Маркса-Ленина, слишком однозначно трактуется переход к рынку, не надо стесняться сказать о заслугах КПСС перед советским народом и т.д. Но чем больше накапливалось претензий и «скучнели» мои помощники, опасавшиеся, что редкокомиссия Пленума изуродует проект, тем спокойней становилось у меня на душе. Дело в том, что резким контрастом с содержанием замечаний был тон, каким они высказывались. Прозвучало не больше двух-трех истерических выступлений с проклятиями по адресу отступников от марксизма-ленинизма, неистребимой верой в вечность нашей идеологической догматики. Подавляющее большинство ораторов оценивали подготовленный документ с позиций уже далеко продвинувшегося вперед общественного сознания.

Даже консервативно мыслящие люди, испытывающие ностальгию по старым порядкам или хотя бы по отдельным чертам дорогого им прошлого, не могли не считаться с тем, что после бурных дискуссий на съездах народных депутатов и сессиях Верховного Совета, в прессе и телевизионных клубах понятия рынка, гражданского общества, правового государства, свободных выборов, политического плюрализма, многопартийности, общечеловеческих ценностей, интеграции в мировое сообщество и многие другие из этого же смыслового ряда стали нормой, укоренились в народном мнении.

А как же фанатики, разве их не было в зале? Почему они отмолчались, не встали стеной против «еретиков»? Думаю, тому было несколько причин. Прежде всего, не были еще забыты итоги апрельского Пленума, где твердолобым пришлось отказаться от замысла сместить генсека. Соотношение сил с тех пор не изменилось, и новый «бунт на корабле» расценивался в этой среде как заведомо проигрышный. Далее: не могли они не считаться с тем, что к июлю начали созреть плоды ново-огаревского процесса, общество настроилось на волну согласия. В этой обстановке раскол в КПСС обернулся бы в первую очередь

против «партийных боссов».

Наконец, многие из них сочли бессмысленным вылезать с резкой критикой просто потому, что вообще разуверились в возможности достичь своих целей такими средствами, уже тогда начали прицеливаться к «решительным», силовым действиям.

Как бы то ни было, Пленум поручил доработать проект, и редко-миссия сделала это без серьезных потерь.

Закljučая работу Пленума, я прежде всего обратил внимание на необходимость проявлять широту взглядов и терпимость к инакомыслящим. Общество устало, не хочет терпеть новые перевороты, конфронтацию, социальную перенапряженность, оно вздохнуло с облегчением, когда разнесся призыв поставить выше всех партийных и политических споров интересы народа, Отечества, государства. Улавливая эту общую тенденцию, очень важно овладевать курсом на реформы, цивилизованный подход к политике.

А тем, кого пугает понятие «реформизм», я напомнил слова Ленина: на место революционного подхода «в смысле прямой и полной ломки старого» необходимо поставить «совершенно иной, типа реформистского». Сказано это было в 1921 году. Все дело в направленности реформ.

Мы подошли к необходимости новой «коренной перемены всей нашей точки зрения на социализм». В рамках старой модели ответы на вопросы не найдем, как не нашли ответов наши друзья, которым мы помогали эту модель у них «проэкспериментировать». Да, это кризис социализма и социалистической идеи, но кризис может быть преодолен. За ним может последовать выздоровление и новый решительный шаг вперед обновленного социализма.

Мое впечатление от июльского Пленума ЦК можно резюмировать так: открылась реальная перспектива реформирования КПСС. А вот удастся ли использовать эту возможность — зависело уже от многих факторов и общего хода событий.

Пленум стал своего рода заключительным актом первой половины 1991 года. Начинался самый драматический этап в жизни страны, в личной моей

судьбе.

Цель близка

Давно замечено, что в переломные моменты истории время конденсируется, сжимается до бесконечности. Месяцы, недели, даже дни по насыщенности событиями, их значению и последствиям становятся равными иным столетиям. Такой стала у нас вторая половина 1991 года. И своего рода пружиной действия, осью, вокруг которой оно развернулось, была ожесточенная борьба вокруг трех капитальных вопросов.

Во-первых, это целостность страны и судьба нашего союзного государства: быть ему и дальше в обновленной форме реальной федерации или распасться на части, рассыпаться, породив острейшие проблемы и неисчерпаемые бедствия для народов.

Во-вторых, судьба перестройки, экономической и политической реформ, начатых в 1985 году, взятого тогда курса на демократизацию: найдут ли они продолжение или будут свернуты? А если движение по пути реформ будет продолжено, то какими методами и темпами, какую цену придется уплатить за переход к более эффективной системе хозяйствования и управления.

В-третьих, это борьба за власть: кому, каким социальным силам, партиям, группировкам, лидерам встать у руля на новом этапе нашей истории.

Эти фундаментальные вопросы решались, конечно, не изолированно, а в тесном переплетении. И исход дела определялся, увы, не только так называемыми объективными закономерностями и назревшими общественными потребностями, но также ожесточенным соперничеством политических группировок, вожделениями национальных элит и просто человеческими амбициями и страстями.

Очень важно, что в итоге всего пережитого, сложных политических маневров, дискуссий и столкновений противоборствующих сил удалось к исходу июля вплотную приблизиться к рациональному решению коренных проблем, осложнявших ход перестройки. Подготовить тем самым необходимые предпосылки для преодоления возникшего кризиса. Может быть, я несколько

повторюсь, но хочу еще раз зафиксировать в памяти это принципиальное обстоятельство.

Решающее значение имело, бесспорно, завершение (23 июля) согласования нового Союзного договора. Я уже рассказал, как трудно это далось. Объявив себя по примеру России независимыми, республики стремились «застолбить» как можно больше прав, избавиться от опеки союзных органов. Справедливости ради отмечу, что при этом республиканские лидеры за редким исключением сознавали необходимость иметь достаточно сильный и авторитетный центр, способный решать общие задачи. Словом, нужен был разумный баланс в распределении полномочий, и то, что он в конце концов был найден, свидетельствует о жизненности принципов, которые закладывались на том этапе в основу обновленной федеративной государственности.

Пожалуй, нагляднее всего об этом говорит решение вопроса о субъектах Союза Суверенных Государств. Новый статус автономий, становившихся соучредителями Союза, обеспечивал равноправие наций, их возможность самостоятельно устроить свои дела. В то же время не нарушалась целостность союзных республик, не ставились под сомнение исторически сложившиеся границы государств и национально-территориальных образований.

Я далек от намерения утверждать, что в итоге найдено решение, годное на все времена. Проблема эта архисложная. Сегодня она стоит острее, чем когда-либо, и к ней, видимо, придется возвращаться не раз. Но, повторюсь, при сохранении и обновлении союзного государства в соответствии с проектом Договора она решалась оптимальным образом, позволявшим избежать конфликтов и вносить назревшие изменения в межнациональные отношения правовым путем, а не силой оружия.

Не менее важно, что новый Союзный договор стал предметом согласия не только республик, но и основных институтов власти, прежде всего Верховного Совета СССР. Лукьянов и Нишанов участвовали практически во всех встречах в Ново-Огареве и, кстати, не раз подсказывали компромиссные формулировки. После каждого заседания обновленный проект направлялся в Президиум

Верховного Совета для ознакомления депутатов. При его обсуждении в комитетах и комиссиях высказывалось немало замечаний. Они передавались в рабочую группу, и та учитывала их, как и предложения, поступившие от парламентов республик.

Лукьянов не раз информировал членов Совета Федерации о настроениях депутатов, имевшихся у некоторых из них опасениях, что подписание Договора приведет к ослаблению роли центральных органов, включая союзный парламент. Но все это было частью ново-огарев-ской дискуссии. В конечном счете Верховный Совет выразил принципиальное согласие с проектом, и его председатель, председатели палат должны были вместе с делегациями республик его подписать.

По ходу работы в Ново-Огареве варианты Союзного договора обсуждались и в правительстве. В первую очередь, разумеется, статьи, касавшиеся экономики, но не только. От премьера Павлова и руководителей ведомств поступали замечания, отражавшие их взгляд на этот документ, на природу будущей союзной государственности. В частности, руководство Госбанка, его председатель Геращенко активно добивались закрепления принципов единой денежно-кредитной политики. Подробные записки, иной раз целые трактаты со статистическими выкладками и весомой аргументацией представлялись министерствами иностранных и внутренних дел, связи и железнодорожного транспорта, практически всеми другими. Излишне говорить, что в них главным образом обосновывалась необходимость сохранения больших полномочий у союзных органов. Эти аргументы тщательно обсуждались; не раз — с приглашением их авторов на заседания Совета Федерации. Конечно, не все предложения правительства принимались, но в целом оно против Договора не высказывалось.

Точно так же обстоит дело и с политическими движениями. Ни одна сколько-нибудь солидная партия не выступала (по крайней мере открыто) с осуждением проекта. Напротив, многие из них связывали с новым Союзным договором надежду на нормализацию политической ситуации в стране. Что

касается КПСС, то проект неоднократно обсуждался на Политбюро ЦК КПСС и пленумах ЦК. Последний его вариант был рассмотрен на Пленуме 25—26 июля и получил принципиальное одобрение. На том же Пленуме, как я уже говорил, были созданы предпосылки для реформирования самой КПСС на основе новой Программы.

Другое июльское событие давало основание считать если не окончательно решенным, то, по крайней мере, отложенным вопрос о власти. 10-го на торжественном заседании Верховного Совета РСФСР состоялась инаугурация Ельцина. С моей стороны была проявлена полная лояльность, хотя не составляли секрета и опасения, которые у меня были в этой связи. Думалось, однако, что, достигнув своей цели, Президент России и его команда (фактически — партия) займутся управлением республикой, продвижением реформ, отложат, пусть на время, далеко идущие амбициозные планы.

В июле же — и это, конечно, не случайное совпадение — началась реализация антикризисной программы. Много с ней маялись и колебались — уж слишком ответственным было это решение, последствия которого сразу же отразились бы на жизни миллионов людей. Много слышали хулы — и от тех, кто цеплялся за прежнюю хозяйственную систему, и от тех, кто рвался ее в одночасье разрушить. Но в конечном счете выработали все-таки вариант, одобренный республиками. Программа стала, повторяюсь, не только программой Кабинета, но и правительств союзных республик.

Тогда же произошло еще одно событие, о котором я рассказал, — встреча в Лондоне с участниками «семерки», на которой был рассмотрен вопрос о взаимодействии в этой ответственной фазе наших реформ.

Как бы «под занавес» июля, 29-го, удалось снять последнее препятствие для подписания Союзного договора. Дело в том, что российское руководство долго не соглашалось на установление союзного налога, без чего было невозможно существование федеративного государства, союзные органы ставились в положение просителей у республик и не смогли бы выполнять возложенные на них функции. В конце концов была найдена компромиссная

формула, и Ельцин снял последнее возражение. Согласованный текст статьи 9 («Союзные налоги и сборы») выглядел так: «Для финансирования расходов союзного бюджета, связанных с реализацией переданных Союзу полномочий, устанавливаются единые союзные налоги и сборы в фиксированных процентных ставках, определяемых по согласованию с республиками на основе представленных Союзом статей расходов. Контроль за расходами союзного бюджета осуществляется участниками Договора».

Все, что «сошлось» в июле 1991-го, явилось итогом длительных поисков и усилий, завершило путь, пройденный нами с апреля 1985-го. Складывались реальные предпосылки для того, чтобы вытащить страну из кризиса и масштабно продвинуть начатые демократические преобразования. Поэтому я уехал в отпуск 4 августа, не сомневаясь в том, что через две недели в Москве в торжественной обстановке будет подписан Союзный договор, откроется новый этап наших реформ.

А выступая за два дня до этого по телевидению, постарался объяснить, что означает для страны заключение нового Союзного договора. Прежде всего это реализация воли народа, выраженной на референдуме 17 марта. Сохраняется единое государство, в котором воплощен труд многих поколений людей, всех народов нашего Отечества. И вместе с тем создается новое, действительно добровольное объединение суверенных государств, в котором народы самостоятельно управляют своими делами, свободно развивают свою культуру, язык, традиции.

«Теперь, — продолжал я, — когда мы уже имеем Договор и он будет в ближайшее время подписан республиками, надо исключить из нашего государственного обихода конфронтацию, ничем не оправданную политическую нетерпимость».

Развернулась практическая работа по подготовке самого акта подписания Договора. Находясь на отдыхе в Крыму, я постоянно держал в поле зрения этот процесс. В связи с тем, что Верховный Совет Украины должен был определиться по этому вопросу только в сентябре, мне показалось разумным провести

подписание в три этапа. Однако республики, которым предлагалось подписать Договор во «вторую очередь», с этим не согласились. В результате обмена мнениями оказалось так: второй этап у нас исчез, а третий, намечавшийся на начало октября, стал вторым. Предполагалось, что это будут Украина и Азербайджан.

Хотя была достигнута высокая степень согласия и, казалось, ничто не должно помешать подписанию Договора, по мере приближения назначенной даты усилились нападки на него слева и справа. В прессе разной направленности шли яростные баталии. С одной стороны, обвиняли президента страны в том, что он, идя на подписание такого Договора, делает уступку сепаратистам, и это грозит ослаблением союзного государства. С другой — велись не менее яростные атаки на Президента России за согласие подписать Договор, который якобы сохраняет всеирие центра и господство коммунистической номенклатуры. Возглавили это наступление Ю. Афанасьев, Е.Боннэр и другие радикалы из «Демроссии».

Разговаривая с Ельциным 14 августа по телефону, я понял, что Президент Российской Федерации чувствует себя неуверенно, колеблется. Спросил, вижу ли я, каким атакам он подвергается. Мой ответ свелся к тому, — передаю наш разговор по смыслу — что не меньшим нападкам подвергается и президент страны. Меня критикуют за то, что я, подписав Договор, подвергну опасности целостность государства, а Президента России — за то, что он, сделав то же самое, продлит жизнь империи. Но раз недовольны и крайне правые, и крайне левые, то это лишь свидетельствует, что мы на правильном пути.

Завершая разговор на эту тему, я сказал:

— Борис Николаевич, мы не должны ни на шаг отступать от согласованных позиций, с какой бы стороны их ни атаквали. Нужно сохранять хладнокровие и продолжать подготовку к подписанию.

Поскольку Президента России интересовало, как будет организована сама процедура, подробно рассказал об этом. Поначалу у него не встретило понимания предложение рассадить делегации республик за столом подписания

по алфавиту. Но после разъяснения, что благодаря такому расположению Россия окажется в центре, у него, как мне показалось, сомнения отпали.

В общем, мы попрощались на хорошей ноте. Хотя у меня остался осадок, не ушло ощущение, что Ельцин чего-то не договаривает, я постарался сделать все, чтобы предостеречь его от колебаний в этот решающий, в полном смысле исторический момент. Как потом стало известно, некоторые ближайшие соратники Ельцина действительно наседали на него, готовили какие-то условия, которые должны сопровождать его подпись под Договором о Союзе Суверенных Государств. Во всяком случае, на одном из мероприятий еженедельника «Московские новости» Старовойтова в кругу единомышленников «раскрыла секрет», что Президент России вряд ли подписал бы Договор в таком виде, как намечалось на 20 августа, он высказал бы какие-то оговорки.

Но все это запоздалые суждения. Тогда у меня была уверенность, что Договор будет подписан. Попытаться сорвать этот акт, зная позицию народа, выраженную на референдуме, и видя, как трудно продвигать реформы, значило пойти на слишком большой риск.

Сейчас, на определенной «временной» дистанции, можно сказать, что Ельцин обдумывал такой вариант. Он давно, на протяжении нескольких месяцев (со мной об этом делился Назарбаев), вел закулисный разговор об альтернативном соглашении «четверки» — России, Украины, Белоруссии и Казахстана. Разговор то затухал, то возобновлялся, эта идея не покидала Президента Российской Федерации, и не только его. Но, наверное, он понимал, что это опасный шаг, который может полностью его дискредитировать.

Впрочем, сейчас можно лишь гадать о том, как бы действовал Ельцин. Я склоняюсь к тому, что интуиция, чутье политика предостерегали его от срыва подписания Договора. Что же касается оговорок, попытки таким путем затормозить вступление его в силу — этого нельзя исключать.

А вот пугачисты, действуя с другой стороны и по иным мотивам, пошли на прямую атаку, не остановившись перед нарушением Конституции и личным предательством, встав на путь государственного преступления.

Конечно, возможность острого столкновения между силами обновления и реакцией я допускал. А с ноября—декабря 90-го консервативные силы использовали самые разные возможности для атак на президента и реформаторов: сессии ВС, съезды народных депутатов СССР, партийные пленумы, всякого рода встречи и конференции, организацию требований о введении президентского правления или объявления чрезвычайного положения и т.д.

Я не просто все это видел, но и действовал, срывая расчеты реакции. С самого начала кризисных процессов, связанных с коренным преобразованием общества, стремился предотвратить взрывную развязку противоречий, выиграть время за счет тактических шагов, чтобы дать демократическому процессу приобрести достаточную устойчивость, потеснить старое, укрепить в народе приверженность к новым ценностям.

Словом, моей главной целью было подвести страну к такому этапу, когда любая подобная авантюра обречена на провал; сохранить, вопреки любым трудностям, курс преобразований; удержать развитие общества в конституционном русле.

Глава 43. Август. Путч

Преступная авантюра

На днях, когда я уже редактировал этот раздел мемуаров, пришла неожиданная новость, относящаяся к событиям зимы—лета 91-го. «Новая ежедневная газета» в номере от 18 февраля 1994 года опубликовала материалы Павла Вощанова, бывшего пресс-секретаря Президента России. Воспроизведу один абзац: «Это было на рубеже зимы и весны 1991 года. Ельцин только что выступил по Центральному телевидению, потребовав отставки Горбачева. В Кремле это было воспринято по-разному. Кое-кто, видимо, решил сыграть на противоречиях двух лидеров и заручиться поддержкой российского... Несколько дней спустя ко мне обратилось одно из доверенных лиц союзного вице-президента с предложением: надо организовать конфиденциальную встречу Ельцина и Янаева. Мол, Горбачев ни на что не способен... Страна гибнет... Надо

спасать... Доложив об этом и получив отказ, тем же путем довел наше решение до адресата. Ответная реакция не заставила долго ждать: «А вы, ребята, не ошибаетесь? Смотрите, не пришлось бы жалеть. И очень скоро».

Итак, Янаев, которого я настойчиво продвигал в вице-президенты, меньше чем через год встал на путь предательства. Характерно и то, что Ельцин, отклонив предложение Янаева о сговоре против Президента СССР, тем не менее не довел до моего сведения ни в тот момент, ни впоследствии факт подобного к нему обращения. Наверное, оставлял про запас, вдруг еще пригодится.

Начиная с вильнюсских событий и вплоть до августа не прекращалось давление крайне правых и крайне левых на президента с целью толкнуть его на чрезвычайные насильственные меры. Отчетливо видя это, не думая об опасности лично для себя, я стремился выиграть время. Был убежден, что после заключения Союзного договора и реформирования партии обозначится коренной перелом к лучшему, жизнь войдет в нормальную колею, начнут решаться проблемы, на которых спекулируют оба политических «края».

То, что, несмотря на все злобные нападки, при всех допущенных мною просчетах, удалось добиться согласия по ключевым вопросам нашего развития, конечно же, давало основание, как принято говорить, для «осторожного оптимизма».

Линия поведения консервативного крыла в партийном руководстве давно просматривалась. И все же — что непосредственно подтолкнуло их на явную авантюру? Раздумывая над этим, я прихожу к выводу, что «последней каплей», переполнившей чашу терпения, стало опасение утраты личной власти.

В самом конце июля, уже перед моим отъездом в отпуск, я встретился в Ново-Огареве с Ельциным и Назарбаевым. Разговор шел о том, какие шаги следует предпринять после подписания Союзного договора. Согласились, что надо энергично распорядиться возможностями, создаваемыми Договором и для республик, и для Союза.

До сих пор мы исходили из того, что за Договором должна последовать разработка Конституции, для чего потребуется месяцев шесть, а после ее

принятия — избрание новых органов власти. Так вот, возник вопрос, уместно ли откладывать надолго выборы. Ельцин и Назарбаев были за приведение структуры союзных органов в соответствие с Договором, не откладывая дела в долгий ящик, так как дезинтеграционные процессы во всех сферах общества нарастают, приобретают опасный характер. Договорились все это обсудить с руководителями других республик.

Возник разговор о кадрах. В первую очередь речь, естественно, пошла о президенте Союза суверенных государств. Ельцин высказался за выдвижение на этот пост Горбачева.

В ходе обмена мнениями родилось предложение рекомендовать Назарбаева на пост главы Кабинета. Он сказал, что готов взять на себя эту ответственность, если союзный Кабинет министров будет иметь возможности для самостоятельной работы. Говорилось о необходимости существенного обновления верхнего эшелона исполнительной власти — заместителей премьера и особенно руководителей ключевых министерств. Конкретно встал вопрос о Язове и Крючкове — их уходе на пенсию.

Вспоминаю, что Ельцин чувствовал себя неуютно: как бы ощущал, что кто-то сидит рядом и подслушивает. А свидетелей в этом случае не должно было быть. Он даже несколько раз выходил на веранду, чтобы оглядеться, настолько не мог сдерживать беспокойства.

Сейчас я вижу, что чутье его не обманывало. Плеханов готовил для этой встречи комнату, где я обычно работал над докладами, рядом другую, где можно перекусить и отдохнуть. Так вот, видимо, все, было заранее «оборудовано», сделана запись нашего разговора, и, ознакомившись с нею, Крючков получил аргумент, который заставил и остальных окончательно потерять голову.

Поэтому заявления гэкачепистов о том, что ими двигало одно лишь патриотическое чувство, — демагогия, рассчитанная на простаков. Не хочу сказать, что им вовсе была безразлична судьба государства. Но они отождествляли его с прежней системой, а действовали, исходя в первую очередь из карьерных или даже шкурных интересов, чтобы сохранить за собой

должности.

Не скажу, что мой отдых в тот год был нормальным. Находясь в Форосе, мне приходилось заниматься многими вопросами, поскольку события в стране приобретали все более тревожный характер. Не только на основе анализа, но и интуитивно я чувствовал, что надо быстрее двигать реформы, а это можно сделать только при условии подписания Союзного договора. Поэтому постоянно держал подготовку к нему под контролем, связывался по телефону с руководителями республик и союзных органов, членами правительства, моими помощниками и советниками.

Меня не покидало ощущение, что надо скорее возвращаться и действовать, поэтому я каждый день торопил всех, кто связан был с подготовкой подписания. Уже был заказан самолет. С Шахназаровым, который отдыхал в санатории «Южный», рядом с Форосом, мы вели разговор о выступлении при подписании. 18-го я высказал ему свои последние пожелания — кстати, это был последний разговор, после которого связь была прервана. Я обнаружил это без десяти пять вечера, а наш разговор, как зафиксировано документально, закончился в 16.32. Теперь известно, что за спиной телефонисток уже стояли офицеры, которые должны были отключить связь в четыре тридцать.

Около пяти дня меня поставили в известность, что на дачу прибыла группа в составе Бакланова, Шенина, Болдина, Варенникова, Плеханова. Я удивился, сказал явно растерянному Медведеву — начальнику охраны, что никого не приглашал. Оказывается, стража пропустила визитеров, поскольку с ними были Плеханов и Болдин. В других случаях ничего подобного не могло произойти; по правилам охраны без моей санкции никого не могли пропустить на территорию дачи.

Отправив Медведева, я решил выяснить, в чем дело. Хотел связаться с Москвой, переговорить в первую очередь с Крючковым и вдруг обнаружил, что один, второй, третий, четвертый, пятый телефоны, в том числе стратегический, отключены. Даже аппарат городской АТС. Я вышел из кабинета на веранду, где Раиса Максимовна читала прессу, и сказал ей, что на даче появились незваные

гости, трудно предсказать, что они задумали, можно ждать самого худшего. Она была потрясена такой новостью, но сохранила самообладание. Мы перешли в рядом расположенную спальню. Лихорадочно работала мысль: от своих позиций не отступлю, никакому нажиму, шантажу, угрозам не поддамся. Об этом я и сказал Раисе Максимовне. «Решение ты должен принять сам, а я буду с тобой, что бы ни случилось». Потом мы позвали Ирину и Анатолия. Выслушав меня, они сказали, что целиком полагаются на меня, готовы ко всему.

На это ушло, наверное, минут 30—40. Как мне говорили офицеры, визитеры нервничали: почему их не принимают. Выйдя из спальни, я обнаружил, что они без приглашения поднялись на второй этаж. Вообще, вели себя бесцеремонно, чуть ли не как хозяева. Пригласив в кабинет, я спросил, с какой миссией прибыли. Бакланов сообщил, что создан комитет по чрезвычайному положению. Страна катится к катастрофе, другие меры не спасут, я должен подписать Указ о введении ЧП. По сути дела, приехали с ультиматумом. Позднее, беседуя со следователем, я узнал, что у них были с собой заготовленные для моей подписи документы — разные варианты.

Бакланов перечислил состав ГКЧП, причем назвал в числе его членов Лукьянова. Сказал, что Ельцин арестован, хотя тут же поправился: будет арестован по пути (из Алма-Аты, откуда он возвращался в Москву). Торопя события, заговорщики явно хотели таким способом дать мне понять, что они уже взяли ситуацию под свой контроль и назад пути нет.

Все это были люди, которых я выдвигал и которые меня теперь предали. Я категорически отверг их домогательства, заявил, что никаких указов подписывать не буду.

— Вы и те, кто вас послал, обеспокоены ситуацией? Но я не хуже вас знаю обстановку в стране, и она тревожит меня не меньше, чем вас. Считаете, что нужны адекватные меры? Я такого же мнения. Главная из них уже подготовлена — это подписание нового Союзного договора. На заседании Совета Федерации 21 августа намечено обсудить ход выполнения экономической реформы. Вы же все спасение видите в чрезвычайных мерах. Я с этим не согласен. Давайте

созывать Верховный Совет СССР, Съезд народных депутатов, раз у части руководства есть сомнения в правильности политического курса. Давайте обсуждать и решать. Но действовать только в рамках Конституции, закона. Иное для меня неприемлемо. То, что вы себя загубите, — черт с вами, но ведь дело может кончиться большой кровью. Не тот стал народ, чтобы мириться с вашей диктатурой, с потерей свободы, всего, что было добыто в эти годы.

На мои доводы последовали рассуждения Бакланова, проникнутые «заботой» о моем здоровье, которое-де сильно подызналось за напряженные годы перестройки.

— Не хотите сами подписывать Указ о введении чрезвычайного положения, передайте свои полномочия Янаеву, — предложил он. И добавил: — Отдохните, мы сделаем «грязную работу», а потом вы сможете вернуться.

Я, разумеется, отверг это гнусное предложение.

— Тогда подайте в отставку, — проговорил Варенников.

— Не рассчитывайте. Вы, преступники, ответите за свою авантюру! — На этом разговор закончился. Мы попрощались. Когда они уходили, не сдержался и обругал их «по-русски».

Хочу ответить на вопрос, который нередко мне задавался: почему Горбачев не задержал их, у него ведь была вооруженная охрана?

Прежде всего, я рассчитывал, что мой отказ принять ультимативные требования ГКЧП отрезвит зачинщиков заговора. Не раз я удерживал этих людей от опрометчивых шагов, о чем уже писал, и оставалась надежда, что и на сей раз моя твердая позиция окажет свое воздействие. Да, я не терял надежду.

Кроме того, попытка задержать их на даче ничего не решала. Ведь главные заговорщики были в Москве, держали в тот момент в своих руках рычаги власти. Да я и не сомневался, что гэкачеписты позаботились обезопасить развитие событий здесь, в Форосе, от всяких случайностей. Что и подтвердилось. Заранее было предусмотрено все, чтобы наглухо изолировать президента. Отключена связь. Выставлена двойная линия охраны вокруг дачи и со стороны моря. Запрещен выход кого бы то ни было из дачи и допуск на ее территорию. Мои

помощники, журналисты, депутаты Верховного Совета пытались проникнуть на дачу, чтобы разобраться в случившемся и, в частности, собственными глазами убедиться, насколько достоверна версия ГКЧП о болезни президента, но это им не удалось.

Называя вещи своими именами, это был арест президента и узурпация его власти. Пutschисты понимали, что не заполучат меня в сообщники, но надеялись взять «на испуг», принудить к подписанию указов, придающих легитимный вид их аванюре. Мой решительный отказ сделать это сразу ставил их в положение преступников.

Ночь для них была не простой, как теперь известно. Когда явился «передовой отряд» из Фороса и доложил о результатах, в стане заговорщиков начался разлад. Янаев заколебался, подписывать или нет, потянулся к рюмке. Павлов начал симулировать болезнь. Лукьянов стал спешно готовить запасные позиции. Задумался маршал Язов, позднее сказавший: «Дернул меня черт, старого дурака, в это ввязаться». Раздавались голоса, не остановить ли все это. Но было уже поздно, да и Крючков, те, кто был выделен для предъявления мне ультиматума, слишком далеко зашли, чтобы бить отбой. Именно тогда сказал Болдин, что «знает президента, он никогда не простит подобного обращения с ним». Им не оставалось ничего иного, как идти напролом.

Пытаясь хоть каким-то образом придать своим действиям «легитимный» характер, изобрели ложь, что Горбачев якобы в тяжелом состоянии, недееспособен, не может выполнять функции президента. Когда я вернулся из Фороса, врачи рассказали, что у них вымогали документальное свидетельство о моей болезни. Они заявили, что должны прежде всего переговорить с лечащим доктором, но им сказали, что связи с Форосом нет. Плеханов утверждал, что это в интересах Михаила Сергеевича, поскольку иначе ему грозит арест. Все-таки медики пошли на сделку с совестью и выдали текст, который вроде бы свидетельствовал об ухудшении моего здоровья в связи с обострением болезни 16 августа 1991 года. Пакет был направлен Плеханову в 17.00 19 августа 1991 года. Словом, вооружили заговорщиков «аргументами» перед печально

знаменитой пресс-конференцией.

В своем письме Верховному Совету СССР от 23. августа 1991 года зампреьера Щербаков пишет, что утром 19 августа связался с Янаевым и попросил его ответить на три вопроса: 1. Имеются ли достоверные доказательства того, что Горбачев по состоянию здоровья не способен исполнять свои обязанности? 2. Что все указы вице-президента и решения ГКЧП полностью согласованы с Лукьяновым? 3. Что ситуация руководством всесторонне осмыслена и не найдено иных возможностей удержать страну от хаоса и массовых беспорядков, кроме как путем введения чрезвычайного положения? На все три вопроса был дан однозначный утвердительный ответ...

Щербакову удалось часом позже связаться с Павловым, и тот подтвердил, что по информации из достоверных источников Президент СССР действительно тяжело болен. Премьер добавил, что в Крым выезжали Бакланов, Шенин, Болдин, Плеханов, которые «...в течение короткого периода времени общались с Горбачевым М.С., принимавшим их лежа в постели. Президент СССР находился в тяжелом состоянии, и по поведению, высказанным словам было видно, что он не в состоянии адекватно воспринимать внешний мир. Р.М.Горбачева также находилась в крайне тяжелом состоянии. Официального заключения о состоянии здоровья еще не было, но врачи сказали о том, что в настоящее время М.С.Горбачев недееспособен, и потребовали сократить время визита до минимума».

Потерпев неудачу в противоборстве с президентом, заговорщики сникли. «Хрущевский вариант» не прошел, и этим объясняется их нерешительность на последующих стадиях. Другим сильнейшим ударом по их замыслам стало твердое противодействие Президента и Верховного Совета России, многих генералов и офицеров, московских и санкт-петербургских властей, видных общественных деятелей, народных депутатов, москвичей.

Вслед за первым поражением в Форосе гэкачеписты потерпели поражение в Москве, и это предопределило провал переворота. Правы аналитики, усмотревшие в этом и более глубокие причины: общество в большинстве своем

уже не хотело возвращения к прежним порядкам, созданные в результате перестройки демократические институты, несмотря на свою хрупкость, выдержали испытание, устояли.

Не могу не отреагировать на спекулятивные утверждения, будто я чуть ли не добровольно «отсиживался в теплом местечке», когда в стране разворачивались драматические события.

В следственных материалах по делу ГКЧП перечисляются меры, принятые заговорщиками в целях полной изоляции президента: полностью отключена связь всех видов; заблокирована вся территория — для чего представителю ГКЧП Генералову дополнительно были подчинены 79-й пограничный отряд и 5-я отдельная бригада пограничных сторожевых кораблей; взяты под арест и круглосуточную охрану автоматчиков все транспортные средства; самолет «Ту-134» и вертолет, находившиеся в распоряжении президента в Бельбеке, угнаны; на вертолетной площадке на территории дачи поставлены транспортные средства и пост охраны; то же самое сделано при въездах на дачу; отключена связь службы охраны на территории дачи с подразделениями погранвойск, несущих ее внешнюю охрану! Никто не смог пробиться на дачу и выбраться из нее.

Три дня заточения были для меня самым тяжелым испытанием в жизни, имели серьезные последствия для близких.

Из дневника Раисы Максимовны

Чтобы дать возможность читателю лучше понять наше состояние в дни полной изоляции, позволю себе привести выдержки из дневника Раисы Максимовны, которые были опубликованы 20 декабря 1991 года в «Комсомольской правде».

«18 августа, воскресенье»

Где-то около пяти часов ко мне в комнату вдруг стремительно вошел Михаил Сергеевич. Взволнован. «Произошло что-то тяжкое, — говорит. — Может быть, страшное. Медведев сейчас доложил, что из Москвы прибыли Бакланов, Болдин, Шенин, Варенников». — «Кто он, последний?» —

спрашиваю. «Генерал, заместитель Язова... Требуют встречи со мной. Они уже на территории дачи, около дома. Но я никого не приглашал! Попытался узнать, в чем дело. Все телефоны отключены. Ты понимаешь?! Вся телефонная связь — правительственная, городская, внутренняя, даже красный «Казбек» — вся отключена! Это изоляция! Значит, заговор? Арест?»

Потом: «Ни на какие авантюры, ни на какие сделки я не пойду. Не поддамся ни на какие угрозы, шантаж». Помолчал. Добавил: «Но нам все это может обойтись дорого. Всем, всей семье. Мы должны быть готовы ко всему...»

Позвали детей. Я зачем-то попросила чай. Галина Африкановна — повар — принесла. Пить его, естественно, никто не стал. Рассказали Ирине и Анатолию о случившемся. От них узнали, что несколько минут назад в доме замолчало радио и перестал работать телевизор. У центральной входной двери, неизвестно откуда появившийся, стоит Плеханов. Спросил: «Где Михаил Сергеевич? К нему товарищи». Анатолий ответил: «Не знаю. Видимо, у себя».

Дети и я поддержали Михаила Сергеевича, его решение. Наше мнение было единым: «Мы будем с тобой».

Встреча Михаила Сергеевича с приехавшими проходила в его кабинете. Все это время Анатолий, Ирина и я находились рядом, около дверей кабинета. Вдруг арест? Уведут...

...Вышли «визитеры» из кабинета где-то часов в 18 без Михаила Сергеевича, сами. Варенников прошел мимо, не обратив на нас внимания. Болдин остановился в отдалении. Подошли ко мне (я сидела, ребята стояли рядом) Бакланов и Шенин. Сказали: «Здравствуйте». Бакланов протянул руку. Я на приветствие не ответила, руки не подала. Спросила: «С чем приехали? Что происходит?» Услышала одну фразу, произнесенную Баклановым: «Вынужденные обстоятельства». Повернулись и вместе, втроем, ушли.

Из кабинета вышел Михаил Сергеевич. В руках держал листок, подал его мне. Сказал: «Подтвердилось худшее. Создан комитет по чрезвычайному положению. Мне предъявили требование: подписать Указ о введении чрезвычайного положения в стране, передать полномочия Янаеву. Когда я

отверг, предложили подать в отставку. Я потребовал срочно созвать Верховный Совет СССР или Съезд народных депутатов. Там и решить вопрос о необходимости чрезвычайного положения и о моем президентстве».

«Сказали, что арестован или будет арестован, так я и не понял, Ельцин...»

«Здесь, на листочке, фамилии членов комитета...»

Был возмущен не только ультиматумом прибывших, но и их бесцеремонностью и нахальством.

При встрече с А.Черняевым сказал, что назвал их «самоубийцами» и «убийцами»: «Страна в тяжелейшем положении... Мир отвернется... Блокада экономическая и политическая... Это будет трагическим концом».

Отбыл с «делегацией» и Медведев — начальник личной охраны Михаила Сергеевича. Уехал или увезли? Сведения у офицеров охраны противоречивые. Главное — не выразил никакого протеста, не зашел к президенту, сел в машину и уехал. Только кого-то попросил собрать его вещи и переслать в Москву... Сказали еще, будто бы Плеханов написал приказ о его отстранении.

С дачи после работы никого не выпустили. Все, кто оказался сегодня здесь, оставлены: А.С.Черняев — помощник президента, Ольга Васильевна Панина — стенографистка, референт секретариата; медики, обслуживающий персонал. Все — в том числе из местного обслуживающего персонала — женщины, у которых дома семьи. Опечатали все машины. Сказали, самолет, на котором Михаил Сергеевич завтра должен был лететь в Москву, отправлен назад.

Пытаемся что-то услышать, уловить с помощью маленького карманного транзистора «Сони». Какое счастье, что он оказался с нами! По утрам, бреясь, Михаил Сергеевич обычно по нему слушал «Маяк». Взял его с собой в Крым. Стационарный приемник, имеющийся здесь, в резиденции, ни на одном диапазоне не дает приема. Маленький «Сони» работает. Но никаких особых сообщений нет. Все как обычно...

Договорились: Анатолий будет прятать транзистор. И никто не должен знать, что он у нас есть. Никто. Я буду делать более подробные записи.

Не сплю... Мучает горечь от предательства людей, работавших рядом с

Михаилом Сергеевичем.

Днем по телефону Янаев спрашивал у Михаила Сергеевича, когда завтра он прилетает в Москву. Выяснял точное время прилета 19-го. Он, мол, будет встречать президента в аэропорту.

По ассоциации в сознании всплывают кадры недавно виденной кинохроники: празднуется 70-летие Хрущева. Георгиевский зал заставлен столами... Брежнев вручает награду... Сладкоречивые слова... Через несколько месяцев будут убирать Хрущева.

Что же происходит сейчас в стране, в Москве? В подмосковной резиденции президента?

А люди, которые здесь с нами... Кто из них и что будет делать в этой обстановке?

Олег Анатольевич — прикрепленный, Плеханов оставил его старшим в личной охране президента — сказал: «Михаил Сергеевич, мы с вами». Но будет ли охрана до конца защищать нас или выполнит все-таки указание своего руководства?

...На что пойдут предатели? Стал опасен Михаил Сергеевич им сегодня или всегда был опасен? В последние годы несколько человек сообщили о фабриковавшихся в 1983—1984 годах в следственных органах документах с целью обвинить Михаила Сергеевича во взятках. В приемную ЦК КПСС были переданы документы, из которых видно, что следователи требовали от подследственных давать ложные показания. Делалось это, несомненно, по приказу людей «самого высокого ранга в стране».

...Тревога за мужа, за судьбы детей, внуков терзает душу.

19 августа, понедельник

Около 7 часов утра Анатолий и Ирина по транзистору (волна не «Маяка», кажется, «Всемирной службы новостей» или Би-би-си) уловили сообщение: создан Государственный комитет по чрезвычайному положению, в отдельных регионах страны введено чрезвычайное положение. Передают призыв комитета к соотечественникам, обращение к государствам мира, содержание указа о

выделении 15 соток земли на каждого человека... И «в связи с болезнью Президента СССР и невозможностью выполнять им свои функции, его полномочия берет на себя вице-президент Янаев». Значит, все документы были уже готовы...

Ранним утром, где-то около пяти часов, сказал Анатолий, к нашей бухте подошло несколько больших военных кораблей. «Сторожевики» необычно приблизились к берегу, постояли минут пятьдесят, а затем отошли, отделились. Что это? Угроза? Изоляция с моря?

Почты нет, газет нет. Передали: «И не будет». Офицер фельдсвязи задержан со вчерашнего дня здесь, на территории. Радио молчит, телевизор отключен. Анатолий пытается с ребятами из охраны сделать антенну для стационарного приемника. Борис Иванович — прикрепленный — нашел кусок проволоки. Однако ничего добиться так и не удается.

Через старшего по охране Михаил Сергеевич передает Генералову — для сообщения в Москву — требования: восстановить телефонную связь, доставить почту и газеты, включить телевизор, немедленно прислать самолет для возвращения в Москву, на работу.

На территории резиденции «новые лица», с автоматами.

Приходил А.Черняев. Разговаривать выходили на балкон, опасаясь прослушивания. Офицеры охраны не исключают такой возможности. Анатолий Сергеевич жалуется: у него нет самого необходимого с собой, даже набора для бритья. Все осталось там, в «Южном», — санатории, где располагался он и стенографист-референт Ольга Васильевна и секретарь его Тамара Алексеевна. Сюда, в служебный дом резиденции, они ежедневно приезжают работать. Сказал, что говорил с Генераловым. Требовал, чтобы его выпустили: «Я же — народный депутат СССР. И я — не интернированный. Почему меня здесь держат?»

Ходили по территории, к морю. Надо, чтобы все видели — и «наши», и те, кто наблюдает за нами со скал и моря, — что Михаил Сергеевич здоров, в нормальном состоянии.

Ксения и Настя не могут поделить зонт — кому его нести. Настёнка мне: «Бабуля, Ксюха мучает меня. Не дает ни играть, ни спать. Ее ничем не испугаешь! Надо было родить меня одну. Понимаешь?»

Борис Иванович, Игорь Анатольевич рассказывают о новостях, услышанных через старый приемник с приделанной самодельной антенной. Из-за рубежа передают: Ельцин не арестован. «А Генералов вчера, — говорит Борис Иванович, — сказал мне, что арестован на даче». В общем, сведения о происходящих событиях очень разные. Трудно понять... Передают, как будто арестован кто-то из российских депутатов.

У нас здесь, в резиденции, тоже новости: на вертолетной площадке поставили пожарную и поливальную машины. Перед въездом, поперек дороги, грузовые машины. Поставлены автоматчики: у гаража, на воротах, на вертолетной площадке. Все люди новые, незнакомые.

Олег Анатольевич и Борис Иванович заявили вновь: «Михаил Сергеевич, мы будем с вами. Будем до конца».

На море тишь: не видно ни прогулочных катеров, ни пассажирских судов, ни сухогрузов, ни барж... На «приколе», как всегда, один сторожевик. Обычно на его палубе видны люди. Они что-то делали, иногда купались, удили рыбу. Сейчас на палубе ни одного человека. Татьяна Георгиевна — медсестра — возмущается: «Надо же, «друзья», «сторонники» — предатели они. Ольга, как увидела Болдина — он же ее начальник, — говорит: быть беде, ужаснее этого человека нет в аппарате». «Пуго ведь отдыхал в санатории «Южный». Вчера уехал, должен был раньше. Говорят, будто бы у него и у жены было отравление». «Никого, Раиса Максимовна, не выпускают с территории. Никого. Видно, чтобы правду никто не узнал: Михаил Сергеевич здоров».

Мы с Михаилом Сергеевичем в его кабинете. Прибежали Анатолий и Ирина. Новости: заработал телевизор, идет музыкальная передача. На море появились дополнительные сторожевики. Держатся на удалении от берега, но в зоне видимости. Вести по транзистору, волна Би-би-си: Б.Ельцин выступил с осуждением заговорщиков. Призывает к противодействию новоявленной власти.

Н. Назарбаев по казахскому телевидению обратился к народу республики, призвал к спокойствию, выдержке, соблюдению порядка. О смещении Президента СССР — ни слова.

В 17.00 старший по охране доложил: с территории вывезли военных связистов.

В 17.30 Михаил Сергеевич пригласил А.Черняева. Сказал мне, что дал поручение немедленно вновь передать Янаеву его требования о восстановлении правительственной связи, предоставлении самолета для вылета в Москву. В случае отказа или молчания передать требование о встрече с советскими и иностранными журналистами.

После ухода Анатолия Сергеевича попросил меня записать Политическое заявление. Продиктовал:

1. Решение вице-президента о возложении на себя обязанностей президента страны под предлогом болезни Президента СССР и невозможности исполнения им своих функций является обманом, поскольку я нахожусь в нормальном состоянии, даже отдохнувшим, и собирался сегодня, 19 августа, отбыть для подписания Союзного договора и проведения Совета Федерации. Поэтому данное решение не может рассматриваться иначе как государственный переворот.

2. Все решения, принятые вице-президентом и Государственным комитетом по чрезвычайному положению (ГКЧП) на этом основании, — незаконны.

3. Эскалация мер, связанных с незаконным введением чрезвычайного положения, может обернуться дальнейшим большим обострением всей ситуации в стране, расколом, противоборством в обществе и непредсказуемыми последствиями.

4. Требую немедленно приостановить исполнение принятых решений, а товарищу Лукьянову как Председателю Верховного Совета срочно созвать Съезд народных депутатов СССР или Верховный Совет СССР для рассмотрения сложившейся ситуации в руководстве страны.

...Пресс-конференция членов ГКЧП по ТВ. Какое вероломство, какое беззаконие, какая гнусная ложь! Ясно, что пойдут на все: даже самое худшее. Солгать перед всем миром, заявив о недееспособности президента... Вопрос судьбы Михаила Сергеевича, нашей судьбы ими уже решен.

На ночь усилили наружную охрану дома. Теперь офицерам личной охраны президента придется практически работать круглосуточно.

Договорились — Михаил Сергеевич, дети и я — перейти на режим экономии продуктов питания, использовать только старые, имеющиеся в запасе, приобретенные до 17 августа. Собрали пакет с фруктами для детей. Ирина на всякий случай спрятала его на шкафу под кондиционером. Собрали все имеющиеся лично у нас лекарственные препараты, таблетки. Решили пользоваться только ими.

Ночь не спали...

(Нашей видеокамерой мы делали записи Обращения, Заявления Михаила Сергеевича к народу. Для того чтобы попытаться передать их «на волю», если же не удастся, спрятать, сохранить. Что бы с нами ни случилось — люди должны знать правду о судьбе президента. Нашли комнату, которая, на наш взгляд, не просматривалась ни с моря, ни со скал. Зашторились. Когда около 4 часов утра просматривали отснятые кадры, приглушив звук, внизу — на цокольном этаже — вдруг хлопнула дверь. Срочно все отключили. Анатолий с пленкой скрылся в другой комнате, Михаил Сергеевич и Ирина спустились вниз и проверили все двери. Все было закрыто. Михаил Сергеевич вышел на улицу. У двери стоял удвоенный пост. Пленку Ирина и Анатолий обрабатывали до шести утра. Просмотрели пленку через смотровое окошко камеры, маникюрными ножницами надрезали конец каждой из четырех записей. Разобрали кассету и разрезали пленку. Каждую запись перемотали на тонкий бумажный валик, запаковали скотчем, завернули в бумагу. Затем спрятали их в разные места дачи. Кассету собрали, чтобы не было видно, что ее кто-то разбирал.)⁴

20 августа, вторник

⁴ События этой ночи я записала 26 августа в Москве.

Почты, газет по-прежнему нет. Но «Сони» продолжает трудиться.

У входа в нашу бухту все время курсирует несколько охранных кораблей, «сторожевиков».

Михаил Сергеевич вновь передает в Москву свои требования: восстановить телефонную связь, дать газеты, немедленно прислать самолет для возвращения в Москву, на работу. Добавляет новое требование: сообщить по радио и телевидению о грубой дезинформации о состоянии его здоровья.

Пока, кроме заверений Генералова, что все требования передаются в Москву, других результатов нет. Михаил Сергеевич высказывает предупреждение: в случае невыполнения требований пойду на крайние меры.

Внешне стараемся вести себя обычно: выполняем назначения врача, выходим на территорию резиденции, к морю. Держимся все вместе — Михаил Сергеевич, Ирина, Анатолий, я и внушки: все может быть.

Морально поддерживаем друг друга. Не только мы — члены семьи, — а все, кто оказался здесь вместе с нами, по существу, тоже интернированными. Особенно беспокоюсь за женщин, чтобы они меньше волновались, держались. И конечно, чтобы ни о чем не догадывались внушки.

Старший по охране и врач высказывают тревогу в связи с питанием семьи: «продукты доставляют извне», «чужой машиной», «есть опасность». Значит, они ситуацию оценивают так же, как и мы. Принимаем теперь уже общее решение: жить на запасах, имеющихся у нас и в столовой охраны. Еще раз тщательно обговариваю все с поваром — Галиной Африкановной. Договорились также: пищу употребляем только в вареном виде.

Поговорила со старшим личной охраны, спросила: «Олег Анатольевич, можем ли мы передать «на волю» информацию, минуя Генералова?» (О чем конкретно идет речь, не сказала). Ответил: «Нет, не сможем. С моря мы блокированы полностью. На суше окружены, так что не проползешь...»

Со мной осталась только моя записная книжка.⁵

⁵ Дело в том, что в этот день пленки, письменное заключение врача — Игоря Анатольевича — о состоянии здоровья президента, политическое заявление Михаила Сергеевича,

Делаем попытку использовать одну реальную ситуацию: у Ольги Васильевны заболел оставленный дома, в Москве, маленький ребенок. Отец — инфарктник. Михаил Сергеевич поручил Черняеву поставить перед Генераловым категорически вопрос об отправлении Ольги Васильевны в Москву.

...Михаил Сергеевич и я обсуждаем обстановку. Почему молчат Лукьянов, Верховный Совет? Почему молчит Ивашко? А руководители республик? Ведь сегодня день подписания Союзного договора. Самое страшное предположение: неужели страна приняла ГКЧП?

По украинскому телевидению вчера выступал Кравчук. Призывал «к спокойствию, благоразумию, соблюдению законности, предотвращению конфронтации». О президенте ни слова...

Передают ли требования Михаила Сергеевича? Как все-таки протолкнуть нам информацию «на волю»?

С дачи так никого и не выпускают. Может быть, пойти на «прорыв»? Наша «боевая единица», по словам Олега Анатольевича, «не очень значительна», но все-таки достаточно вооружена...

Радио Запада передает сообщения: в Москве объявлено чрезвычайное положение; введены войска; Москва, Ленинград не поддерживают заговорщиков. Передается требование внести ясность о положении Горбачева — где он, в каком состоянии. Сообщают также о возможном прекращении экономической помощи СССР.

Новости у нас: кто-то пытался извне прорваться на территорию резиденции. Не удалось, не пустили... Генералов вдруг стал появляться в служебном доме, где находятся офицеры охраны. Двое суток он практически к ним не заходил... И главное — Генералов передал Борису Ивановичу ответ Янаева на требования Михаила Сергеевича: будут, мол, выполнены. Генералов при этом разъяснил, что «он все передает в Москву через Плеханова. Через него же получил и ответ».

продиктованное Черняеву и лично подписанное, распределили, раздали людям, кому мы полностью доверяем. Просили спрятать, хранить, а когда будет возможность, предать гласности. (Примечание автора.)

Старшие по охране опасаются нарастания активности на море. Олег Анатольевич не рекомендует вести вечером детей купаться и даже выпускать их на территорию дачи. Ксении и Анастасии сказали: «Ожидается сильный ветер — выходить нельзя. Будьте в помещении».

Ощущение: вот-вот что-то может произойти. Часть охраны ввели в дом. Игорь Анатольевич и Николай Феодосьевич — врачи, тоже будут в доме с нами. Ирина взяла к себе в постель Ксению и Настю. Анатолий лег спать рядом с ними на полу.

Три часа ночи.

21 августа, среда

Утренняя информация: в Москве столкновения. Есть жертвы — раненые и убитые. Неужели началось самое страшное...

Михаил Сергеевич требует немедленно передать Янаеву: прекратить использование войск, вернуть войска в казармы.

Около 10 часов утра в море на горизонте появилось две группы кораблей. У входа в бухту стоят три «сторожевика». Появившихся кораблей — пять. Это десантные корабли на воздушной подушке. Прямым курсом они шли к берегу, на нас. Но, не дойдя немного до «сторожевиков», резко изменили курс, повернули в сторону Севастополя, скрылись за мысом Сарыч. Что они демонстрируют? Блокаду? Возможность арестовать нас? Выручить? Не сомневаюсь, что они знают — президент жив, здоров.

Олег Анатольевич, Борис Иванович не советуют сегодня никому из семьи выходить из помещения. Опасаются, что может быть спровоцирована перестрелка, поставлена под угрозу жизнь президента.

В дом принесли старые, «позавчерашние» газеты.

Никаких официальных сообщений — ни по ТВ, ни по радио — о состоянии здоровья Михаила Сергеевича нет. Дикость: президент «болен, недееспособен» — и ничего не сообщается. В то же время телевидение информирует о самочувствии и здоровье премьер-министра Павлова.

...20.00. Я в постели. Мне лучше. Михаил Сергеевич в кабинете. Господи,

самое страшное, кажется, позади! Ирина и Анатолий, сменяя друг друга, уходят из комнаты и возвращаются обратно с ворохом новостей: папа разговаривает по телефону с Ельциным, Назарбаевым, Дементеем, Кравчуком, Каримовым, Панюковым, Моисеевым, Дзасоховым. Отказался говорить с Крючковым и Ивашко! Летит делегация российского парламента! Говорит по телефону с Бушем. Самолет делегации российского парламента будет принят в Бельбеке... В кабинете Черняев. На море впервые за трое суток появились баржи, гражданские суда... К даче ползли люди в маскхалатах. Охрана по рации передала: «Повернуть назад. Иначе будем стрелять». Повернули, поползли в противоположную сторону...

...Где-то около 15 часов дня Ирина и Анатолий по «Сони» услышали сообщение английской радиостанции Би-би-си: Крючков дал согласие на вылет в Крым, в Форос, группе лиц, «делегации», чтобы лично убедились, что Горбачев действительно тяжело болен и недееспособен.

Мы расценивали это как сигнал самого худшего. В ближайшие часы могут быть предприняты действия, чтобы гнусная ложь стала реальностью.

Михаил Сергеевич отдал приказ охране блокировать подъезды, вход в дом, без его разрешения никого не впускать; находиться в состоянии боевой готовности; в случае необходимости применить оружие.

Офицеры охраны с автоматами встали по лестнице дома и у входных дверей.

Детей, Ксению и Анастасию, заперли в одной из комнат. Попросили с ними быть Александру Григорьевну — сестру-хозяйку.

Меня охватило чувство надвигающейся опасности. «Что предпримут?» В голове билась одна мысль: нужно прятать Михаила Сергеевича. Где? Дача как на ладони. И вдруг, в одно мгновение, я ощутила, что немеет, обвисает рука и я не могу, никак не могу ничего сказать... В сознании мелькнуло: insult...

Слава Богу, все оказались рядом: моя семья, врачи — профессор Игорь Анатольевич Борисов и Николай Феодосьевич Покутний. Все были в доме. Меня уложили в постель, дали лекарства: гипертонический криз.

...Около 17 часов к нам постучал и быстро вошел в комнату Олег Анатольевич: «Михаил Сергеевич, на территорию прибыли машины — два «ЗИЛа» и «Волга». Приехали: Язов, Крючков, Бакланов, Ивашко, Лукьянов, Плеханов. Просят о встрече с вами». Добавил: «Что у них за планы? Зачем приехали?» Михаил Сергеевич: «Взять под стражу. Передать требование — принимать никого не буду до тех пор, пока не будет включена правительственная связь».

Через несколько минут Олег вернулся с ответом: «Это слишком долго, говорят. Включение связи займет не менее 30 минут. Приехавшие просят о встрече сейчас». Михаил Сергеевич: «Подождут. Никаких переговоров вести не буду, пока не включат всю связь».

...В 17.45 связь была включена. Через 73 часа. Изоляция кончилась! Арест тоже!

Вошла Иринка: «В дом пытались пройти Плеханов и Ивашко. Остановил у входа Борис Иванович: «Приказ — никого не впускать. Будем стрелять!» Плеханов сказал: «Я так и знал... эти будут стрелять». Развернулись и ушли назад. Папа продолжает говорить по телефону».

Зашел Михаил Сергеевич. Спросил, как я себя чувствую. Сказал, что не стал разговаривать (несмотря на неоднократные попытки с их стороны) ни с кем из заговорщиков. Сразу переговорил с Борисом Николаевичем Ельциным: «Михаил Сергеевич, дорогой, вы живы? Мы 48 часов стоим насмерть!» Переговорил с другими руководителями республик. Джордж Буш и Барбара передали мне привет, сказали, что три дня молились за нас. Показал записку, подписанную Лукьяновым и Ивашко: «Уважаемый Михаил Сергеевич! Большая просьба по возможности принять нас сейчас. У нас есть что доложить вам». Сказал: «Вообще я не буду принимать Крючкова, Бакланова, Язова. Не о чем мне теперь с ними говорить. Лукьянов и Ивашко... Может быть, приму — потом. Жду российскую делегацию».

...Прибыла делегация. Руцкой, Силаев, Бакатин, Примаков, Столяров, Федоров, депутаты, пресса. Все в доме. Снизу, с первого этажа, доносятся

радостные, возбужденные голоса...

Попросила Ирину, чтобы ко мне пришли женщины, кто в эти дни был здесь, в доме с нами. Мы обнялись, всплакнули. Я поблагодарила их за все, что они сделали для нас и что разделили с нами.

Вошел Анатолий: «Михаил Сергеевич дал команду — собираться. Улетаем. Вещи пусть остаются. Их упакуют и отправят следующим рейсом, на котором вылетят все «наши москвичи».

Провал заговора

Как видно из дневника, три августовских дня были пережиты нами на пределе человеческих возможностей. Но я сохранил равновесие духа и действовал. Услышав с пресс-конференции, что заговорщики делают ставку на «болезнь и недееспособность Горбачева», я стал ходить на прогулки, чтобы моряки на сторожевых кораблях, офицеры охраны, да и все, кто мог наблюдать за дачей, видели, что здоров.

Потребовал немедленно прислать самолет для отъезда в Москву, включить связь. Записал на пленку свое заявление, о чем рассказано в дневнике Раисы Максимовны.

На этот счет, кстати, тоже приходилось слышать иронические замечания. А ведь я обязан был учитывать возможность худшего. Если бы президента не стало, эта запись становилась важным политическим документом. Хорошо, что все так быстро завершилось. Но ведь по-разному могло обернуться. Никуда не денешься от того, что по проведенным позднее опросам около 40 процентов все-таки сочувствовали гэкачепистам. И руководители республик, за исключением России, брали тайм-аут для раздумий, колебались. Кроме, может быть, Акаева. Да и со стороны руководства многих зарубежных государств реакция была неоднозначной, во всяком случае, выжидательной. Путч потерпел поражение, но, случись это годом раньше, не исключаю, исход мог быть иным. Вот, пожалуй, самый убедительный аргумент в пользу политики, которой я придерживался.

Внимательно слушая радиоголоса, я уже 20 августа почувствовал, что ситуация складывается не в пользу путчистов. Это нашло подтверждение со

срочным прилетом главарей заговора: Крючкова, Язо-ва, Лукьянова. В одном самолете с ними прибыл Ивашко.

Не думаю, что они ехали повиниться. Это была еще одна отчаянная попытка нажать на меня, перетянуть на свою сторону. Ведь иначе зачем надо было подтягивать к аэропорту, Бельбек новые подкрепления морской пехоты, давать команду открывать огонь по всем самолетам, которые пойдут на несанкционированную посадку. Имелась в виду, разумеется, возможность прилета представителей российского руководства.

Прибывшие сразу потребовали встречи. Я велел охране, уже зная, что они едут, занять позиции в доме и около него, быть готовыми открыть огонь, если будут предприниматься попытки войти на дачу без моего разрешения. Такая попытка была со стороны Лукьянова и Ивашко, которые говорили охране, что они не имеют ничего общего с путчистами, и повторяли это мне, когда я в конце концов все-таки их принял.

Я выдвинул требования: никаких бесед, пока не будет включена связь. Переговорил по телефону с Ельциным, Назарбаевым, Дементеем, другими руководителями республик.

Связался с Бушем. Начал отдавать распоряжения. Прежде всего отстранил Язова от должности, возложил обязанности министра обороны на Моисеева и обязал его обеспечить посадку в Бельбеке самолета, которым летели Руцкой и другие товарищи. Дал указание начальнику правительственной связи отключить все телефоны у членов ГКЧП. Коменданту Кремля — взять под охрану Кремль и изолировать всех оставшихся там путчистов.

Прибыла российская делегация. Тогда-то я по-настоящему понял, что теперь свободен.

С Лукьяновым и Ивашко я беседовал в присутствии Бакатина и Примакова, сказал им, что они — те два человека, которые могли сорвать путч или, во всяком случае, обнажить его преступный характер. Один — Председатель Верховного Совета, который знал, что версия о болезни Горбачева — ложь, а действовал в расчете на то, что плоды заговора упадут в его

«корзину», уже видел себя президентом и ради этого пошел на предательство, государственный переворот.

Что до Ивашко, он мог от имени руководства партии решительно отмежеваться от действий путчистов и потребовать немедленной встречи с Генеральным секретарем ЦК КПСС. Этого не было сделано. Напротив, от Секретариата пошла команда местным парторганам поддержать переворот.

Как рассказал мне позднее Шахназаров, прилетев в Москву 20 августа, он тотчас связался с членом Политбюро, секретарем ЦК Александром Дзасоховым и сказал ему, что, если руководство не хочет окончательно погубить партию, необходимо срочно выступить с осуждением путча и потребовать освобождения генсека. Дзасохов взялся за это и вечером того же дня сообщил, что удалось собрать часть членов Политбюро в больнице у Ивашко; согласились заявить о необходимости встречи с Генеральным секретарем, но отказались выступить против ГКЧП.

С Язовым и Крючковым я решил не встречаться.

По возвращении из Фороса они и другие гэкачеписты были задержаны, начались допросы. Меня знакомили с первыми их показаниями: они признавали, что пошли на преступление, хотя каждый старался преуменьшить свою вину, выгородить себя.

Тогда я получил письмо от Крючкова, написанное от руки, — всего одна страница, три абзаца. Приведу последний без изъятий (кстати, ксерокопия находится в деле о ГКЧП):

«Уважаемый Михаил Сергеевич! Надо ли нас держать в тюрьме: одним под семьдесят, у других со здоровьем. Нужен ли такой масштабный процесс? Кстати, можно было бы подумать об иной мере пресечения. Например, строгий домашний арест. Вообще-то мне очень стыдно! Вчера прослушал часть (удалось) Вашего интервью о нас. Заслужили или нет (по совокупности), но убивает. К сожалению, заслужили.

По-прежнему с глубоким человеческим уважением.

22.8.91.

В. Крючков»

Позволю себе для полноты рассказа о возвращении в Москву еще раз прибегнуть к дневнику Раисы Максимовны.

«22 августа, четверг»

Форосскую резиденцию покинули в 11 часов ночи 21 августа.

Перед глазами последнее впечатление: возбужденные, взволнованные лица «спасателей» и «затворников», как метко заметил кто-то, «новых советских зеков». Но теперь, к счастью, уже бывших.

...Вылетели с аэродрома в Бельбеке, на самолете А.В.Руцкого. Расположили нас в отдельном, маленьком салоне. Михаил Сергеевич пригласил Руцкого, Бакатина, Силаева, Примакова, Черняева, Борисова, Климова, Голенцова.

Настёнка заснула на боковом сиденье около Ирины. Ксенечка, свернувшись, — на полу. Но, как говорят, в тесноте, да не в обиде. Главное, все вместе.

...В этом же самолете летит Крючков, сидит в отдельном отсеке.

...Вели разговор, обсуждали все, что произошло за эти дни в Москве, стране, в крымской резиденции президента, что пережили, как пережили. Говорили о нашем времени, о людях в нем. Александр Владимирович рассказывал о защитниках Белого дома: как за два часа обучил людей держать цепь; об офицерах охраны, прилетевших с ним спасать президента. Ни один из них не отказался, не остался в Московском аэропорту, хотя знал о возможности трагического исхода полета. Вадим Викторович и Евгений Максимович рассказали, как они готовили текст заявления, с которым выступили 20 августа. Показали текст, я оставила его у себя: «Считаем антиконституционным введение чрезвычайного положения и передачу власти в стране группе лиц. По имеющимся у нас данным, Президент СССР М.С.Горбачев здоров. Ответственность, лежащая на нас, как на членах Совета безопасности, обязывает потребовать незамедлительно вывести с улиц городов бронетехнику, сделать все, чтобы не допустить кровопролития. Мы также требуем гарантировать личную

безопасность М.С.Горбачева, дать возможность ему незамедлительно выступить публично». Заявление это отказался подписать член Совета безопасности, министр иностранных дел СССР А.А.Бессмертных.

Приземлился самолет в Москве в 2 часа ночи, во Внуково II. В аэропорту много встречающих. Плотным кольцом окружили Михаила Сергеевича. Ирина и я с детьми сразу садимся в машины. Меня бросает в дрожь. Не могу совладать с собой.

...Москва прощается с Владимиром Усовым, Дмитрием Комарем, Ильей Кричевским. Сотни тысяч москвичей в похоронной процессии. Верю, их скорбь и боль разделяют миллионы.

26 августа, понедельник

...Вновь и вновь переживаю случившееся. В сознании одна за другой всплывают детали, на которые раньше как-то не обратила внимание я.

Перед отъездом Плеханова из Фороса (он вместе с нами прилетел туда 4 августа, побыл дня два-три и улетел в Москву) в беседе на вопрос Михаила Сергеевича: «Как обстановка в Крыму?» — ответил: «В общем, ничего. Но мы немного усилили охрану на море, добавили группу аквалангистов». Было это действительно вызвано необходимостью охраны президента? Или уже реализацией определенного плана по его изоляции?

В той же беседе Плеханов настоятельно просил отпуск для Медведева. Хотя, на взгляд Михаила Сергеевича, никаких объективных причин для этого не было.

13 и 14 августа Анатолий заметил, что на смену стоявшему обычно у входа в бухту «сторожевику» № 026 пришел другой, иного типа «сторожевик». Это был большой корабль, который раньше можно было видеть только в бинокль на линии горизонта.

Каждый день, утром, Анатолий встречался с Медведевым на теннисном корте. 18 августа, когда расходились, Анатолий спросил: «Владимир Тимофеевич, завтра будем играть?» (19-го намечался отлет Михаила Сергеевича в Москву, и Анатолий решил уточнить.) Медведев ответил: «Вообще не знаю... У

Михаила Сергеевича ведь радикулит». Анатолия это удивило, и за завтраком он спросил у нас: «Вы поменяли день отлета в Москву? Перенесли на 20-е?»

Когда 15 августа Михаилу Сергеевичу срочно понадобилась дополнительная медицинская помощь, доктор Лиев, который должен был ее оказать, прилетел только через двое суток. Причины задержки до сих пор не ясны.

27 августа, вторник

...Путч провалился. Демократы празднуют победу, говорят о консолидации сил, о свободе, обновлении общества, воплощении в жизнь долгожданных реформ.

Но что происходит с нами сегодня? Идет обострение национальных, экономических проблем, общество все больше раскалывается. Разносят не только «путчистов», но и «коммунистов», «кагэбистов», «партократов» и им сочувствующих. Идет яростная борьба за захват «власти», «сфер влияния», «имущества». Разрываются веками сложившиеся в стране связи, традиции. Разрушается... государство.

Заметались вечно холуйствующие в поисках нового «хозяина», «покровителя» люди без стыда и морали.

В средствах массовой информации одна за другой печатаются статьи о необходимости «хорошего диктатора», «хорошей диктатуры». Под сомнение ставится позиция президента страны. Кое-кто не останавливается и перед открытой клеветой, ложью».

Судьба партии: кто кого предал

Продолжу свой рассказ. Я вернулся в Москву в 2 часа ночи 22-го. Самолет приземлился во Внукове, нас сердечно встретили. Мы с Раисой Максимовной и Ксенией сели в один автомобиль, Ирина, Анатолий и Настёна — в другой. И тут дало о себе знать напряжение, копившееся все эти дни. Мужественно держалась в Форосе Ирина, а потом с ней произошел тяжелый нервный срыв. Жаль было старшую внучку, которая уже многое понимала. Раиса Максимовна два года болела: последствия Фороса и послефоросских событий в стране.

23 августа я отправился в Кремль. По пути в кабинет сказал корреспондентам фразу, которую потом так часто цитировали и по-разному толковали: «Я приехал из Фороса в другую страну и сам уже не тот, кем был, другой человек». Это было первое спонтанное впечатление от происшедшего. Тогда я еще не мог осознать всего масштаба совершившейся трагедии.

Очень многое ведь оставалось мне неизвестно, и было просто невозможно сразу переварить всю обрушившуюся на меня информацию. Рабочие дни проходили в бесконечных совещаниях, работе над документами, принятии неотложных решений. А поздно вечером я увозил домой несколько тяжелых портфелей, до утра читал докладные записки, депеши послов, сводки телеграфных агентств. Постепенно складывалась цельная картина событий.

Я узнал, что некоторые из тех, кого в первый день после возвращения в Москву утвердил в должностях (в частности, Моисеева и Бессмертных), готовы были служить «и нашим, и вашим». Пришлось пересматривать принятые еще вчера решения. Кое-кто поспешил высказать суждение, что Горбачев утратил волю, мечется, не знает, что делать. Нет, допущенные промахи объяснялись незнанием всей суммы фактов. Много же ведь открылось лишь через месяцы, а кое-что и сейчас не до конца выяснено. Остается надеяться, что «все тайное станет явным».

Узнал я и о позорной позиции большинства Секретариата ЦК, многих партийных органов на местах, поддержавших ГКЧП. Сразу хочу сказать, что в этой сложнейшей ситуации зрелыми политиками и честными людьми проявили себя секретари ЦК Галина Семенова, Андрей Гиренко, Егор Строев. Не выдержал испытания ЦК как орган коллективного руководства, по сути, солидаризировался с ГКЧП, хотя многие члены ЦК выступили с осуждением путча. Сложили с себя обязанности члены Политбюро Назарбаев, Каримов, ряд руководителей компартий республик вышли из состава ЦК.

Уже в сентябре в печати стали появляться публикации, авторы которых высказывали подозрение, а то и прямо утверждали, будто я был в «сговоре» с путчистами либо, по другой версии, не захотел подписывать их декларацию, но

обещал, так сказать, «примкнуть» к ГКЧП в случае, если все пройдет гладко. Обе версии, разумеется, лживы. Союзный договор, преобразование страны в жизнеспособную демократическую федерацию, так же как и общий замысел перестройки, глубокие реформы, новое мышление в международной политике, стали в полном смысле этого слова делом моей жизни, вышли на путь реализации. И самому поднять на это руку?!

Политическая слепота, ограниченность взглядов, продиктованные корыстными интересами, привели ГКЧП к действиям, о которых сепаратисты, крайние радикалы только и мечтали. Они получили самый убийственный аргумент в пользу дезинтеграции Союза. Гэкачеписты столкнули камень, повлекший селевой поток.

Я человек не мстительный и не сторонник того, чтобы этих людей, в большинстве своем пожилых, нездоровых, обрекли на физические лишения. Судебный процесс, который намеренно затягивался, был прерван со ссылкой на амнистию и прекращен военной коллегией Верховного Суда России в феврале 1994 года. Но история все равно вынесет заговорщикам суровый обвинительный приговор. Даже если согласиться с тем, что у обвиняемых на первом месте стояло не стремление сохранить свои посты, что ими руководили не шкурные, личные и групповые интересы, а забота об Отечестве, последствия предпринятой ими авантюры оказались катастрофическими.

Невольно приходит на ум такое сравнение. Убийством царя Александра II народовольцы, по общему признанию, загубили начавшиеся реформы, на десятилетия задержали общественное развитие России. Возможно, именно этим предопределили неизбежность революционного, кровавого и насильственного пути осуществления назревших преобразований. А организаторы августовского заговора сорвали обозначившуюся возможность сохранить Союз путем его преобразования в Федерацию, и КПСС — путем ее реформирования в политическую партию левых сил.

На этом следует остановиться особо. Сразу после возвращения в Москву пришлось заняться рядом неотложных дел, в первую очередь, разумеется,

кадровыми перемещениями. Нельзя было оставлять на ответственных постах людей, прямо или косвенно связанных с ГКЧП. Но несравненно более важной, затрагивающей судьбы миллионов, была проблема КПСС.

Я обсуждал ее в кругу своих советников и помощников — Яковлева, Медведева, Примакова, Черняева, Шахназарова, Ревенко, Кудрявцева, встречался с некоторыми членами партийного руководства. В результате мучительных раздумий родились известные решения: сложение с себя обязанностей Генерального секретаря ЦК КПСС и рекомендация Центральному Комитету самораспуститься, предоставив партийным организациям самостоятельно решить вопрос своей дальнейшей деятельности.

По этому поводу мне пришлось выслушать немало упреков со стороны своих бывших товарищей по партии. Некоторые из них, осуждая путч, не могли согласиться с тем, что была необходимость именно таких шагов в отношении КПСС. Вновь и вновь возвращаясь мысленно к этим вопросам, я все-таки считаю, что здесь не было допущено ошибки. Прежде всего беспочвенны обвинения в предательстве и сетования, что я-де «бросил партию». Как я уже говорил, все осуществленные в русле перестройки преобразования нашли официальное одобрение в решениях съездов КПСС и пленумов ЦК. Я до конца, в последнее время даже в ущерб своему положению президента страны, оставался на посту генсека. Если кто кого предал, то не я партию, а ее руководство и большая часть партноменклатуры — своего лидера.

Что касается «ропуска» КПСС, то, повторяю, я лишь заявил, что в сложившихся после путча экстремальных условиях партийные организации сами должны определиться. Более того, когда через несколько дней на Верховном Совете России Ельцин демонстративно стал подписывать Указ о запрете КПСС, я пытался остановить его, считая, что эта акция может вызвать волну антикоммунистической истерии, что было бы и несправедливо, и опасно. После чего был чуть ли не освистан в Верховном Совете нетерпимыми радикалами, которых не без основания называют необольшевиками. Один из них заявил от микрофона в истерическом тоне, что всех коммунистов надо «метлой из страны

убрать». Тогда я сказал слова, от которых и сейчас не отказываюсь.

— До подобных предложений даже больной мозг Сталина не додумался, недобрые призывы свидетельствуют, что у вас «крыша поехала». Вы что, собираетесь выгнать из страны 18 миллионов коммунистов, а с семьями — 50—70 миллионов человек? Если называете себя демократами, так будьте на деле ими.

Эти слова пресса замолчала.

Встреча в Верховном Совете России была заснята. Те, кто увидел ту телепередачу, многое поняли. Ельцин все делал на этой встрече с садистским наслаждением. А еще мне показалось, что не меньшее наслаждение испытали и некоторые мои соратники, сидевшие в зале; не проронил ни слова Александр Яковлев.

После встречи мы с Ельциным поднялись в его кабинет. Почувствовав, что перебрал, он хотел смягчить обстановку рассуждениями о том, что надо их, депутатов, понять — им пришлось такое выдержать! И добавил:

— Я ничего не буду вам говорить. Вы сами запросите информацию и узнаете, кто как вел себя 19 и 20 августа. В том числе те, к кому вы испытываете особые чувства. Мы были одни, практически все выжидали.

Мои опасения по поводу позиции российских властей в отношении коммунистов были не напрасными. Запрет партии пагубно отразился на миллионах ни в чем не повинных ее членов. Кстати, в большинстве своем поддерживавших перестройку, проводимые реформы. И уж категорически не могу согласиться с попытками очернить всю историю партии, изобразить злодеем ее основателя, отказать КПСС в каких-либо заслугах перед Родиной. Раздуть шум вокруг мнимых миллиардов долларов, вывезенных в зарубежные банки, помощи иностранным партиям и т.д. Недостойные все это были кампании, и хорошо, что Конституционный суд в конечном счете своим взвешенным решением не дал развернуться очередной «охоте на ведьм».

Надо видеть случившееся и в более широкой исторической перспективе. Распад КПСС на определенном этапе был неизбежен, потому что она включала в

себя представителей различных идейно-политических течений. Я был за то, чтобы сделать это демократическим путем — провести в ноябре съезд, на котором по-доброму размежеваться. Принятый мной и моими единомышленниками вариант программы, по данным некоторых опросов, поддерживали около 1/3 членов партии. Остальные разошлись бы кто куда: к Нине Андреевой и Анпилову, к Бузгалину и Косолапову, Зюганову, Р.Медведеву и Денисову, Липицкому и Руцкому. А немалая часть, видимо-, присоединилась бы к Демократической России, к Демократической партии Травкина, христианским демократам. Это в конечном счете и произошло. Поэтому лишены смысла бурные сожаления о распаде КПСС. Она свою историческую роль отыграла и должна была уйти со сцены. Формируются новые левые партии, в том числе коммунистической направленности.

Но то, что все это произошло в крайне болезненной, даже скандальной форме, нанесло огромный нравственный ущерб миллионам членов партии — целиком на совести путчистов и тех, кто оказал им поддержку. Прежде всего — консервативного крыла РКП. Именно они нанесли самый тяжелый удар по партии, скомпрометировали ее, использовали как главный инструмент реализации своих планов, лишили тем самым последнего шанса на реформирование. И при этом всячески пытаются обелить себя, искажая те или иные моменты в ходе событий.

Не беру на себя задачу обличать — пусть окончательный приговор вынесут историки. Но об одном человеке, бывшем моем университетском товарище, кого я выдвинул на второй по значению пост в государстве и кто сыграл ключевую роль в заговоре, о Лукьянове, не умолчу.

Я уже цитировал записку Щербакова, из которой ясно, что все было согласовано с Лукьяновым.

Но допустим на минуту, что Лукьянов действительно ни о чем не ведал и был введен заговорщиками в заблуждение — так он оправдывался передо мной в Форосе. Тогда почему не созвал, как был обязан в подобных обстоятельствах, Верховный Совет СССР? Ведь сделай он это, все встало бы на свои места. Он не

сделал, потому что как опытный игрок просчитал: за неделю — а эта отсрочка в принципе не противоречит регламенту — все прояснится. Либо заговор увенчается успехом — и он на коне. Либо провал — и тогда ему удастся увильнуть. Играл, как говорится, на двое ворот. Но просчитался.

Самое удивительное, сейчас Лукьянов утверждает, что никакого путча не было и в помине, не только не отмежевывается от действий гэкачепистов, но вместе с ними присутствует на собраниях, митингах, идет в рядах демонстрантов; заседа в Госдуме, продолжает свою игру.

Вот что он говорил 22 августа 1991 года на заседании Президиума Верховного Совета СССР, где председательствовал Нишанов и присутствовали председатели комитетов, большая группа депутатов: «Мы отставали от событий. Надо было и в личном плане гораздо резче реагировать на все, возможно, обратиться непосредственно к народу уже не 21-го, а 20-го, скажем. Тем более такое постановление было подготовлено. Тут вина прежде всего, может быть, и моя, но, видит Бог, была такая загрузка, которая позволила за все три дня, если и спать три часа, то хорошо. Правда, сегодня стали раздаваться уже такие критические заявления, в которых Президиум Верховного Совета СССР обвиняется в пособничестве путчистам (подчеркнуто мною. — Автор), а я, его председатель, — в идейном вдохновении переворота. Скажу сразу и твердо, что это не соответствует действительности ни в малейшей мере».

И еще. «Сама эта авантюра является заговором обреченных и совершенно незаконным актом... Я неизменно доказывал незаконность путчистских действий». Это говорил Лукьянов в беседе с Руцким, Хасбулатовым, Силаевым, что впоследствии зафиксировано в Указе Президента России от 20 августа: «Проведенные 20 августа 1991 года переговоры руководителей РСФСР с Председателем Верховного Совета СССР Лукьяновым, по существу так называемого Государственного комитета по чрезвычайному положению СССР, подтверждают антиконституционность образования и действий этого комитета».

Итак, тогда Лукьянов признавал, что был путч, и лишь категорически отрицал, что сам ему способствовал. А сегодня, если ему верить, это было

патриотическое выступление, чуть ли не вторая Октябрьская революция.

Здесь уместна еще одна ссылка на письмо Щербакова в Верховный Совет СССР:

«События 21.08.

В присутствии т.Величко В.М. (в 13 — 13.20) я связался с т.Лукияновым и попросил подтвердить лично достоверность информации, переданной по радио России, и содержащиеся в выступлении Ельцина по радио сведения о том, что Лукьянов признал неконституционными действия вице-президента СССР Янаева и неправомерными — решения ГКЧП.

Тов. Лукьянов сказал, что заявлений подобного рода он не делал. Я спросил, какова может быть его реакция, если президиум КМ СССР примет подготовленное мной (и предварительно обсужденное с т.Величко) заявление — изложил ему основные положения этого заявления. Тов. Лукьянов в принципиальном плане поддержал это, но отметил, что по закону мы не имеем права не подчиняться решениям вице-президента СССР Янаева, особенно в сложившейся обстановке, и предложил в каком-нибудь месте заявить эту позицию в том духе, что КМ СССР подчиняется ВС СССР и вице-президенту (а не и. о. Президента СССР) Янаеву. После чего он проинформировал, что в ближайшие часы вместе с Язовым и Крючковым вылетает в Крым для разговора с Президентом СССР М.С. Горбачевым».

Все, чем я располагаю, мои знания о депутатах Верховного Совета СССР позволяют мне утверждать — соберись высший законодательный орган в самом начале авантюры, он, несомненно, занял бы позицию в защиту конституционного строя, решительного осуждения гэка-чепистов. Да, четкой законодательной разработки механизма созыва парламента в экстремальных условиях не было. И Лукьянов воспользовался этим: действовал по букве закона о чрезвычайном положении, назначив созыв «не позже, чем через неделю».

Гораздо важнее извлечь уроки из случившегося. Августовские события 91-го обнаружили ахиллесову пяту созданной нами демократической системы —

слабость представительных органов. Ведь что получилось? Лукьянов, играя свою игру, затянул созыв Верховного Совета. С.С. Алексеев испугался — и Комитет конституционного надзора начал бормотать что-то себе под нос, когда это было уже вполне безопасно.

Иначе говоря, во всех основных институтах демократии решающую роль у нас по-прежнему играют руководители, все зависит от их личных качеств. А ведь Маркс был прав, сказав, что не личности должны быть гарантами против законов, а законы против произвола личностей.

Полтора года спустя — сходная ситуация с другим результатом. 20 марта 1993 года Президент России выступает с заявлением, содержание которого нельзя оценить иначе как покушение на государственный переворот. Оставим в стороне мотивы и обоснования. Факт состоит в том, что было публично объявлено о намерении лишить Съезд народных депутатов его полномочий, сосредоточить в руках президентской команды функции всех ветвей власти.

На сей раз институты демократии не бездействовали. Срочно был созван Верховный Совет, а затем и съезд. С осуждением так и неопубликованного президентского указа выступил Конституционный суд. Протест прозвучал со стороны многих партий и, увы, немногих средств массовой информации. Президент вынужден был пойти на попятную.

Но я спрашивал себя тогда: можно ли принять это как свидетельство зрелости наших демократических институтов или лишь как счастливую случайность? Что на сей раз выручило от самовластия — законы или личности? И не спешил с ответом. Октябрьские события 93-го показали, что необходимые уроки из событий августа 91-го и марта 93-го не были усвоены, а это в конечном счете привело к расстрелу парламента и кровавым событиям 3—4 октября 1993 года.

Граждане России 12 декабря 1993 года на выборах в Госдуму нашли очень чувствительный способ дать понять российским властям, что они не приемлют ни их политического курса, ни методов его осуществления. Пойдет ли этот урок на пользу? Опять с ответом я не спешу.

Глава 44. Сентябрь - декабрь. Последние усилия и беловежский сговор

Возобновление процесса реформ

При всем значении первых шагов по ликвидации последствий путча больше всего меня занимало в те дни возобновление процесса реформ. Честно говоря, не было полной уверенности, что эта задача в принципе разрешима в тех условиях. То и дело накатывали сомнения. Переворот до основания потряс страну. В сентябре—октябре, по сути, все республики заявили о своей независимости. Сепаратисты чувствовали себя на коне, настал их час. А тут еще Президент России вошел в раж: уже возобновил свою деятельность Президент СССР, а Ельцин продолжал еще два-три дня выпускать указы общесоюзного значения. Это еще больше побуждало республики быстрее отгородиться от союзного центра.

И все-таки нельзя было сдаваться. За мной были результаты референдума 17 марта. За сохранение целостности страны говорила вся ее многовековая история. Такой выбор властно диктовали насущные экономические потребности, безопасность государства и граждан.

Честно говоря, меня особенно ободрили данные опросов общественного мнения жителей крупных городов (Москва, Киев, Алма-Ата, Красноярск), проведенные в начале октября. Они показали, что за истекшие полгода настроения в поддержку Союза в целом не ослабли. Так, если 17 марта в трех республиках (РСФСР, Украина, Казахстан) за Союз проголосовали 73 процента принявших участие в референдуме, то осенью 1991 года по итогам опроса в крупных городах тех же трех республик за Союз высказались 75 процентов опрошенных. В Москве число сторонников Союза возросло за полгода с 50 до 81 процента; это свидетельствовало, что 17 марта часть москвичей голосовали не столько против идеи Союза, сколько под влиянием тогдашней «антицентристской» пропаганды демократов. И, очевидно, реальная угроза распада Союза вызвала резкий всплеск «просоюзных» настроений в столице, что, собственно говоря, было характерно и для большинства областей России. В

Киеве итоги опроса были не столь впечатляющи, тем не менее свыше 50 процентов было за Союз. В Алма-Ате в марте 91-го года на референдуме «за» было 94 процента, а по данным октябрьского опроса — 86 процентов.

Словом, не было никаких сомнений в том, что народ не хочет разрушения целостности страны. Но ключи к решению вопроса находились в руках национальных элит и политических лидеров. А здесь дело обстояло сложнее.

Наиболее последовательно отстаивал Союз Назарбаев. Мы часто и долго беседовали с ним на эти темы. Должен сказать, что за его позицией стояли такие объективные факторы, как состав населения Казахстана, не просто высокий, а уникальный уровень интеграции его экономики с экономикой России. Но дело было еще и в личных качествах Нурсултана Абишевича, как политика, а главное — человека, в сознании которого неразрывно соединились русская и казахская национальные культуры. Чувствовалось, что для него это не вопрос калькуляций, а дело принципа, вытекающего из убеждений. Я давно присматривался к Назарбаеву, ценил его деловую хватку и сожалею, что стечение обстоятельств помешало мне рекомендовать его на пост вице-президента СССР или премьер-министра.

Практически такие же позиции занимали лидеры среднеазиатских республик — Каримов, Акаев, Ниязов и Искандаров, представлявший тогда Таджикистан. Не знаю, как сложится дальнейшая судьба каждого из них в наше «турбулентное» время, но должен сказать, что на том исключительно ответственном отрезке истории, когда решалась судьба Союза, эти национальные деятели проявили ясное понимание той истины, что разрушение Союза нанесет колоссальный ущерб их народам. Вовсе не хочу сказать, что они всякий раз безоговорочно поддерживали предложения, исходящие от союзных органов. Все они стремились избавиться от тягостного сверхцентрализма, добивались, что вполне естественно, большей самостоятельности. Но я бы сказал, что они не теряли при этом здравого смысла, не делали из независимости фетиша, самоцели.

Сразу после того, как были приведены в порядок «растрепанные чувства»,

приняты неотложные меры по ликвидации последствий путча, я начал встречаться с республиканскими лидерами. 23 августа беседовал с Ельциным, Назарбаевым, Акаевым, Муталибовым — все тогда не смогли приехать в Москву. В последующем, собравшись уже в более полном составе в Ново-Огареве, мы как бы заново проинвентаризировали весь комплекс неотложных проблем, стоявших перед страной, и сошлись на том, что начинать нужно с восстановления эффективного механизма власти и управления.

После путча этот механизм был настолько разлажен, что никакие самые своевременные и оптимальные решения не имели шансов быть проведенными в жизнь. «Осваивая» суверенитет, республиканские власти все чаще принимали к исполнению только те распоряжения центральных министерств, какие им были выгодны. В центре же нарастала чехарда в связи с тем, что власть, если не де-юре, то де-факто, раздвоилась между Кремлем и Белым домом. Занятая этой внутренней междоусобицей, столица все больше теряла рычаги контроля за экономикой. А это, в свою очередь, побуждало «места» все больше полагаться на самих себя, действовать на свой страх и риск.

Всем нам было ясно, что реальные шансы на восстановление порядка в этих условиях может иметь только орган, обеспечивающий согласование интересов и воли республик с общесоюзными интересами и волей. Вначале возникла идея включить республиканских лидеров в Совет безопасности, а затем решили вместо этого учредить Государственный совет.

Сосредоточение власти в руках Государственного совета рассматривалось нами как временная мера, которая будет сохранена до принятия нового Союзного договора, определяющего устройство союзных органов, их отношения с республиками и т.д. Уже с первых наших «по-слепутчевых» встреч в Ново-Огареве речь зашла о необходимости возобновления работы над Союзным договором. В сентябре казалось вполне возможным дать проекту Союзного договора второе рождение, и на этот раз без помех довести его до подписания.

В то же время мы сознавали, что в сложившихся условиях трудно рассчитывать на участие в обновленном Союзе всех республик. Поэтому решено

было воплотить идею, которая давно, еще с середины 1990 года, активно обсуждалась, а именно: наряду с Союзным договором предложить республикам подписать Экономическое соглашение. Этот, как бы второй, этаж союзнических отношений давал возможность «не потерять» те республики, которые, как и все остальные, кровно нуждаются в экономическом сотрудничестве, но по разным причинам не готовы войти в состав Союза. Не скрою, мы рассчитывали, что экономические узы помогут постепенно преодолеть недоверие к союзным структурам.

Августовский путч сорвал процесс формирования новых союзных отношений между суверенными государствами. Понимая всю опасность новой ситуации для демократических преобразований, возобновление работы над Союзным договором я рассматривал как главный приоритет. Этим определялись все мои действия в ходе чрезвычайной сессии Верховного Совета СССР, созванной сразу после путча и принявшей решение о безотлагательном проведении внеочередного Съезда народных депутатов СССР.

Оценивая атмосферу, сложившуюся накануне съезда, и особенно дискуссию вокруг повестки дня, я и руководители республик были весьма обеспокоены тем, чтобы съезд вновь не втянулся с самого начала в бесплодные споры.

На съезд надо было выходить с общей позицией президента и руководителей республик. В ночных дебатах родились идея и сам текст Заявления — его подписали главы 10 союзных государств, а в разработке участвовала и Грузия (отсюда известная формула «10 (11)+1»).

По данному поводу было немало спекуляций, некоторые договаривались до того, что будто Горбачев и лидеры республик совершили своего рода государственный переворот, не удавшийся путчистам.

Это — чепуха уже потому, что все сентябрьские решения были приняты самим съездом, иначе говоря, конституционным путем. Далее, потому что был сохранен высший законодательный орган — Верховный Совет. И наконец, потому, что серьезная реорганизация структур управления страной была

предпринята не по прихоти лидеров, а как вынужденная, временная мера, продиктованная последствиями путча, новыми реальностями.

Иначе говоря, мы ни на шаг не преступили Конституцию. Другой вопрос — насколько эффективны оказались эти решения. Увы, последующие месяцы показали, что созданная система не выдержала испытаний, оказалась нежизнеспособной. И не в силу каких-то пороков самой ее конструкции, а прежде всего потому, что она не отвечала концепции, выношенной окружением Президента России.

Во всяком случае, тогда Ельцин в частных беседах и публично выступал за сохранение Союза в преобразованном виде. Благодаря этому мы сравнительно легко достигли общей точки зрения и по вопросу об организации власти в переходный период. В заявлении Президента СССР и руководителей 10 республик предлагалось подготовить и подписать Договор о Союзе Суверенных Государств, причем каждая республика самостоятельно определила бы форму своего участия; обратиться ко всем республикам независимо от декларируемого ими статуса с предложением безотлагательно заключить Экономический союз; создать Совет представителей народных депутатов для «решения общих принципиальных вопросов», Государственный совет — для «согласованного решения вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы республик», Межреспубликанский экономический комитет — для «координации управления народным хозяйством и согласованного проведения экономических реформ»; подготовить и вынести на рассмотрение парламентов союзных республик проект Конституции, который должен был быть окончательно принят на съезде их полномочных представителей; заключить соглашение о принципах коллективной безопасности в области обороны в целях сохранения единых вооруженных сил и военно-стратегического пространства, проведения радикальных реформ в вооруженных силах, КГБ, МВД и Прокуратуре СССР с учетом суверенитета республик; подтвердить строгое соблюдение всех международных соглашений и обязательств, принятых на себя Советским Союзом; принять декларацию, гарантирующую права и свободы

граждан; просить Съезд народных депутатов СССР поддержать обращение союзных республик в ООН о признании их субъектами международного права и рассмотрении вопроса об их членстве в этой организации.

Этот документ и стал стержнем дискуссии на Пятом внеочередном съезде народных депутатов СССР, состоявшемся 2—5 сентября. Проходил он бурно, не обошлось без острых столкновений и эмоций. Но в конечном счете предложения были приняты и узаконены. Существенной корректировке подвергся лишь пункт, предлагавший, чтобы роль законодательного органа в переходный период сыграл Совет представителей народных депутатов. После дискуссии съезд решил — и, думаю, сделал правильно, — что Верховный Совет продолжит свою работу до заключения Союзного договора и создания на его основе новых органов власти. Тем самым обеспечивались контроль за действиями Госсовета и более надежная конституционная преемственность.

На вечернем заседании председательствовал Ельцин, и выступивший первым Кравчук говорил о готовности Украины принимать «самое активное участие в создании межгосударственных структур в области экономики, координации и управлении народным хозяйством, согласованном решении вопросов внутренней и внешней политики, выработке концепции коллективной безопасности, реорганизации вооруженных сил». Не пройдет и полутора месяцев, как тот же Кравчук начнет бить отбой чуть ли не по всем этим позициям.

4 сентября страсти разгорелись. Ряд депутатов выступили с обвинениями президиума в недемократическом ведении съезда. Должен признать, что для подобных обвинений были известные причины. Президиуму действительно приходилось вести заседания в жесткой манере — в противном случае у нас получился бы отечественный вариант «Долгого парламента», чего нельзя было допустить в напряженной по-слепутчевой атмосфере. Конечно, дело тут было не в процедурных вопросах, при всей их важности. Часть народных депутатов просто не хотели реально оценить ситуацию, понять, что после августа сохранить СССР в прежнем его облике было уже тем более невозможно. А

значит, единственным способом спасти целостность страны стало заключение Договора о Союзе Суверенных Государств. Большинство народных избранников, можно сказать, подавляющее большинство, это осознавало. Постановление съезда, Закон об органах государственной власти и управления Союза ССР в переходный период, другие решения были приняты голосами 3/5 — 4/5 состава депутатов.

Дни съезда были наполнены бесконечными встречами, совещаниями, консультациями. В перерывах между заседаниями шла напряженная работа в комиссиях и комитетах. Надо было отвечать на запросы депутатов, искать вместе с лидерами автономных республик формулу их участия в Союзе, без чего они отказывались поддержать решения съезда. Ну и нельзя было отказать многим депутатам, желавшим просто поддержать президента, выразить ему сочувствие в связи со случившимся в Форосе или попросить разъяснения, пожаловаться, поставить какой-то насущный для своей области вопрос. Не было, разумеется, отбоя и от прессы.

Признаюсь, устал я дьявольски. Но помогало держаться сознание того, что мы все-таки не допустили развала Союза. Верилось, что, миновав переходный период и вдоволь насладившись прелестями независимости, мы начнем уже на новой основе собираться в государственное целое. Надежду на это подкрепляли и данные социологических опросов. На вопрос, как вам представляется устройство СССР в будущем, народные депутаты ответили так: несколько самостоятельных государств — 15 процентов, конфедерация — 27 процентов, федерация — 46 процентов, другое — 3 процента. Нисколько не сомневаюсь, что, если сегодня будет задан этот вопрос гражданам России и других республик, ответы большинства будут очень близкими к этим результатам.

Иная точка зрения, однако, преобладала (хотя и сохранялась в тайне) в российском руководстве. И оно уже очень скоро после съезда начало методически, шаг за шагом подтачивать и разрушать только что узаконенную съездом концепцию переходного периода.

Первым актом Государственного совета стало признание независимости

Прибалтийских республик. Я стремился сделать все, чтобы Прибалтийские республики продолжали оставаться в рамках Союза. В то же время решительно отклоняю домыслы, будто бы союзное руководство прибегало ради этого к военной силе. Трагические инциденты в Вильнюсе и Риге ни в коей мере не направлялись из президентского кабинета.

С другой стороны, жизнь опять-таки подтвердила, что мы были правы, настаивая на цивилизованном и демократическом решении проблемы обретения независимости Латвией, Литвой и Эстонией. Если бы не нагнетаемое сепаратистами давление и недальновидная позиция российского руководства, скорее всего, не было бы сегодня тех острейших проблем, которые связаны с нарушением гражданских прав русских и русскоязычных людей на территории Балтии.

Приняв решение о признании независимости республик Прибалтики, нам так и не удалось запустить механизм переговоров. Этому помешал Беловежский сговор.

Второе рождение Союзного договора

Итак, 5 сентября Съезд народных депутатов по предложению президента страны и руководителей республик принимает решение о создании Союза Суверенных Государств и ускоренной подготовке проекта Договора.

По договоренности между членами Госсовета я и Президент России взяли на себя разработку проекта нового Договора. Работа началась практически сразу после съезда.

10 сентября состоялась встреча с Ельциным, на которой мы обсудили связанные с этим проблемы. 16 сентября вопрос о будущем Союза рассматривался на заседании Госсовета, причем 8 республик (РСФСР, Беларусь, Узбекистан, Казахстан, Туркменистан, Азербайджан, Таджикистан, Кыргызстан) заняли позитивную позицию.

На том же заседании Госсовет рассмотрел проект Договора об экономическом сообществе. После того как 18 октября 8 суверенных государств, включая Украину, его подписали, он был направлен на ратификацию в

республиканские парламенты. Ускоренными темпами готовился пакет сопутствующих соглашений.

Одновременно шло формирование союзных структур власти в соответствии с изменившимися условиями — назначены новые руководители, начата реорганизация министерств иностранных дел, обороны, внутренних дел и Комитета государственной безопасности, создан Межреспубликанский экономический комитет.

Таким образом, оправившись от шока, вызванного августовским путчем, руководство Союза и республик вернулось к прерванной работе над преобразованием Союза и по политической, и по экономической линии. Появились основания считать, что ново-огаревский процесс удалось восстановить. Но как трудно, со сбоями, с периодическими откатами он продолжался в осенние месяцы.

Темпы подготовки Союзного договора зависели от старта: какой текст положить в основу проекта — согласованный и подведенный к подписанию в августе (разумеется, с учетом изменений в обстановке) или совсем иной. Так вот, когда по поручению Госсовета мы начали с Ельциным готовить обновленный проект, его команда попыталась положить в основу свой текст. Достаточно было беглого прочтения, чтобы понять, что речь в нем не идет ни о федеративном, ни даже о конфедеративном государстве. Дело вели к образованию сообщества типа ЕЭС, но с еще более ослабленными функциями центральных органов.

Я без обиняков дал понять Ельцину, что на такой базе ничего путного у нас не получится. Аналогичную позицию заняли республиканские лидеры, которым россияне, в надежде на «подмогу», неофициально подкинули свою разработку. После некоторых колебаний (видно, очень уж давило на него окружение) Президент России согласился возобновить работу на основе доавгустовского проекта — разумеется, с учетом «российского» варианта.

В рабочую группу представителей Президента Союза и Президента России вошли Шахназаров, Кудрявцев, Топорнин, Батурин — это со стороны центра, а российский руководитель уполномочил Шахрая, Станкевича и Котенкова.

Сразу возобновились споры по поводу распределения полномочий между союзными и республиканскими органами власти и управления. В конечном счете пришли к согласию не фиксировать подробно в Договоре распределение полномочий, а предусмотреть «сферы совместного ведения». Предполагалось в последующем заключить специальные многосторонние соглашения — об экономическом союзе, совместной обороне, государственной безопасности, внешней политике, научно-техническом сотрудничестве, сотрудничестве в области образования и культуры, защите прав человека и национальных меньшинств, экологическое, в области энергетики, транспорта, связи и космоса, по борьбе с преступностью.

Такой порядок имел, конечно, свои минусы — откладывалось на какое-то время формирование предельно четкой управленческой структуры, столь необходимой, чтобы побыстрее вытащить страну из кризиса. С другой стороны, у него были определенные преимущества. Перенос этой проблематики в многосторонние соглашения позволял более детально предусмотреть, какие вопросы должны решаться совместно и посредством каких процедур.

Обновленный вариант Договора датирован 1 октября. Пока в Москве трудились над проектом нового Договора о Союзе, в Сочи, с грифом «Сугубо конфиденциально», Ельцину был направлен документ — «Стратегия России в переходный период». Многие из того, что происходит в России и странах Содружества, своими корнями уходит в «теоретические изыскания», которые велись в «мозговом центре» Демроссии.

Вот некоторые пассажи из него, напоминающие инструкцию по «минному делу», только не в военной, а государственной сфере.

«До августовских событий руководство России, противостоящее старому тоталитарному центру, могло опереться на поддержку лидеров подавляющего большинства союзных республик, стремившихся к упрочению собственных политических позиций. Ликвидация старого центра неизбежно выдвигает на первый план объективные противоречия интересов России и других республик. Для последних сохранение на переходный период сложившихся ресурсопотоков

и финансово-экономических отношений означает уникальную возможность реконструировать экономику за счет России. Для РСФСР, и так переживающей серьезный кризис, это серьезная дополнительная нагрузка на хозяйственные структуры, подрыв возможности ее экономического возрождения».

Другой тезис: «Объективно России не нужен стоящий над ней экономический центр, занятый перераспределением ее ресурсов. Однако в таком центре заинтересованы многие другие республики. Установив контроль за собственностью на своей территории, они стремятся через союзные органы перераспределять в свою пользу собственность и ресурсы России. Так как такой центр может существовать лишь при поддержке республик, он объективно, вне зависимости от своего кадрового состава, будет проводить политику, противоречащую интересам России».

Из двух названных ими формул объединения (экономический союз плюс немедленная политическая независимость или экономическая независимость плюс временное политическое соглашение) авторы записки безоговорочно рекомендовали избрать вторую. В соответствии с этим утверждалось, что «Россия должна воздерживаться от вступления в долгосрочные жесткие и всеобъемлющие экономические союзы», «не заинтересована в создании постоянно действующих надреспубликанских органов общеэкономического управления», «категорически отказывается от введения налоговых платежей в федеральный бюджет», «должна иметь собственную таможенную службу» и т.д.

В то же время, как бы «откупаясь» от бывших своих сородичей, авторы предлагали признать существующие границы республик (в частности, при этом утверждалось, будто «права русскоязычного населения в реальной защите не нуждаются»?!), а также помочь им получить полное международное признание как независимых государств.

Существование этой концепции заключается в окончательном отказе России от выполнявшейся ею роли «ядра» мировой державы. Мотив — сохранив свои ресурсы для себя, быстро разбогатеет. Не знаю, кто непосредственно исполнял эту бумагу, но, читая ее, легко было угадать влияние ведущих идеологов

Демроссии. Именно такие взгляды они проповедовали и сумели, видимо, навязать их своему лидеру. Мне они представляются в корне порочными.

Разве Россия не несет ответственности за судьбу народов, с которыми бок о бок шла веками, за будущее огромных пространств, которые она осваивала? Впрочем, ожидать нравственного подхода от людей, которые ставят во главу угла сугубо эгоистический интерес, бесполезно. Не только моральный долг, но и первоначальный экономический интерес России заключается в том, чтобы не порывать с республиками. Целостный народно-хозяйственный механизм — это не фраза, не выдумка коммунистической пропаганды, а живая реальность. И сейчас, когда вопреки всем доводам разума он почти разрушен, наглядно видно, кто был прав в этом историческом споре. А территориальные вопросы, демографические проблемы, права человека, судьба науки и культуры, наконец, экология и безопасность?

Как я понимаю, Президент России в сентябре еще не готов был окончательно принять эту ошибочную философию и действовать в соответствии с нею. Видимо, это-то и послужило причиной написания записки. Упрекая своего лидера за то, что якобы «утеряны плоды августовской победы», авторы, сами того не желая, выдают потаенную свою мысль: возникшую в результате путча угрозу распада Советского Союза воспринимают как «победу», а не как трагедию. Этого они сами хотели, это, можно сказать, и преподнесли им «на блюде» вроде бы заклятые враги — гэкачеписты. И не этим ли объясняется снисходительное отношение демократов, обычно свирепых и безжалостных, ко всем, в ком они видят «не наших», к узникам «Матросской тишины»⁶ ?

Ознакомившись с этой запиской, я был серьезно встревожен и при очередной встрече с Ельциным завел с ним «концептуальный разговор» на эти темы. Он соглашался с моими аргументами и, как мне показалось, был тогда искренен. Впрочем, как я уже говорил, много раз бывало так: поговоришь с Борисом Николаевичем, убедишь его, условишься, как действовать, а буквально на завтра под чьим-то иным влиянием он поступает прямо наоборот. Такова уж

⁶ Следственный изолятор, где содержались гэкачеписты.

эта неустойчивая натура. Так было и на сей раз.

28—30 октября я оказался в зарубежной поездке — в Мадриде, где вместе с Дж.Бушем в качестве сопредседателя должен был открыть конференцию по Ближнему Востоку. А в Москве произошли события, означавшие не что иное, как начало нового наступления на Союз. Так что наши опасения, связанные с колебаниями президента РФ, оправдались. Можно сказать, как в воду глядели.

28 октября на Съезде народных депутатов РСФСР Ельцин выступил с программой реформ и требованием для себя особых полномочий на переходный период. Де-факто эти меры подрывали Договор об экономическом Сообществе или противоречили ему. Буквально ввергло в шок его заявление о намерении объявить Госбанк СССР Российским, сократить на 90 процентов численность МИД СССР, распустить 80 министерств и т.д. Правда, после разговора с Силаевым российский президент отрекся от покушения на банк, которое напугало республики и привело в смущение Запад при всем его расположении к нашему новому реформатору.

Я встретился с Ельциным 2 ноября, считая, что назрел, как говорится, мужской разговор:

— Ты меняешь политику, уходишь от всех договоренностей. А раз так, теряют смысл и Госсовет, и Экономическое соглашение. Тебе не терпится взять вожжи в свои руки? Раз этого хочется — правь в одиночку. Скажу тебе и другим лидерам: я вас подвел к независимости, теперь, похоже, Союз вам больше не нужен, живите дальше как заблагорассудится, а меня увольте. Но и ответственность ложится на всех вас.

Ельцин доказывал, что менять политику не собирается, слово у него твердое. Тут же, не ощутив неловкости, согласился, что в отношении персонала МИДа есть «перехват». И по другим пунктам несколько отступил, обещал действовать более взвешенно, а главное, согласованно. Но не сдержал ни одного своего «твердого» слова.

На Госсовете 4 ноября я решил продолжить разговор на эти же темы. Ельцин сознательно опоздал на 15 минут, демонстрируя свою независимость и

неуважение к партнерам. Не ожидая его прихода, в присутствии тележурналистов я сделал вступление, прозвучавшее тревожным колоколом: в сложнейшей ситуации мы делаем то, чего не должны делать. Безответственно распорядились капиталом, который получили после путча и в результате совместной работы, а также возникшей надеждой на возможность быстрого выхода из кризиса. Снова разворачиваются политические игры, налицо перетягивание каната. Страна задыхается, а Госсовет раскалывается. Нужно преодолеть колебания и действовать решительно. Нужны согласованные действия республик. Поскорее заключить Договор и в связи с судьбой Союза уже сейчас подумать, как быть с союзными институтами — МИД, МВД, Минобороны. Без решения ключевых вопросов государственности не решим и экономических проблем.

Большая часть моего выступления проходила в присутствии Ельцина, и оно ему было явно не по душе. Он сидел то насупившись, то делая вид, что все это его мало волнует. Словом, на заседании возникла напряженная обстановка. На мое приглашение обменяться мнениями, просьб о выступлении не последовало. Только Назарбаев сказал:

— Нам все ясно. Важно, что у вас с Борисом Николаевичем был разговор и достигнуто взаимопонимание. — Ельцин кивнул.

— Хорошо, — заключил я. — Тогда давайте действовать в этом духе.

Любопытно, что сведения о заседании немедленно были переданы на Запад; радио «Свобода» их интерпретировало так: «Состоявшееся 4 ноября заседание Госсовета при Президенте СССР принесло кое-какие сенсации, продемонстрировало кое-какие конфликты, но в основном не те, которых ждали. Выяснение отношений Ельцина с республиками и Горбачева со всеми «удельными князьями» оказалось отсроченным. Горбачев открыл заседание весьма драматическим выступлением, ключевыми словами которого были «тяжелейшая ситуация», «на краю пропасти» и «безответственность». С точки зрения Президента СССР, отечественные политики не сумели взять под контроль после-путчевую ситуацию и страна летит под откос в неуправляемом режиме.

Свое исполненное тревоги выступление Горбачев закончил предложением обменяться мнениями по текущему моменту. Далее случилось самое интересное. В зале заседаний Госсовета воцарилась гнетущая тишина.

Горбачев понял, что лидеры нерусских республик не готовы идти на открытое выяснение отношений с Ельциным, а сам Ельцин всем своим поведением намерен показать, кто в этом зале настоящий хозяин».

«Догадки» обозревателя радио «Свобода» Максима Соколова были близки к истине. Но острая постановка вопроса на заседании Госсовета не прошла зря. Ельцин вынужден был дать формальное согласие на то, чтобы завершить доработку текста Союзного договора и парафировать Договор на следующем заседании.

Сообщение о заседании Госсовета содержало важную констатацию — 14 ноября будет парафирован согласованный проект Договора. Тем самым и самого Ельцина, и российские верхи снова «вернули» в конституционное русло.

Последние заседания Госсовета

14 ноября на Госсовете развернулся острый спор о том, что нужно народам, населяющим эту огромную страну: союзное государство или союз государств? Может показаться, что спор чисто словесный. Но за ним стоял вопрос, будет ли у нас одна страна, или мы разделимся на несколько государств со всеми вытекающими последствиями для граждан, экономики, науки, вооруженных сил, внешней политики и т.д.

Четырехчасовая дискуссия завершилась согласием в том, что это должно быть конфедеративное союзное государство. Тут же, в Ново-Огареве, на пресс-конференции все руководители республик вышли к телеобъективам. Мне казалось, что некоторые мои партнеры склонны упрощенно толковать аргументы в защиту союзного государства. Выступая последним на той пресс-конференции, я сказал: «Договор о Союзе Суверенных Государств просто необходим как база для реформирования нашего унитарного многонационального государства. Необходим и для решения самых неотложных задач. Без согласования между республиками реформы не пойдут. Согласование нам необходимо, потому что

мы так сложились и деваться нам некуда. Сейчас делиться, гадая, хорошо ли это получится или нет, недопустимо. Если разойдемся по национальным обособленным государствам, то даже в рамках Содружества процесс согласования и взаимодействия необычайно усложнится».

Представляет интерес документальный комментарий «Известий» об итогах заседания Госсовета 14 ноября.

«СОЮЗ СУВЕРЕННЫХ ГОСУДАРСТВ» (ССГ)

Событие, которое произошло в подмосковном Ново-Огареве 14 ноября, можно назвать обнадеживающим. Семь суверенных республик, участвовавших в заседании Госсовета, высказались за создание нового политического союза. Это своего рода сенсация. В последнее время мало кто верил в возобновление работы над Союзным договором — по крайней мере в ближайшем будущем. И все же сама жизнь расставляет все по местам. Многие республики пришли к выводу, что без политического союза продвигаться дальше невозможно.

Основное время члены Госсовета потратили на обмен мнениями по поводу статуса будущего Союза. Рассматривалось три варианта. Это — просто союз суверенных государств, не имеющий своего государственного образования. Или союз с централизованной государственной властью — федеративный, конфедеративный. И третий вариант — союз, выполняющий некоторые государственные функции, но без статуса государства и без названия. Обсуждалось несколько компромиссных решений. В конце концов участники сошлись на том, что будет *Союз Суверенных Государств — конфедеративное государство*, выполняющее делегированные государствами — участниками договора функции.

Россия. Борис Ельцин: «Трудно сказать, какое число государств войдет в союз, но у меня твердое убеждение, что Союз будет».

Казахстан. Нурсултан Назарбаев: «Республика всегда стояла за сохранение Союза, безусловно, не того, который был, а за союз, который реально сегодня существует. Это союз суверенных государств — самостоятельных и

равноправных. Я на этой позиции стою, выражая мнение большинства населения Казахстана. Каким будет этот союз в конечном счете — конфедеративным или каким-то другим, покажет будущее».

Беларусь. Станислав Шушкевич: «По моему убеждению, вероятность образования нового союза существенно возросла. Я думаю, союз будет».

Кыргызстан. Аскар Акаев: «Присоединяюсь к коллегам. Я полон уверенности — союз будет».

Туркменистан. Сахат Мурадов (Председатель Верховного Совета республики): «На состоявшемся на днях заседании Верховного Совета все депутаты высказались за то, чтобы наша республика была в составе Союза Суверенных Государств».

Таджикистан. Акбаршо Искандаров (заместитель Председателя Верховного Совета): «Наша республика с самого начала была за союз. После сегодняшнего заседания появилась уверенность, что он будет».

Казалось, было сделано все, что в человеческих силах, чтобы сохранить союзное государство, завершить огромную работу над проектом Договора, преступно прерванную в августе. Но в этом трехлетнем марафоне пришлось одолеть еще один этап. Я имею в виду заседание Госсовета 25 ноября, на котором Ельцин вновь потребовал заменить формулу «Союзное государство» на «Союз государств» и заявил об отказе парафировать текст до рассмотрения его Верховным Советом.

Ссылка на парламент была не более чем уловкой. Я знал о настроениях в российском парламенте и был уверен, что там мало кто будет поддерживать ельцинскую формулу.

Будучи, не скрою, крайне раздраженным этим вероломством, я взял себя в руки и начал урезонивать Ельцина, настаивая на выполнении решений, согласованных всего десять дней назад. Но уже начинало срабатывать новое соотношение сил. Сначала Шушкевич, затем и некоторые другие, видимо, не желая вступать в ссору с российским лидером, заколебались. Тогда я заявил:

— С меня достаточно. Участвовать в развале Союза не буду. Оставляю вас

одних, решайте. И помните, что на вас падет вся ответственность за судьбу страны.

Несмотря на попытки остановить меня, я встал и ушел в свой кабинет на первом этаже. Со мной вышли все «союзники». Через полчаса спустились Ельцин с Шушкевичем. Скрывая досаду, что пришлось все-таки на этот раз отступить, мне вручили текст сообщения о заседании, согласованный оставшимися наверху.

Взяв сообщение, убедился, что оно приемлемо, ограничился небольшими поправками, которые «парламентеры» приняли.

14 ноября мы условились на следующем заседании окончательно согласовать текст, парафировать каждую страницу и передать Верховным Советам, в печать. Почему же Ельцин, а за ним и другие не захотели ставить свои подписи? Думаю, советники уговорили его сохранить свободу рук для очередных поправок уже «под занавес» всей работы над Договором. Не исключаю, Президент России уже тогда знал, что документ этот так и не вступит в силу, а посему не хотел его визировать.

Сразу после заседания состоялась пресс-конференция. Я рассказал журналистам, что все принципиальные положения проекта остались без изменений. Но некоторые поправки все же внесены. Согласились упразднить должность председателя в будущем двухпалатном Верховном Совете ССГ. По настоянию республиканских лидеров «восстановили» Госсовет как орган согласования внутренней и внешней политики под руководством президента. Уточнили статус союзной прокуратуры — она должна была стать органом надзора за соблюдением законов при Верховном суде Союза. «Поточили» формулу, касающуюся принципов координации внешней политики.

Журналисты спросили меня на пресс-конференции, сохраняется ли возможность подписания Договора в начале декабря. Я ответил: в начале декабря нет, а к середине, к 20-м числам, вполне вероятно. Предстоит работа в комитетах, в Верховных Советах, потом дебаты и одобрение, формирование полномочных делегаций, которым будет поручено окончательно доработать

текст и подписать его.

Помню, кто-то спросил, сохраняется ли у меня надежда, что к Договору присоединятся другие республики, не участвовавшие на последнем этапе в новогоревских консультациях. Я ответил положительно. Добавил: «И Украина будет участвовать. Не мыслю себе Союзного договора без Украины».

Корреспондент «Труда» поинтересовался, будет ли отдельно обсуждаться вопрос о названии нашего нового государства, поскольку аббревиатура «ССГ» уже подвергается критике. Я рассказал журналистам, что обратил внимание руководителей республик на критические публикации в прессе по этому поводу, предложил еще раз подумать. Но практически все стояли за Союз Суверенных Государств.

Кто-то из журналистов задал этот вопрос и Ельцину: некрасиво-де звучит аббревиатура «ССГ». Тот отшутился:

— Ничего, привыкнем.

А привыкать по воле «беловежской троицы» пришлось к СНГ. Привыкнем ли?

Вероломство

Я уже понимал, что Президент России хитрит, тянет время: значит, у него есть другой план. Поэтому перед самой встречей в Минске прямо спросил его: с чем он едет? Мой подход: есть проект Договора, Украина может присоединиться ко всем его статьям или к части из них. Ельцин, аргументируя задержку с рассмотрением Договора, вдруг заявил, что может встать вопрос об иной форме объединения. Я сказал, что разговор мы должны продолжить в Москве с участием руководителей Украины и Казахстана.

Когда же я узнал, что в Минск приехали Бурбулис и Шахрай⁷, мне все стало ясно. Именно Бурбулис писал Ельцину записку, смысл которой состоял в том, что Россия, мол, потеряла уже половину из того, что она выиграла в

⁷ Г.Э.Бурбулис — госсекретарь, ближайший соратник Ельцина;
С.М.Шахрай — советник президента по правовым вопросам, сейчас — вице-премьер Кабинета министров.

результате разгрома путча, что «хитрый Горбачев» плетет сети, реанимирует союзный центр и его будут поддерживать республики. Все это России не выгодно, надо любой ценой предотвратить реализацию подобного сценария.

Итак, в Минске, в Бресте состоялась встреча трех президентов: России, Украины, Беларуси. И приняты были решения — вопреки тому, о чем мы договаривались на Госсовете СССР.

С 25 ноября минуло всего две недели, а Ельцин, вероломно нарушив свои обязательства, поставил подпись под документом, ликвидирующим Советский Союз.

Мне уже приходилось, и не раз, рассказывать о трагических событиях декабря 1991-го. Главное, что считаю нужным добавить сегодня: истекшие три года должны были убедить каждого, кто способен трезво рассуждать, что решение, принятое тремя президентами в Беловежской пуще, было в корне ошибочно.

Если даже исходить из того, что участники Беловежского соглашения, как сами они утверждают, не имели другого выхода, хотели спасти что можно, учредить хотя бы Сообщество, если не удастся создать конфедерацию, то прошедшее время опровергло все эти утверждения.

Подтвердилось то, в чем я без устали и без успеха пытался убедить своих тогдашних партнеров: потери от распада СССР явятся колоссальным потрясением, несоизмеримым ни с какими приобретениями от суверенитетов. Ничего путного не получилось из Содружества. И в то же время все сильнее дает о себе знать тяга к интеграции, к объединению, к спасению хотя бы того, что еще можно спасти общими усилиями. Но, видимо, придется делать это заново, искать уже другие решения. Сделать это смогут только руководители следующего поколения, наученные нашим горьким опытом, способные поставить народные интересы и права человека выше национального и группового эгоизма.

3 декабря 1991 года сотрудник президентского аппарата Ю.М. Батулин, не встретившись со мной, оставил записку. Вот ее содержание: «Михаил Сергеевич, сегодня много новостей из Белого дома относительно Союзного договора, в том

числе и неафишируемых. Завтра будет подготовлено заключение Совета Национальностей Верховного Совета РСФСР».

К этой записке прилагались два документа. Один — замечания к проекту договора Комиссии Совета Национальностей по национально-государственному устройству и межнациональным отношениям. Замечания датированы 29 ноября и свидетельствуют о том, что депутаты решительно настроены в пользу Союзного договора. Более того, комиссия считала, что вопрос о формировании союзного бюджета, его доходной части должен быть определен в самом договоре, без ссылок на какие-то другие соглашения. Тем самым депутаты фактически высказались за необходимость федеральных налогов и сборов. И другие замечания носили конкретный, деловой характер, расширяли сферу совместных действий, функции союзных органов.

Вот почему при наших встречах я обратил внимание Ельцина, что вопреки высказывавшимся им опасениям в Верховном Совете России не следует ожидать оппозиции Договору. Напротив, депутаты считают, что он нужен, и счет идет на часы.

В то же время, по сведениям из конфиденциальных источников, Бурбулис и К° готовили свой тактический ход: в последний момент отвергнуть проект Союзного договора, уже направленный в республики, и предложить совершенно иной. Тот самый, который впоследствии был извлечен из кармана госсекретаря и, как свидетельствуют очевидцы, наспех завизирован в Беловежской пуще. Как теперь стало ясно, замысел состоял в следующем. Официально инициатором нового договора должен был стать Кравчук. Признаюсь, у меня до недавнего времени оставались сомнения, вел ли Ельцин все эти месяцы двойную игру или все-таки проявил «слабину» в последний момент, сдался под напором своих советников и Кравчука, да еще в «теплой обстановке». Не верилось, что человек способен на такое коварство. Но, встречаясь в 1993 году с членами депутатской группы «Смена» в бывшем Верховном Совете России, я узнал от одного из депутатов, входившего в прошлом в круг рьяных сторонников Ельцина, следующее.

После возвращения из Минска в декабре 91-го Президент России собрал группу близких ему депутатов, с тем чтобы заручиться поддержкой при ратификации минских соглашений. Его спросили, насколько они законны с правовой точки зрения. Неожиданно президент ударился в 40-минутные рассуждения, с вдохновением рассказывал, как ему удалось «навесить лапшу» Горбачеву перед поездкой в Минск, убедить его, что будет преследовать там одну цель, в то время как на деле собирался делать прямо противоположное. «Надо было исключить Горбачева из игры», — добавил Ельцин.

Комментарии, как говорится, излишни. Президент России и его окружение фактически принесли Союз в жертву своему страстному желанию воцариться в Кремле.

Черные дни Союза и России

Первые дни декабря были наполнены тревогой. Не только журналисты, но и зарубежные государственные, общественные деятели искали контактов со мной. Они хотели знать, что происходит и какая судьба ждет те грандиозные начинания, которые оказали огромное воздействие на всю мировую ситуацию.

А ситуация выглядела так. Проходит день, никаких новостей из Минска до меня не доходит, никому ничего не известно. Подумалось: решили «расслабиться» — так оно и было. Но потом я начал интересоваться, что же там происходит. Оказалось, через мою голову ведут разговоры с министрами, в том числе с Шапошниковым, а он, как и Баранников, не счел нужным меня информировать. Я позвонил министру обороны и спросил, что происходит. Он извивался как уж на сковородке, но все же сказал, что ему звонили, спрашивали, как он смотрит на характер объединенных вооруженных сил в будущем государственном образовании. Ничего, мол, больше не знаю. Откровенно врал. (Шапошников сейчас «философствует» по поводу событий тех дней, но я-то, грешным делом, думаю, что он пытается замутировать ситуацию с его поведением в те дни как министра обороны Союза.)

Наконец вечером раздался звонок Шушкевича, которому, оказывается, Ельцин и Кравчук поручили в их присутствии сообщить мне о принятых

решениях. Он сказал, что уже был разговор с Бушем и тот «поддержал».

Я попросил передать трубку Ельцину и сказал ему: «То, что вы сделали за моей спиной, согласовав с Президентом Соединенных Штатов, — это позор, стыдоба!» Потребовал более подробной информации. Была подтверждена договоренность о встрече на завтра, в понедельник.

В тот день в Москву по договоренности прилетел Назарбаев. Узнав о событиях в Минске, стал советоваться со мной, сказал, что его туда приглашают. Я поинтересовался, что он сам думает. Видел: оскорблен случившимся. И вместе с тем почувствовал, что, если бы его позвали раньше, и он бы поехал. Наверное, это было бы лучше. Хотя трудно предугадать.

Свое официальное отношение к Минскому соглашению я выразил в Заявлении Президента СССР, опубликованном 10 декабря. В нем подчеркивалось: «Судьба многонационального государства не может быть определена волей руководителей трех республик. Вопрос этот должен решаться только конституционным путем с участием всех суверенных государств и учетом воли их народов. Неправомерно и опасно также заявление о прекращении действия общесоюзных правовых норм, что может лишь усилить хаос и анархию в обществе. Вызывает недоумение скоропалительность появления документа. Он не был обсужден ни населением, ни Верховными Советами республик, от имени которых подписан. Тем более это произошло в тот момент, когда в парламентах республик обсуждается проект Договора о Союзе Суверенных Государств, разработанный Государственным советом СССР».

Поскольку в соглашении провозглашалась «иная формула государственности», я заявил о необходимости созвать Съезд народных депутатов СССР, не исключал и проведения всенародного референдума (плебисцита) по этому вопросу.

11 декабря я дал интервью главному редактору «Независимой газеты» Виталию Третьякову.

— Не кажется ли вам сегодня, — спросил он, — что ваша политика, нацеленная на подписание Союзного договора, и включенный в нее ново-

огаревский процесс оказались ошибочными?

— Нет, я убежден, что Союзный договор как база для реформирования унитарного многонационального государства просто необходим. Я не собираюсь претендовать на лидерство в каких-то новых структурах, выдвигать свою кандидатуру — для меня это вопрос неактуальный. Я бьюсь за то, что нам нужно союзное государство, суверенные государства сами договариваются и сами формируют тот центр, который им нужен. Но обязательно Союз...

Не выдерживают критики утверждения ельцинистов, что-де у «героев» Беловежской пуши не было выбора, что Украина «уходила» и идея Союза лишилась всякой перспективы. Это — сплошная ложь.

Еще до того, как Кравчук использовал референдум 1 декабря, чтобы заблокировать подписание Украиной Союзного договора, было достигнуто согласие, что будет конфедеративное государство с общим рынком, согласованной внешней политикой, едиными вооруженными силами, общими валютой, банковским союзом, энергетикой, космической деятельностью, транспортом и связью, то есть всеми теми сферами, где Союз работает для всех.

В Минском заявлении говорится, что «договорный процесс зашел в тупик». Я спрашиваю: кто в тупике? Восемь республик готовы были подписать Союзный договор, в парламентах начались обсуждения. В тупике Украина? Ну так давайте не будем все в этот тупик рваться, а поможем Украине.

Наконец, уместно спросить: что, развалив Союз якобы ради связей с Украиной, Ельцин спас эти связи? Напротив, в рамках СНГ они оказались в самом плачевном состоянии.

Вернувшись из Минска, Ельцин пришел ко мне. Небезынтересно, что предварительно он выяснял по телефону, насколько безопасен его приход ко мне: понимал, что нашкодил. В беседе, как и намечалось, участвовал и Назарбаев, хотя Ельцину это не понравилось. Разговор был тяжелым: «Вы встретились в лесу и «закрыли» Советский Союз. Речь идет о своего рода политическом перевороте, совершенном за спиной Верховных Советов республик. Я остаюсь верен своей позиции, но буду уважать выбор, который

сделают республики, парламенты. Если мы за демократию и реформы, то должны действовать по демократическим правилам. Ведь вы же не с большой дороги!»

Акция в Минске поставила азиатские республики перед свершившимся фактом. Эффект «отталкивания», намек на «вторичность» азиатских государств в определении характера Содружества не пройдут даром. Была допущена большая, может быть, даже историческая ошибка.

Руководители и парламенты Казахстана, государств Средней Азии проявили тогда реализм, заняли, я бы сказал, более цивилизованную позицию, чем их европейские коллеги.

Ашхабадская, а затем Алма-Атинская встречи несколько сбалансировали грубый перекос, допущенный в Минске. Содружество — взамен Советского Союза — получило большую легитимность. Однако логику дезинтеграции принятые там документы не поломали. Многие существенные для жизнеспособности Содружества вопросы оставлены в виде деклараций о намерениях, да и то по-разному толкуемых. Последовавшее поведение Украины и другие события — тому свидетельство.

Вообще, все происходящее после «Пуши» я не могу охарактеризовать иначе как иррациональное. В российском парламенте все, кроме тринадцати депутатов, голосуют «за».⁸ Хасбулатов спустя год-два весьма сожалел, что добивался ратификации беловежского соглашения, обращался к Зюганову с просьбой уговорить депутатов-коммунистов голосовать «за».

На встрече с прессой 12 декабря мне, в частности, задали вопрос: не примешивается ли к моей оценке сделанного в Минске и Беловежской пуще горечь поражения?

— Нет! Я об этом сказал и Ельцину, мы с ним всегда говорили откровенно. Я не разделяю позицию создателей СНГ, но обсуждаю с ними все интересующие их вопросы.

⁸ Против проголосовали С.Н.Бабурин, В.Б.Исаков, И.В.Константинов, П.А.Лысов, С.А.Полозков, Н.А.Павлов; воздержались 7 членов Верховного Совета России.

После Минска я встречался с Ельциным, Назарбаевым, Муталибовым, Набиевым, беседовал с Кравчуком, Шушкевичем, Акаевым. Вчера снова звонил мне Назарбаев. Сказал, что азиатские республики собираются обсудить свою совместную линию в Ашхабаде.

В конце концов, каждый в политике делает выбор. В свое время я был инициатором референдума, первого в истории нашего Отечества. Народ проголосовал тогда за Союз. Соглашаясь преобразовать его в Союз Суверенных Государств как конфедеративное государство, мы уже тогда отступали от того, что понималось под обновленным Союзом, за что голосовали на референдуме. Но все же могли говорить о единой стране, едином Отечестве.

По чести говоря, надо было и новое образование — Союз Независимых Государств — представить на суд народа. Пусть народ решит — согласен разделить страну или нет...

18 декабря я направил письмо участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств. Опубликовано оно было 20 декабря и осталось без последствий.

23 декабря, в течение многих часов, с небольшими перерывами, мы с Ельциным обсуждали вопросы перехода от союзного государства к СНГ. 25 декабря я подписал Указ о сложении полномочий Президента СССР и выступил по телевидению с обращением к народу, с которым я ознакомил читателя в начале книги.

Вновь и вновь возвращаюсь мысленно к событиям декабря. И прихожу к выводу, что поступить иначе я не имел права. Пойти наперекор решениям 11 республик, когда их Верховные Советы одобрили Минское соглашение, значило развязать в стране кровавую бойню, которая могла перерасти во вселенскую катастрофу. А мое тогдашнее состояние, логику действий в известной мере передают приводимые рассуждения из беседы с корреспондентами «Комсомольской правды» (24 декабря 1991 г.).

— Знаете, — говорил я им, — хотя в эту концепцию Содружества не верю, раз пошли республики, я не могу, не считаю возможным в нынешней

сложнейшей ситуации раскалывать общество.

— У Бека в «Новом назначении», — сказал В.Фронин, — описывается такая болезнь: «сшибка», конфликт между внутренним состоянием личности и необходимостью выполнять свои функциональные обязанности. Возможно, показалось, но вы сейчас описали симптомы именно этой болезни.

— Я все-таки не раздваиваюсь, но есть интересы, которым подчиняюсь и как политик, и как человек. Если создание Содружества поможет согласию людей, надо смирить свою гордыню.

— У нас есть ощущение, что созданием Содружества вы в какой-то степени пугаете. Вы сами когда-то говорили, что нам «подбрасывают» то идеи о голоде, то о катастрофе, а теперь и у вас появились похожие интонации...

— Я и сейчас не хочу никого запугивать. Но об опасностях должен сказать? Думаю, самые большие опасности связаны с двумя моментами: с расчленением страны, с решением вопросов гражданства. Вы представляете ограниченное границами и паспортами передвижение в мире, где 75 миллионов живет за пределами своих родных мест? Вот об этом я думал, когда говорил, что мы заложим страшные бомбы.

— Все-таки и единый рубль сохраняется, и Украина не уходит.

— Еще неясно, объединение это или разъединение. Знаете, какая концепция была у Бурбулиса? Нужен центр, чтобы осуществить бракоразводный процесс независимых государств.

— Брак для развода? Вряд ли...

Глава 45. Мы и внешний мир после путча

Как восприняли путч за рубежом

Путчисты были готовы пренебречь реакцией международного сообщества. Не учли принципиальные изменения в международном положении нашего государства, особенно в отношениях с США и европейскими странами. Поначалу, может быть, и были некоторые колебания, однако очень скоро большинство правительств осудили путч и отвергли претензию ГКЧП представлять СССР.

Из всех разговоров, которые я имел в первые часы и дни после возвращения в Москву — с Бушем, Миттераном, Колем, Мейджором, Андреотти, Малруни, Хоуком, Кайфу, Мубараком, другими главами государств и правительств, — никто путчистов не одобрил. Кроме Каддафи и Хусейна. Новые отношения с внешним миром наряду с демократическими завоеваниями перестройки — один из главных факторов, предопределивших поражение заговора.

В начале сентября 1991 года, спустя несколько дней после провала путча, состоялась — в соответствии с ранее намеченным планом — Московская гуманитарная конференция в рамках СБСЕ. У нас были серьезные сомнения — проводить ее, отложить или перенести в другую страну. Тогда еще было много неясностей. Но консультации с правительствами европейских государств, США и Канады показали, что все они — за проведение конференции в Москве в намеченный срок. Нам дали понять, что видят в этом долг солидарности с победившей демократией.

В своем выступлении при открытии Московского совещания я сделал упор на тех аспектах защиты прав человека, которые особенно резко высветила сложившаяся у нас ситуация. Один из них — права меньшинств. И прежде всего я думал в тот момент о судьбе русских в государствах Прибалтики, которые как раз в эти дни отделились от Советского Союза, были приняты в СБСЕ. Отношение к меньшинствам в этих странах уже тогда вызывало серьезную тревогу. Если, говорил я, Европа не хочет оказаться перед лицом потока беженцев, вооруженных конфликтов, межнациональной ненависти, гибели людей и разорения городов и сел, она должна очень строго следить за соблюдением прав меньшинств всеми государственными субъектами на ее пространстве.

Я считал, что после заключения нового Союзного договора нужно еще активнее действовать на всех направлениях, предусмотренных Хартией для новой Европы, участвовать в совместной выработке оптимальных подходов, чтобы не сыграть на руку силам сепаратизма и национального экстремизма, не

нанести ущерба начавшемуся формированию новой Европы. Исходил из того, что европейцы и все мировое сообщество, наученное югославской трагедией, заинтересованы в сохранении целостного государства на 1/6 части земного шара как одного из основных гарантов нового мирового порядка. Тогда у нас и на Западе раздавались голоса, ратовавшие за то, чтобы сохранить Союз ради того, чтобы иметь противовес объединенной Германии. Я считал, что обновленный Союз и новая единая Германия как раз и могут стать могучим фактором сотрудничества и мира во всей Европе, своим дружественным взаимодействием дадут мощный импульс общеевропейскому процессу без потрясений и хаоса.

Проведение в Москве представительного международного форума дало возможность встретиться со многими моими старыми друзьями и партнерами, обсудить с ними волновавшие и нас, и их вопросы. Решения, принятые незадолго до того Пятым внеочередным съездом народных депутатов СССР, открывали возможность превращения страны в Союз Суверенных Государств. Это коренным образом меняло и ситуацию в Европе. В беседах с Бейкером, другими руководителями внешнеполитических ведомств Запада, приехавшими в Москву, я подчеркивал, что в этой новой ситуации будущий Союз Суверенных Государств должен стать восприимчивым всего позитивного, что было в предшествующие годы сделано СССР на международной арене.

Остро восприняло сообщение об августовском путче испанское руководство. 11 сентября я принял приехавшего в Москву на гуманитарную конференцию Ф.Ордоньеса, который сказал:

— Фелипе Гонсалес поручил мне передать вам свое устное послание. Прежде всего он просил сказать, что все мы в дни путча испытали огромное напряжение и озабоченность вашей судьбой и судьбой вашего дела. Напряжение усилилось в связи с тем, что первая информация, поступившая из Советского Союза, носила крайне неопределенный характер. Нас также крайне беспокоила «смазанная» реакция на события в вашей стране со стороны некоторых наших партнеров. Исходя из этого, мы поставили перед собой задачу добиться необходимой жесткой реакции международного сообщества на происходившее в

СССР.

Позднее, в конце октября, когда мне довелось вновь посетить Мадрид в качестве сопредседателя Международной конференции по Ближнему Востоку, Гонсалес рассказал, как он действовал, узнав о путче. «Утром 19 августа после сообщения о перевороте я в вертолете по дороге в Мадрид за два часа пути составил правительственное заявление с недвусмысленной характеристикой происшедшего. Этот проект мы обсудили с моим заместителем и министром иностранных дел. Три главных элемента в нем я считал абсолютно необходимыми: охарактеризовать происшедшее как государственный переворот, потребовать сохранения политики перестройки в полном объеме, призвать международное сообщество к скоординированным действиям, чтобы в Советском Союзе знали, что мир со сложившейся ситуацией мириться не будет.

Министр иностранных дел, уже имевший информацию от всех западных коллег, прямо сказал, что мы — единственные, кто занял такую позицию. Я ему ответил, что это не может повлиять на наш принципиальный подход, путчисты не должны укрепляться у власти. Сказал, что необходимо начать соответствующие усилия по координации шагов с союзниками. Сам позвонил Бушу, он летел в этот момент из Мэна в Вашингтон, и рассказал о нашем заявлении. Буш откровенно мне сказал, что для него главное, чтобы не пришлось говорить общественному мнению, прессе США, что в результате событий в Москве под угрозой оказывается вся система безопасности Восток—Запад. После Персидского залива он не мог себе позволить опять мобилизовать американское общество из-за возникновения напряженности в Европе. Его можно, конечно, понять, но я ему тогда сказал, что заявление свое не изменю.

Я, — продолжал Гонсалес, — также обратился к Бушу с просьбой, чтобы он по прямой связи позвонил в Кремль — у меня нет такой линии, а по обычным каналам меня в Москве ни с кем не соединяют. Пусть Президенту США из Кремля объяснят, что происходит и где Горбачев. Буш согласился со мной, но я сказал, что и этого недостаточно. Необходимо по всем официальным каналам оказывать соответствующее давление на путчистов. И еще одно — давайте,

сказал я ему, условимся не говорить о Горбачеве и его деле в прошедшем времени. Он тоже с этим согласился».

Затем Гонсалес (чувствовалось, что он тяжело переживал этот разговор) сказал мне прямо: «Михаил, у меня в те дни сложилось впечатление, что Запад воспринял происшедшее как необратимое и был готов смириться с этим. Я это настроение ощутил даже среди своих ближайших сотрудников. Отсюда делаю вывод, что политические лидеры Запада не имеют сегодня уверенности в способности Советского Союза сохраниться и поэтому исходят из двух возможных вариантов, включая распад СССР. Меня, — признался Фелипе, — это очень гнетет». Он не мог скрыть своего возмущения школярской, близорукой позицией некоторых своих коллег по НАТО: министр иностранных дел одной натовской страны в его присутствии заявил, что не видит ничего страшного в появлении в Европе 100 государств вместо 34, подписавших Парижскую хартию.

Во время моего пребывания в Мадриде произошла еще одна знаменательная встреча, которую по уникальности трудно с чем-либо сравнить. Король Испании решил воспользоваться одновременным пребыванием в его столице президентов США и СССР и пригласил нас с Бушем на «дружеский ужин», в котором участвовал и Фелипе Гонсалес.

Разговор начался с вопросов открывавшейся на утро конференции по Ближнему Востоку. Но больше всего моих собеседников интересовало положение в СССР. Это был четырехчасовой поразительно откровенный, «мужской» разговор. Гонсалес говорил: ч — Действия путчистов — пример того, когда люди разрушают то, что якобы хотят спасти. Никто так не способствовал центробежным тенденциям в СССР, как они. А между тем Европе и миру нужен Союз. В Европе создаются две основные окружности — одна на Западе, тяготеющая к ЕС, другая должна быть на Востоке. Это нынешний Советский Союз, Союз Суверенных Государств, за который вы выступаете. Если второй окружности не будет, не будет важной опоры стабильности в Европе и в мире. Образуется опасный вакуум.

— Нас всех, — сказал Дж.Буш, — волнует будущая судьба Союза. Как

следует воспринимать речь, с которой только что выступил Ельцин? — задал он мне вопрос. Ее политическая часть вызвала у моих собеседников (не без оснований) сомнения в приверженности Президента России новому, уже согласованному проекту Союзного договора.

Я старался, естественно, сгладить это впечатление, говорил об окружении Ельцина, о его подверженности влияниям. Но не мог не признать: в речи есть такие вещи, которые уводят от концепции союзного государства. (Между прочим, Егор Яковлев, который был с нами в этой поездке, прочитав речь, сказал: Ельцин будет разрушать Союз, но так, чтобы свалить вину на другие республики.)

Моих собеседников интересовала позиция украинского руководства, в частности Кравчука, руководителей других республик. И им, людям рационально мыслящим, просто трудно было понять действия некоторых руководителей республик. Мнение сводилось к тому, что в современных государствах понятие самоопределения нельзя доводить до абсурда. Отделение — это абсурд. До какой степени делиться? Вплоть до самоопределения поселка? Но это логический итог, если начинать дробление. В самом деле: центра, олицетворявшего тоталитарные структуры, больше не было, а борьба «против центра» продолжалась.

Тогда я был убежден и говорил участникам этой необычной встречи: шанс создать полнокровный новый Союз, такой, где республики будут действительно суверенны, еще есть. Этим же я руководствовался в своих действиях в октябре—ноябре 1991 года.

Буш посетовал, что будущий год будет для него трудным, предстояли президентские выборы.

— Не хочу, — сказал он, обращаясь ко мне, — сравнивать эти заботы с той гигантской задачей, которую решаете сегодня вы. Это потрясающая, захватывающая драма. Мы следим за ней, затаив дыхание, и желаем вам успеха.

Новые усилия в пользу реформ

После августовского путча возникла совершенно новая ситуация. С одной

стороны, отпали многие препятствия на пути радикальных перемен. Мы получили уникальный шанс для ускорения реформ, более быстрого перехода к рынку. С другой — последствия путча обострили политическую борьбу, подтолкнули центробежные тенденции в Союзе, усугубили кризис народного хозяйства.

Началось расстройство основных систем жизнеобеспечения, прежде всего продовольствием и топливно-энергетическими ресурсами. Критической точки достигли валютные трудности. Поступления средств по ранее согласованным кредитам в дни путча оказались замороженными. Полностью прекратилось предоставление краткосрочных средств на финансовых рынках. Затруднилось проведение всех других валютных операций. Необходимо было срочно разблокировать предоставленные ранее кредиты и изыскать до конца года дополнительно 5—8 миллиардов долларов. В противном случае свертывание импорта повлекло бы за собой спад производства, особенно в машиностроении и легкой промышленности.

В сложившейся ситуации проблема экономической поддержки реформ со стороны Запада приобрела неотложный характер. Западные партнеры, в общем, понимали это. Но продолжали колебаться, «переминались с ноги на ногу». В сентябре—ноябре 1991 года, несмотря на огромную занятость внутренними делами, я чуть ли не каждый день, чаще по вечерам, встречался с зарубежными деятелями (на иной день приходилось по две-три встречи), стремясь побудить их к конкретным шагам. Среди моих собеседников в те месяцы — Мейджор, Коль, Миттеран, Буш, Андреотти, Гонсалес, министры иностранных дел и финансов всех стран «семерки», многих других стран Европы, парламентарии, крупные бизнесмены.

Началось все с переговоров с Мейджором — координатором «семерки». Его позиция имела существенное значение в определении линии других партнеров. Разумеется, я помнил, что до Лондонской встречи он не был в числе тех, кто активно поддержал концепцию встречного движения в процессе интеграции Советского Союза в мировое экономическое сообщество. Надо,

однако, отдать должное британскому премьеру — он первый из западных руководителей прилетел в Москву (1 сентября), чтобы на месте оценить сложившуюся ситуацию и обсудить пути реализации лондонских договоренностей.

Разговор происходил накануне открытия Пятого съезда народных депутатов. Я информировал премьер-министра о развитии событий, о том, что предпринято после путча, о наших планах. И, конечно, сразу выделил главную мысль: нужна более существенная и открытая поддержка со стороны западных стран. Прямо сказал:

— Я знаю, что и сейчас у вас идут споры. Мне известно, что вы обсуждали этот вопрос с президентом Бушем. Хочу сказать откровенно: вам тоже надо отказываться от догм и стереотипов в вопросе о том, когда нужно оказать поддержку Советскому Союзу.

В конкретном плане речь шла о поддержании нашего импорта, который пришлось бы фактически свернуть без отсрочки текущих платежей, о проблеме обслуживания внешнего долга, содействии скорейшему переходу к конвертируемости рубля, структурной перестройке через осуществление крупных международных инвестиционных проектов. Наконец, о помощи в развитии частного сектора и подготовке кадров для рыночной экономики.

Мейджор сказал, что западные политики действительно с тревогой обсуждают ситуацию в СССР и линию «семерки» в этой связи. Его высказывания подтвердили впечатление, что европейцы лучше чувствовали ситуацию, чем, скажем, Япония или США. Он говорил об «огромном облегчении», которое испытали он и его коллеги в связи с провалом путча. Но упомянул и об озабоченности Запада рядом проблем — таких, как процесс подготовки Союзного договора, формы связей между республиками и центром, контроль над ядерным оружием и, конечно, перспектива экономических реформ и управляемости экономикой.

Мейджор заверил меня, что они заинтересованы в успехе реформ. Вновь назвал те сферы (продовольствие, медикаменты, консультации экспертов и т.д.),

где США и Великобритания готовы оказать помощь в самом оперативном порядке и намерены активно побуждать к этому других участников «семерки». Мы рассмотрели возможные способы смягчения проблемы нашей внешней задолженности и договорились, что эксперты оперативно обсудят все поставленные мной вопросы, а затем Мейджор проинформирует лидеров «семерки».

Я попросил Джона быть готовым к еще одной встрече в этот день поздно вечером. К этому времени рассчитывал закончить выработку Совместного заявления с руководителями республик. Так и вышло — почти. За окном кремлевского кабинета была глубокая ночь, когда я излагал Мейджору содержание Совместного заявления. Он задал несколько вопросов, в частности — о преемственности во внешне-экономических связях (на другой день мы включили в текст подтверждение всех внешнеэкономических обязательств СССР). Было видно, что заявление произвело на него впечатление.

По просьбе Мейджора мы продолжили беседу с глазу на глаз. Речь шла о вопросах контроля над ядерным оружием и новых данных, касавшихся подозрений Запада относительно проведения в Советском Союзе работ по биологическому оружию. Я обещал провести дополнительное расследование, поручив его новым людям. И был задан еще один вопрос, который я не считаю себя вправе воспроизводить, но, думаю, могу привести свой ответ:

— Можете исходить из того, что сотрудничество Горбачева и Ельцина — это реальность. Такая реальность, что если она будет подорвана, то это будет губительно. И между нами есть понимание, что наше взаимодействие вступило в новую фазу.

— Нам очень хотелось бы, — реагировал он, — чтобы в новых обстоятельствах у вас сложились правильные рабочие взаимоотношения. И кажется, это происходит.

6 сентября моим собеседником был министр экономики, финансов и бюджета Франции Пьер Береговуа.

— Мы преисполнены желанием, — говорил я, — выйти из нынешней

кризисной ситуации, все ждут этого. И к Франции обращаемся как к старому и доброму другу. К сожалению, передрыги последнего времени помешали реализации договоренностей, достигнутых с президентом Миттераном по крупным проектам в аграрной области, в области энергетики и некоторых других. Но все эти проекты остаются в силе.

Думаю, началом осени можно датировать признаки сдвига в отношении содействия нашей стране со стороны ранее колебавшихся наших партнеров. Но давался этот сдвиг нелегко. Как и прежде, французы, немцы, итальянцы проявляли большее понимание. Это проявилось в беседах с Береговуа, Геншером, Дюма, Де Микелисом, Вайгелем и многими другими деятелями, с которыми мне пришлось разговаривать в тот период.

Состоялся разговор по телефону с Кодем. Канцлер сообщил, что в конце недели намечена «принципиально важная» встреча заместителей министров финансов стран «семерки», и просил принять 12 сентября статс-секретаря Х.Келлера. Очень важно, сказал Коль, чтобы до встречи он мог условиться о ряде аспектов. Мы договорились и о поездке в Бонн Яковлева.

Разумеется, все, с кем тогда пришлось вести переговоры, хотели быть уверенными, что помощь не уйдет в песок, не станет жертвой «войны» между центром и республиками. Многие вызывало у них тревогу. Характерны слова Де Микелиса, сказанные в беседе со мной 9 сентября: «Для меня абсолютно ясно, что отсутствие у вас координирующего центра в переходный период грозило бы провалом всех планов». Мне постоянно тогда задавали вопрос: с кем иметь дело, как распределены полномочия между центром и республиками?

Я рассчитывал на то, что республики будут следовать достигнутым договоренностям. И с их стороны необходимо было одно — политическая воля, решимость действовать разумно в собственных же интересах.

Конечно, я понимал, что серьезного сдвига не будет без изменения позиции США. Поэтому ключевое значение имела состоявшаяся 11 сентября беседа с Бейкером. За три года наши отношения стали такими, что можно было начинать разговор без околичностей и предисловий. И он получился широким по

охвату вопросов — политических и экономических.

В этот же день я встретился с министрами иностранных дел Дании — У.Эллеманом-Енсенем, Норвегии — Т. Столтенбергом, Швеции — С.Андерссоном, Финляндии — П.Вярюненом и специальным помощником министра иностранных дел Исландии Т.Олафссоном.

— Что конкретно советская сторона ожидает от Запада, в первую очередь от «семерки»? — спросил Столтенберг.

— Первое и главное, — ответил я, — содействие в решении неотложных проблем с продовольствием, медикаментами, в финансовых вопросах. Мы рассчитываем на поддержку «методом быстрого реагирования». Остальное, когда выйдем на экономический договор, будем решать на основе нормального сотрудничества в осуществлении проектов, программ, на базе органического включения советской экономики в мировую.

Король Саудовской Аравии Фахд, получив мое послание, переданное специально посланным мной в Эр-Рияд Примаковым, направил в Москву своего личного представителя принца Бендера бен Султана, которого я принял 19 сентября. Он сообщил о готовности Саудовской Аравии ускорить осуществление ранее достигнутых договоренностей о кредите, а также оказать помощь в удовлетворении наших неотложных потребностей в продовольствии и медикаментах.

«Мы считали бы прискорбным, — сказал Бендер бен Султан, — если бы республики Советского Союза разошлись и действовали поодиночке. Это было бы плохо для Советского Союза, для нас, для всего мира. В интересах всех нужно, чтобы они остались вместе. Помощь, которую готово оказать международное сообщество, будет существенной только в том случае, если ее получателем будет единая страна. В противном случае готовность помочь будет меньшей».

23 сентября представилась возможность обсудить весь этот круг вопросов с Андреотти, который остановился в Москве, возвращаясь из Китая. Я поблагодарил его за поддержку в августовские дни. Рассказал собеседнику, как

развивались события. Затем мы вернулись к встрече в Лондоне, к вопросу о реализации достигнутых нами договоренностей. Андреотти сказал, что в ноябре в Риме будет заседать совет НАТО. Цель заседания — учесть изменения, происшедшие в мире и в Европе, решить, как строить дальнейшую политику.

Программа взаимодействия с «семеркой», перечеркнутая в Беловежской пуще

Думаю, в сентябре 1991 года начала вырисовываться серьезная программа партнерства со странами «семерки» в решении неотложных проблем нашей страны и выходе на новые рубежи сотрудничества. В процессе совместной работы эксперты с обеих сторон убеждались, что проблемы острые, но разрешимы и не так уж велики по сравнению с потенциалом страны. В конце концов, говорил я, что такое для нашей страны внешний долг в 65 миллиардов долларов? Дело даже не в том, что еще большую сумму — 84 миллиарда долларов — должны нам, а в общем потенциале страны.

В октябре работа на уровне экспертов по уточнению наших потребностей и выработке путей совместного решения проблем шла полным ходом. 5 октября я встретился с президентом Всемирного банка Л.Престоном. Подчеркнул:

— Сейчас мы на самом трудном, болезненном, хотя и многообещающем отрезке в нашем движении к рынку. Мы не первые, наверное, и не последние, кому приходится претерпевать такие глубокие перемены. На наших глазах это происходит в Восточной Европе, такой переход совершают Мексика, Бразилия и другие страны. Это часть общего движения. Но у нас оно сопряжено с особыми трудностями. Не просто поворачивать такую огромную махина, как наша страна.

— Да, — согласился Престон. — Это часть одной тенденции, но у вас и корабль больше, и экипаж сложнее. — Он рассказал о проекте содействия аграрной реформе, которую обсуждал в Москве с хозяйственными руководителями различного уровня. Речь шла об участии банка в модернизации агробизнеса, создании инфраструктуры, охватывающей хранение, транспортировку и переработку. Я заявил, что решительно поддерживаю проект. Было подписано соответствующее соглашение.

Краткосрочные потребности в кредитной и гуманитарной продовольственной помощи я обсуждал 9 октября с министром сельского хозяйства США Э.Мэдиганом.

Октябрь прошел в интенсивной работе на уровне экспертов — наших (центра и республик) и «семерки», а также ЕС. Тщательно просчитывались все потребности и возможности. Наступало время принятия принципиальных решений. Буквально в день моего отлета на открытие Мадридской конференции по Ближнему Востоку, где предстоял разговор с Бушем, представители республик и наших западных партнеров приняли важные решения о принципах обслуживания внешнего долга СССР. Подготовка их шла в условиях серьезной политической борьбы вокруг проблемы будущего Союза.

Настойчивая, многоплановая работа с зарубежными партнерами не оставалась безрезультатной. 12 ноября Мейджор сообщил мне, что в «семерке» и ЕС удалось согласовать программу срочной помощи в объеме 10 миллиардов долларов. Сообщение это поступило буквально на следующий день после окончания римской сессии совета НАТО, где также обсуждалась ситуация в Союзе, о чем меня информировал специально направленный Андреотти в Москву его советник Ваттани (13 ноября). Предложения «семерки» о массивной помощи обуславливались готовностью суверенных республик, включая Россию, принять на себя обязательства СССР по внешней задолженности и проявить «сдержанность» в отношении формирования собственных вооруженных сил.

Спустя неделю в Москву для переговоров на эту тему прибыли специальные представители «семерки», так называемые «шерпы». Я принял их 20 ноября. К этому времени они провели переговоры на уровне союзного и республиканских правительств. Переговоры шли трудно, но в итоге выяснилось, что 8 или 9 республик выразили готовность подписать меморандум о договоренности без каких-либо оговорок. Уикс проинформировал меня о состоявшихся переговорах, о том, что пакет западных предложений включает семь взаимоувязанных элементов. В нем предусматривалась отсрочка платежей

основной части задолженности на определенных условиях. Важным элементом представленных предложений была их взаимосвязь с экономическими реформами внутри страны. Я подтвердил, что именно так ставился мною вопрос на встрече с руководителями «семерки» в Лондоне. Сейчас, подчеркнул Уикс, необходимо разработать механизм оказания содействия вашим реформам.

К этому времени была достигнута договоренность о предоставлении нашей стране статуса ассоциированного члена Международного валютного фонда. В 20-х числах ноября в Москву приехал исполнительный директор МВФ Камдессю. Мы обсудили возможную роль фонда в содействии нашей экономической реформе. От имени Советского Союза я подписал протокол о вступлении СССР в качестве ассоциированного члена в Международный валютный фонд. При этом имелось в виду, что в скором времени нам будет предоставлен статус полноправного члена МВФ.

Спустя несколько дней я получил важное послание от Джона Мейджора, которое мне принес посол Р.Брейтвейт (2 декабря). В нем конкретно перечислялись обязательства «семерки» по оказанию продовольственной и медицинской помощи, интеграции Союза в мирохозяйственные связи. Однако через неделю произошла «Беловежская пуща».

Мейджор в срочном порядке направил в Москву специального представителя британского правительства Д.Эпларда. Мы беседовали с ним 13 декабря. Миссия Эпларда, как он пояснил, состояла в том, чтобы, во-первых, из первых рук получить представление о последних событиях в Москве, Минске и Киеве; во-вторых, прояснить вопрос о международных обязательствах Советского Союза в новой ситуации.

Изложив свое видение создавшейся обстановки, я счел необходимым сказать: «Передайте господину Мейджору, что я очень удовлетворен сотрудничеством с ним. Его позиция после июля приобрела большой масштаб, я чувствовал его большую расположенность к нам. Я знаю, что он понимает процессы, которые у нас идут. Пожалуйста, передайте ему, что нельзя останавливать помощь. Надо ее увеличить. Надо все сделать, чтобы спасти

демократию у нас. А это значит, необходимы продовольствие, товары, медикаменты, надо не допустить, чтобы люди вышли на улицу».

Эплярд сказал, что из-за совещания в Маастрихте Мейджор не сможет, как он надеялся, прибыть до конца года в Москву. Я понимал, конечно, что дело не в этом. У меня не было оснований обижаться. «Жизнь, — сказал я, — обгоняет нас, история снова ускоряет свой ход».

Зарубежное эхо на беловежские решения

Беловежское соглашение о роспуске Советского Союза вызвало за рубежом разную реакцию. Среди западных политиков второго эшелона было немало таких, кто рассматривал ликвидацию СССР как основную цель, ради которой и велась «холодная война». В этих кругах сообщение о беловежских решениях вызвало удовлетворение, а кое у кого — ликование. Однако основные фигуры на международной политической арене восприняли эту акцию с тревогой. В своей политике, как только возникла сама проблема, они, руководствуясь, естественно, национальными интересами, делали выбор в пользу сохранения целостности нашего государства. Их высказывания на этот счет я приводил выше. Для любого серьезного государственного деятеля было очевидно, что распад СССР создаст опасный геополитический вакуум с трудно предсказуемыми последствиями.

Вместе с тем некоторые зарубежные политики поверили, что объявленное в Беловежской пуще СНГ станет реалистическим вариантом замены СССР. Отсюда и размытость у кое-кого позиций, которую я почувствовал в телефонных разговорах с некоторыми лидерами Запада в те полные драматизма декабрьские дни.

Еще до беловежского сидения, 3 декабря, мне позвонил Коль, он с беспокойством спрашивал, как обстоят дела. Я кратко обрисовал обстановку и призвал канцлера способствовать тому, чтобы не произошло худшего также и для внешнего мира. Договорились вернуться к разговору через неделю.

4 декабря состоялся телефонный разговор с Президентом Польши Лехом Валенсой. Он высказал солидарность с моей концепцией реформирования СССР

и выразил готовность, в случае необходимости, обратиться к народам нашей страны с призывом следовать по эволюционному пути реформ.

На другой день я беседовал с венгерским премьером Иозефом Ан-талом. Он говорил о необходимости удержать процесс суверенизации в СССР в цивилизованных рамках, не допустить ливанизации страны. Сослался на опасный пример Югославии.

13 декабря позвонил Буш. Отвечая на его вопросы, я сказал:

«Соглашение трех президентов — это лишь эскиз, экспромт. Осталось много нераскрытых вопросов. И среди них главный — нет механизма взаимодействия в объявленном СНГ. Мой подход состоит в том, чтобы придать законный, правовой характер преобразованию государства. Я обратился к народным депутатам. Должна быть выражена воля народов, воля республик. Однако рассмотрение проекта Союзного договора в парламентах республик сорвано. Попраны состоявшиеся после путча договоренности и решения. Вольное заявление, сделанное в Минске главами всех трех республик, означает, что, раз нет СССР, нет и законов, регулирующих общественный порядок, оборону, границы, международные связи».

Стремясь получить информацию из первых рук, Буш принял решение срочно направить в Москву Бейкера. Беседа с ним состоялась накануне Алма-тинской встречи. Приведу краткое ее изложение.

— Моя роль, — подчеркнул я, — должна, очевидно, состоять в том, чтобы использовать свои политические возможности для предотвращения еще большей дезинтеграции. Такая угроза есть.

Как опытный человек, вы понимаете, что соглашение, заключенное в Минске, можно легко было принять, но на его основе невозможно жить. Необходимо, чтобы процесс обрел выраженные формы и черты, чтобы были выработаны принципы, а главное — механизмы, обеспечивающие жизнеспособность СНГ. Общество находится в состоянии неопределенности, нестабильности. А времени очень мало, и действовать надо быстро.

Бейкер сказал примерно так: администрация делает все возможное, чтобы

не втягиваться в наши внутренние дела. США заинтересованы в том, чтобы трансформация у нас происходила упорядоченным и конституционным путем, ибо если этот процесс не увенчается успехом, то дезинтеграция еще более усилится со всеми негативными последствиями для советского народа и для внешнего мира.

— Мы разделяем, — сказал он, — вашу точку зрения, что Беловежское соглашение является лишь оболочкой. Более того, уже имели место противоречивые заявления, расходящиеся даже с положениями подписанного соглашения.

Дж.Бейкер выразил сомнение в том, что СНГ сможет создать общую оборону.

— Из бесед здесь, в Москве, — сказал он мне, — я понял, что будет 10 полностью независимых суверенных государств. И каждое будет иметь свою собственную внешнюю политику. В таком случае возникает вопрос: как может идти речь о совместной обороне, если будет 10 отдельных внешних политик? И кто будет давать указания главнокомандующему совместными вооруженными силами, от кого он будет получать директивы?

— Вы правы, я предвидел такой оборот дела, — сказал я. — Мои пророчества начали сбываться быстро. Положение очень трудное.

На вопрос Бейкера, как им, американцам, сейчас поступать, я сказал, что сейчас для Содружества главное — дополнительная продовольственная помощь.

Бейкер спросил, что имеется в виду под переходным периодом, о котором ему говорил Ельцин.

Необходимо, ответил я, полноценное соглашение о Содружестве, чтобы канализировать процесс во всех областях в правильном направлении; должно быть все-таки ясно, что с этого «пространства» будет исходить в мир.

Я повторил ему то же, что отстаивал и перед своими гражданами: потребуются по крайней мере заключительное заседание Верховного Совета СССР. И необходимо соглашение относительно внешней политики. Международное сообщество должно знать, с кем оно имеет дело, — то ли это

десять государств и внешних политик, то ли политическое образование, имеющее согласованную внешнюю политику и выступающее в качестве преемника Советского Союза, в частности, в Совете Безопасности ООН, а также по важнейшим договорам, заключенным СССР.

— Меня критикуют: дескать, Горбачев хочет подорвать идущий процесс, потому и требует созыва Съезда народных депутатов и т.д. Но я понимаю ответственность момента, понимаю, какой вопрос мы решаем: единое государство прекращает существование, была одна страна, пусть и с противоречиями, а теперь она начинает делиться на разные государства. Это очень серьезно, такое может решать только народ.

Меня вот что еще волнует: идет обвал экономики. Поэтому так важно положить конец политической шизофрении.

Ельцин мне постоянно говорит: не пугайте людей. Конечно, мое положение очень деликатное, но я не могу не предупреждать.

Словом, я попытался представить госсекретарю США реальный процесс, происходящий в стране после беловежской встречи. На следующий день мне позвонил Франсуа Миттеран. Вот его слова: «Вы, конечно, понимаете, что я внимательно слежу за событиями у вас. Вероятно, вы помните, что во время вашего последнего визита (в конце октября на юге Франции) я выразил пожелание, чтобы все республики оставались едиными и объединенными. Я сказал тогда и хочу повторить сейчас, что это крайне необходимо не только для вашей страны, но и для всей Европы, для сохранения равновесия как на Востоке, так и на Севере Европы. События, происходящие в вашей стране, глубоко нас интересуют и одновременно не могут не беспокоить. Как и прежде, я считаю, что Вы были и остаетесь гарантом стабильности и постоянства в этой стране. Хочу, чтобы вы знали, что сейчас, когда возникли столь серьезные трудности, Франция пристально и с чувством понимания и симпатии следит за каждым вашим действием, за каждым вашим шагом».

19 декабря вечером позвонил Коль. «Введи меня в курс дела, — попросил он. — Что там у вас происходит, какие последние оценки накануне встречи в

Алма-Ате, куда идет процесс, какое твоё место в этом будущем Содружестве, уверен ли ты, что оно состоится, как ты вообще смотришь на все это?»

Обо всем этом Коль спрашивал с несвойственным ему волнением, даже тревогой.

Первое, что я сказал: отказ от Договора о Союзе Суверенных Государств как конфедеративного, союзного государства — серьезная ошибка стратегического порядка. Исторически страна так сложилась, что надо идти не по пути разъединения, расчленения и разрывов, а по пути перераспределения полномочий. И не только между республиками, но и внутри республик, между регионами — на основе самоуправления.

Разъясняя свою позицию в отношении встречи в Алма-Ате, я сказал Колью: «Моя позиция остается той же. Но раз процесс пошел в другом направлении, надо быстрее пройти организационную стадию. Я обратился с письмом к участникам встречи в Алма-Ате, высказал свои соображения и свои опасения. Если эта встреча завершится созданием Содружества, я сделаю то, о чем не раз говорил: вне Союза я не вижу необходимости и возможности продолжать свою государственную деятельность, это не отвечает моим представлениям».

Первым из иностранных государственных деятелей, с кем я разговаривал после Алма-атинской встречи, был Миттеран. Это было 21 декабря. С первых же слов — доброжелательных и дружеских, как всегда, — я ощутил, что его прежде всего интересовало мое душевное состояние и намерения.

Я поблагодарил его за внимание, кратко проинформировал о решении, принятом в Алма-Ате. Подчеркнул свою заинтересованность в том, чтобы новое межгосударственное объединение стало жизнеспособным.

Вновь выразил беспокойство по поводу того, что не вижу в решениях руководителей суверенных государств четких представлений о механизмах взаимодействия. Не определены и формы преемственности в отношении бывшего Союза. Высказал тревогу по поводу позиции Украины — в том виде, как сейчас, она может серьезно затруднить продвижение реформ и в России. Говорил, что очень хотел бы, чтобы Россия и Украина действовали вместе.

Выйти из кризиса поодиночке — иллюзия.

Сообщил Миттерану, что в ближайшие дни объявлю о своем решении оставить пост президента.

23 декабря состоялся разговор с Мейджором.

На его тревожный вопрос о произошедшем я сказал:

— Да, события в нашей стране, даже при самом оптимистическом взгляде, нельзя не назвать драматическими. Я думаю так: пусть не Союз, но нельзя допустить, чтобы все, что происходит сейчас, привело к большим потерям для нас самих и для всех.

Какой должна быть моя роль, чтобы она была адекватной событиям? Я остаюсь приверженным своей позиции, но вижу реальный процесс как он есть. Пока не думаю, что дело пойдет, как в Югославии. Для меня это самое главное. Надеюсь, и для вас. Остальное в конечном счете жизнь расставит по местам.

У меня просьба: будьте очень внимательны к тому, что у нас происходит. И надо помочь Содружеству, прежде всего России. Это сейчас — основное. Отбросьте рутинные подходы, поддержите усилия, направленные на реформы.

— Когда мы смотрим в будущее, — ответил Мейджор, — то думаем, что нельзя потерять достигнутое. Отсюда стремление помочь вашей стране, в основе которого лежит осознание того, что было сделано вами в последние несколько лет. Что бы ни произошло дальше в связи с решением, о котором вы намерены объявить в ближайшие два дня, нет сомнений, что вы обеспечили себе особое место в истории страны и всего мира. Мы понимаем, какими трудными будут предстоящие месяцы.

— Нужна также финансовая помощь, — продолжал я, — чтобы рубль стал крепким и стабильным. Нельзя жалеть на это 5—10—15 миллиардов. В противном случае, если процесс преобразований будет сорван, придется всем заплатить цену в десять, в сто раз большую.

24 декабря мне нанес визит итальянский посол Фердинандо Саллео. Он передал послание от президента Коссиги и сугубо личное, написанное от руки письмо председателя совета министров Джулио Андреотти.

Отвечая на вопросы посла, я сказал, что до тех пор, пока будут продолжаться реформы, демократические процессы в обществе, я буду поддерживать соответствующую политику. Главная забота, чтобы состоялись реформы. Нужно построить новую систему, причем так, чтобы она заработала. И если мы не передеремся, решить эту задачу можно.

В этот же день позвонил Малруни. Приветствуя меня, сказал лестные слова:

— Я не знаю, что будет происходить в эти ближайшие дни, но уверен: ваш личный вклад в историю страны и мира поистине уникален. Ваши усилия в деле демократизации СССР, модернизации экономики страны можно охарактеризовать только одним словом — героические. Они оставят неизгладимый след в мире, равно как и ваш вклад в дело разоружения и всеобщего мира.

— Я очень ценю то, что мы смогли сделать вместе за эти годы, — ответил я своему канадскому другу. — То, что мы начали, дав импульс переменам, это такой глубокий процесс, который неизбежно несет в себе элементы нестабильности. Нужно быть готовым к этому, чтобы удержать курс демократических преобразований.

Я считал и продолжаю считать, что можно справиться с нашими проблемами и задачами только в рамках политического процесса, обеспечивающего взаимодействие между республиками. События пошли по другой колее, и это усиливает многочисленные опасности. Если пойти слишком далеко по пути разделения, это может погубить реформы на решающем этапе.

Вчера, беседуя с Ельциным, я все время подчеркивал: сейчас надо все сделать для того, чтобы было максимальное сотрудничество республик, насколько это возможно в рамках Содружества. Хотя сделать это будет труднее, чем в Союзе.

Однако считаю: сейчас надо отбросить политические разногласия, не допустить конфронтации. Общество в очень трудном состоянии.

В ближайшее время приму свое решение. Естественно, я не уйду из

политики и общественной жизни. У меня большие планы, и, думаю, мы сможем продолжить контакты и сотрудничество.

Как и Бушу, Мейджору, я говорил Малруни о необходимости оказать большую поддержку России.

— Здесь очень острая социальная ситуация, а на России ведь ответственность за то, чтобы реформы пошли везде. Я хочу, чтобы был успех, несмотря на то что сохраняю критическое отношение к идее Содружества.

В ответ на вопрос: как им, странам Запада, вести себя с новыми государствами, я сказал:

— Позиция канадского правительства и других, думаю, должна состоять в том, чтобы помочь Содружеству в главном — ваши шаги должны стимулировать сотрудничество и взаимодействие республик. Разлад, дезинтеграция имели бы опасные последствия также и для Европы и всего мира. Могут возникнуть такие неожиданности, с которыми уже невозможно будет справиться.

25 декабря состоялся еще один разговор по телефону с Бушем. Я ему сообщил, что примерно через два часа сделаю заявление об уходе. Сказал, что только что направил ему прощальное письмо. Однако пользуюсь этим звонком, чтобы еще раз подтвердить, что я высоко ценю то, что нам вместе удалось сделать — и когда он был еще вице-президентом, и в особенности когда мы оба стали президентами. Выразил надежду, что руководители стран Содружества, в первую очередь России, понимают свою ответственность за то, чтобы капитал, накопленный нами в эти годы в советско-американских и международных отношениях, был сохранен и приумножен.

— Несомненно, Джордж, — продолжал я, — надо идти по пути признания государств СНГ. Я бы просил иметь в виду следующее. Очень важно и для Европы, и для мира, чтобы в СНГ не обострились противоречия. Поэтому важна поддержка СНГ как межгосударственного образования, а не только его членов в отдельности. Не дезинтеграцию, не разрушительные процессы, а сотрудничество — вот что надо стимулировать. На это я делаю акцент.

Второй акцент — это поддержка России. Нужно, чтобы и США, и ЕС,

международное сообщество общими усилиями поддержали Россию. Она возьмет на себя главное бремя реформ.

У меня на столе лежит Указ Президента СССР. В связи с прекращением выполнения мной обязанностей Верховного Главнокомандующего я передаю право на использование ядерного оружия Президенту Российской Федерации. Придаю большое значение тому, что эта сторона дела находится под надежным контролем. Как только я сделаю свое заявление об уходе, указ вступит в действие. Так что вы можете спокойно праздновать Рождество.

Что касается меня, то я не собираюсь прятаться в тайгу. Буду оставаться в политике, в общественной жизни. Свою миссию вижу в том, чтобы помочь налаживанию позитивных процессов у нас в стране, утверждению нового мышления в мировой политике.

Представители американской прессы много раз спрашивали меня, что я думаю об отношениях с вами. Хотел бы не только через прессу, но и непосредственно вам в этот день сказать, что очень высоко оцениваю наше сотрудничество, партнерство, дружбу. Наши роли могут меняться, и они фактически изменятся. Но то, что между нами сложилось и совместно сделано, останется навсегда.

Вот что сказал мне на все это Джордж Буш:

— Хочу заверить, что мы сохраним заинтересованность в ваших делах. Будем стараться помочь, особенно Российской республике, учитывая те проблемы, с которыми она сейчас сталкивается и которые могут обостриться зимой.

Я очень рад, что вы не собираетесь «прятаться в тайгу», будете продолжать политическую и общественную деятельность. Уверен, что это пойдет на пользу новому Содружеству.

Я написал вам письмо, которое будет отправлено сегодня. В нем я выражаю свое убеждение, что сделанное вами войдет в историю и будущие поколения в полной мере оценят ваши достижения.

Я с удовлетворением отмечаю то, что вы сказали о ядерном оружии. Этот

вопрос имеет важнейшее международное значение. Приветствую то, как вы и руководители республик подошли к нему. Также отмечаю ваши слова о том, что передача права применения его Ельцину осуществляется в конституционных рамках. Хочу заверить, что мы и впредь будем самым тесным образом сотрудничать в этом важном вопросе.

Теперь о личном. Я обратил внимание на ваши замечательные, вполне определенные высказывания об отношениях, сложившихся у вас со мной и Джимом Бейкером. Я очень ценю эти слова, они в точности отражают и мои чувства.

Надеюсь, наши дороги вскоре снова сойдутся. Вы будете желанным гостем, мы рады будем вас принять после того, как все уляжется, может быть, здесь, в Кэмп-Дэвиде.

Мое дружеское отношение к вам неизменно и по мере дальнейшего развития событий будет таким всегда. На эхрт счет не может быть никаких сомнений.

Конечно, я буду с должным уважением, открытостью, позитивно и, надеюсь, на прогрессивной основе строить отношения с руководителями Российской и других республик. Мы будем вести дело к признанию, с полным уважением суверенитета каждой республики. Будем работать с ними по широкому кругу вопросов. Но это никак не повлияет на мою решимость поддерживать контакты с вами, прислушиваться к вашим соображениям уже в новом качестве, беречь нашу дружбу с вами и Раисой. Мы с Барбарой очень дорожим ею.

Последним из иностранных деятелей, с кем я говорил, будучи еще президентом, был Ганс-Дитрих Геншер — министр иностранных дел Германии. Вспомнили с ним о том, что нам удалось вместе сделать хорошего в эти годы и для наших стран, и для Европы.

25 декабря я подписал прощальные письма государственным деятелям, с которыми на протяжении более шести лет работал над решением сложных международных проблем. Начался новый этап в моей жизни. Однако

международная политика осталась в центре моих интересов.

Post scriptum

Для меня начиналась новая полоса в жизни. В Алма-Ате Совет глав СНГ принял решение, касающееся моего статуса и обеспечения после сложения полномочий Президента СССР. В нем есть пункт, в котором принимается к сведению заявление Президента России о том, что все связанные с этим вопросы будут решены руководством Российской Федерации.

По моей просьбе Президент России подписал указ о выделении помещения для размещения Фонда социально-экономических и политологических исследований, который я решил создать и возглавить, с тем чтобы продолжить свою деятельность в новых условиях. (Через несколько месяцев Ельцин откажется от этого решения.)

Никаких проводов не было. Никто из руководителей государств СНГ мне не позвонил. Ни в день ухода, ни после — за три с лишним года.

Вечером 25 декабря должна была состояться передача полномочий Верховного Главнокомандующего Президенту России. Процедуру передачи условились провести в моем кабинете в Кремле. Там уже ждали нас министр обороны Шапошников и несколько генералов, а также офицеры, постоянно дежурившие при том самом знаменитом «чемоданчике» с системой контроля главы государства над ядерным оружием. Прошло несколько минут... Президент России опаздывает. Затем мне сообщают, что он, вопреки нашей договоренности, отказывается прийти. В чем дело? Оказывается, Ельцин вместе со своими приближенными слушал мое выступление и пришел в неистовство.

Спустя некоторое время мне доложили, что Президент России предлагает встретиться на «нейтральной территории» — в Екатерининском зале, то есть там, где обычно ведутся переговоры с руководителями иностранных государств. Ельциным и его командой, по-видимому, все это расценивалось как эффектный ход против Горбачева. Но выглядело это смешно, если не сказать — глупо. Поэтому я не стал утруждать себя размышлениями по поводу возникшей несообразной ситуации и тут же направил Ельцину пакет с указом Президента

СССР о передаче Президенту России полномочий Верховного Главнокомандующего вооруженными силами. Министру обороны Шапошникову вручил «чемоданчик с ядерной кнопкой», попросил доставить его срочно новому владельцу и доложить мне об исполнении. Все было сделано в течение нескольких минут.

Так, уже в первые минуты после сложения с себя полномочий президента страны мне пришлось столкнуться с бесцеремонностью людей, оказавшихся у власти. Как показало дальнейшее течение событий, это был не единичный всплеск мстительных эмоций Ельцина, а проявление определенной линии по отношению ко мне.

Отложив президентские дела, Ельцин лично руководил «изгнанием» Горбачева из Кремля. По его указанию был составлен сценарий спуска Флага СССР и поднятия Флага РСФСР, и сам он проследил за тем, чтобы все выполнялось по графику и было заснято телекамерой. Была договоренность о завершении моих дел в Кремле к 30 декабря. На 27 декабря была назначена беседа с журналистами японской газеты «Иомиури». Но утром мне позвонили из приемной в Кремле и сообщили, что в полдевятого утра Ельцин вместе с Хасбулатовым и Бурбулисом заняли мой кабинет, бурно веселились, распили бутылку виски... Это было торжество хищников — другого сравнения не нахожу.

Мне было предписано за три дня освободить загородную резиденцию и президентскую квартиру. 25 декабря, еще до моего выступления по телевидению, группа лиц появилась в доме по ул. Косыгина, чтобы опечатать квартиру президента. В этой ситуации было решено все сделать быстро. Поняли это и члены семьи, и офицеры охраны — мои «форосцы». Слов лишних не было, действовали не теряя времени, с каким-то даже ожесточением. За сутки переехали в новое обиталище. Наутро я увидел результаты — кучами, вперемешку лежали вещи, книги, посуда, папки, газеты, письма и Бог знает что.

«Великий» переезд состоялся. Надо было размещаться. Я занялся своим «хозяйством» (библиотека, бумаги разных лет — записи, письма, телеграммы, фотографии, справочные материалы). Волны воспоминаний одна за другой

наплывали на меня. Возникали картины и далеких и совсем недавних событий. От этих свидетельств неповторимого времени, прожитого вместе со страной, исходили импульсы, побуждающие к размышлениям.

Я был во власти мучительных раздумий. Снова и снова приходил к одному и тому же выводу — мы еще только в начале того пути, на который встали в марте—апреле 1985 года. Пусть сколь угодно говорят о конце «эпохи Горбачева» — главное только еще начинается. Значит — выводы и уроки нужны сейчас, а не когда-нибудь. Так, с первых дней нового года я был поглощен размышлениями о предстоящей работе над точным, объективным описанием и новым осмыслением тяжелейшей борьбы за демократические реформы, борьбы, в центре которой я оказался.

А жизнь уже с самого начала 1992 года приобрела другое течение и вызвала большие тревоги и опасения за судьбу страны. Беда следовала за бедой. Кавалерийская атака на экономику обернулась для народа России невероятными трудностями. Власть оказалась у людей безответственных и некомпетентных, амбициозных и безжалостных. Становится все более очевидным, что нужна новая комбинация политических сил, новая политика. В тяжелой ситуации не только Россия, но и все остальные государства бывших республик СССР.

Все это в огромной мере результат декабрьского переворота — черной страницы в истории России и Союза. Но это, конечно, не последняя ее страница. Жизнь продолжается, и народы, «освоив» обретенную свободу, найдут новые пути к объединению, к обновлению своей жизни. Верю и надеюсь.

Заключение

О чем сказать в заключение? Наверное, об уроках моей жизни.

Прежде всего об уроках нравственных.

Мне не в чем себя винить, если говорить об отношении к семье. Я всегда старался делать все для того, чтобы она была крепкой и здоровой. И был вознагражден сполна возможностью опереться на неизменную поддержку своих близких.

Другой нравственный урок, который я вынес из своей жизни, заключается

в том, что доброе отношение к людям вознаграждается сторицей. Читатель может возразить, что так бывает не всегда. Это верно. Были на моем пути и люди нечестные, неблагодарные, отвечавшие на доверие коварством. Без этого, увы, никогда не обходилось. Особенно в такие бурные переломные моменты истории, как тот, что мы переживаем сейчас. Тех, кто отошел от меня еще тогда, когда я был президентом, и уж тем более предпочел держаться в стороне от «частного гражданина» Горбачева, я не отношу к этой категории и не осуждаю «чохом». Есть среди них люди, не выдержавшие напряжения и ответственности момента, побоявшиеся оказаться в водовороте, поспешившие выбрать себе более надежную почву. Но есть и такие, кого нельзя назвать иначе как предателями. Причем я имею в виду предательство не по отношению ко мне лично. В конце концов, я никогда не требовал от всех, кто со мной сотрудничал, входил в мое окружение, личной верности. Я говорю об измене делу, которое мы поставили себе целью. Нет ничего омерзительнее перевертышей и перебежчиков.

Но, возвращаясь к своей изначальной мысли, хочу сказать, что множество людей, с которыми сводила меня жизнь на различных ее перекрестках, сочувствовали моим начинаниям, сопереживали, поддерживали. Так было, когда мы только «прицеливались» к перестройке. Так было на всех ее последующих этапах. И сейчас, когда я заканчиваю свои воспоминания, ко мне идут письма из России, бывших союзных республик, из разных стран и концов Земли с уверенностью, что начатые в 1985 году реформы, пройдя через трудные испытания, принесут желанные плоды и моей Родине, и всему миру. А часто — просто с выражением человеческого участия ко мне и Раисе Максимовне.

Теперь о некоторых политических уроках из моего жизненного пути. Премудрости политики мы постигали еще на университетской скамье, знакомясь с произведениями Аристотеля, Макиавелли, Монтескье, Локка, Джефферсона, Чернышевского и, конечно, Маркса, Энгельса, Ленина.

Но как ни ценно поучение политических мыслителей прошлого, каждому поколению приходится все-таки жить своим умом. Прежде всего потому, что коренным образом меняются условия жизни, особенно в наше время, когда чуть

ли не каждое десятилетие обновляются техника, условия производства и быта, экономические и социальные структуры, когда стала реальной угрозой ядерной и экологической катастрофы.

Так вот при всей новизне проблем, которые встали перед нами в связи с перестройкой, демократизацией, экономической и политической реформами, все-таки главный урок стар как мир. Это — необходимость соблюдать меру. То есть то, чему учили еще древние греки. Тот самый девиз, который Платон велел написать на портале своей академии.

Еще и еще раз прокручивая в памяти драматическую киноленту случившегося у нас во второй половине 80-х — начале 90-х годов, нетрудно прийти к заключению, что почти все наши срывы, ошибки и потери были связаны как раз с нарушениями рациональной меры в ту или иную сторону. В одних случаях это — излишняя поспешность в осуществлении назревших шагов. В других, наоборот, — задержка, медлительность.

Признавая, что не всегда мне и моим соратникам удавалось найти оптимальный вариант действий, я должен все-таки добавить, что многое не зависело от нас. Негативный ход событий, приведший к распаду Союза, стал результатом действия как раз тех сил, которые, утратив всякое чувство меры, стремились одни — любой ценой сохранить старые порядки и свою власть, другие — захватить власть любым способом.

На этом примере вновь обнаружилось все трагические последствия одной из самых пагубных человеческих страстей — жажды власти. Именно жаждой власти были обуреваемы и гэкачеписты и Ельцин, когда вместе с Кравчуком и Шушкевичем разрушили великое Советское государство, чтобы въехать в Кремль. Именно жаждой власти объясняются крайняя нетерпимость и агрессивность национальных элит в бывших союзных республиках, которые принесли в жертву собственным амбициям интересы своих народов, кровно заинтересованных в сохранении союзного государства.

Но это — тема для нового Шекспира и Пушкина. Мне, как профессиональному политику, важно здесь еще раз подчеркнуть, что люди,

приходящие к власти, должны иметь нравственный стержень, не позволяющий безответственно ею пользоваться. В этом отношении совесть моя чиста. Придя на пост Генерального секретаря ЦК КПСС, я обладал властью, сравнимой с той, что была у абсолютных монархов. Но с самого начала видел свою цель в том, чтобы поставить ее под демократический контроль, сделать легитимной. И на этом пути пришлось выдержать самое тяжелое испытание в декабре 1991 года.

От очень многих я слышал утверждение: самая большая ошибка Горбачева в том, что он отдал власть. Это рассматривается как проявление слабости, своего рода жизненная неудача. Действительно, в той шкале ценностей, какая существовала до сих пор, правитель, лишившись власти, является неудачником. У меня иная точка зрения на этот счет. Я не только был готов, но фактически сознательно вел дело к тому, чтобы на каком-то этапе, после того как будет установлен стабильный демократический режим, верховная власть у нас передавалась из рук в руки, от одних избранных народом лиц — другим. В сущности, я был готов к такой передаче после подписания Союзного договора. К сожалению, в результате заговоров — августовского и декабрьского — такая возможность была сорвана. С тех пор Россия никак не может вернуться на колею политической стабильности. Ее сотрясают следующие один за другим перевороты. Задачу, которую мы не сумели решить, придется решать следующему поколению политиков.

Другой важный урок, который я вынес из своей деятельности, — это непродуктивность насилия как средства достижения политических целей. Почти не сомневаюсь: многие читатели в этом месте скептически улыбнутся. Действительно, трудно поверить в справедливость идеи ненасилия, когда кругом льется кровь, перед глазами множество примеров торжества грубой, наглой силы над справедливостью. Когда силовые методы по-прежнему используются если не в доктринах, то на практике многими государствами. Сторонников ненасилия, согласно идеологическим догматам, принимали у нас за убогих, за никчемных утешителей.

Если отбросить предрассудок и внимательно всмотреться во все, что

сейчас происходит на территории бывшего Советского Союза, в Югославии, да и во многих других местах мира, нетрудно убедиться: там, где применяется сила, дело оборачивается в конечном счете поражением всех. Можно, конечно, на какое-то время подавить сопротивление слабой стороны, навязать свою волю. Но рано или поздно это приведет к накоплению горючего материала, к неизбежному взрыву. И потери при этом бывают в тысячи раз больше.

Вот почему во всех случаях, когда это от меня зависело, я стремился до конца использовать возможности политического урегулирования. И убежден, что, если современные политики позволят себе соблазниться кажущейся простотой силовых решений, такой путь будет гибельным. В конце его — не мир, а разрастание конфликтов, угрожающих слиться во вселенский пожар.

Осуждая насилие, важно, конечно, не впасть в крайность. Здесь, как и во всех других вопросах, нужна мера. Без применения принудительных методов современное общество, к сожалению, жить не может. Вся суть в том, чтобы они были строго взвешены. И что особенно важно — применялись в полном согласии с законом. Строжайшее соблюдение закона было для меня всегда самым важным. И не только потому, что я получил юридическое образование. Фактически нет иного способа переводить общество из одного состояния в другое, обновлять его в соответствии с требованиями времени, как своевременная разработка и применение законов. Если, конечно, не считать переворотов, бунтов, революций, которые обходятся непомерной ценой.

В законе выражается общая, согласованная воля народа и избранных им представителей. Когда власть проводит реформы с помощью законов, она чувствует себя уверенно. И так же уверенно чувствуют себя граждане. Стоит отойти от этого принципа, встать на путь произвола, как становятся неизбежны нетерпимость, анархия, кровопролитие.

Наконец, скажу еще об одной идее, которая была ведущей в моей политической деятельности. Это — *идея обновления*. Основная беда прежней системы была именно в ее неспособности к обновлению. После XX съезда было покончено с наиболее негативной чертой сталинской модели — массовыми

репрессиями. Но при этом сохранился нетронутым ее «кощеев дух» — монопольная власть партии, а на самом деле — узкого круга людей, входящих в состав Политбюро. Это резко ограничивало кругозор власти, делало ее самодержавной, сводило к минимуму возможность преобразований в экономике, политике, других сферах.

Необходимость постоянно чувствовать пульс жизни, чутко вслушиваться и своевременно откликаться на новые потребности относится не только к нам, русским. Я много раз говорил своим слушателям в разных странах мира, что обновление должно охватывать все современное общество. Уже невооруженным глазом видно, что грядут огромные перемены и в технике, и в отношениях человека с природой, в устройстве обществ и государств, в международном порядке. Если мы не будем шагать в ногу со временем, будем запаздывать с обновленческими мерами, то окажемся погребенными под грузом обостряющихся глобальных проблем.

Отставание Советского Союза в соревновании с Западом произошло потому, что в развитых странах еще в 60-е годы поняли необходимость структурных перемен и высоких технологий, обновления всего производственного аппарата. Но сейчас на том же Западе все более остро ощущается потребность и в переменах социального характера. Вновь не удовлетворена своим положением молодежь. Вновь встали вопросы самоуправления, межнациональных отношений. Причем ответы, которые обычно давались на эти вопросы с позиций традиционных доктрин — консервативной, либеральной, социалистической, коммунистической, христианско-демократической, уже не могут служить эффективной основой для практической политики.

Значит, нужно повышать уровень нашего мышления, создавать новую синтетическую концепцию общественного развития. Встает, может быть, самый важный для формирования будущего вопрос: пойдет ли поиск путей обновления мира автономно в разных странах и регионах или все же при теснейшем их взаимодействии, а может быть, и в целостности? Преимущество последнего

подхода очевидно. Но пока еще нет уверенности, что дело пойдет именно так, верх не возьмут эгоизм, стремление выжить, спастись в одиночку. Я был и остаюсь сторонником того, чтобы вопросы своего будущего народы решали все больше на путях сотрудничества и взаимодействия. Этому, как могу, стараюсь содействовать в роли председателя Международного Зеленого Креста. Этому подчинена вся творческая деятельность Фонда Горбачева.

Наверное, мои читатели не воспримут с одинаковым интересом все части этого объемного труда. Но я постарался рассказать о событиях насколько возможно подробнее, рассчитывая, что это поможет лучше понять и оценить намерения тех, кто делал политическую погоду в мире в прошедшие бурные годы.

Надеюсь и на то, что мой труд может быть полезным для всех, кому не безразличны судьбы России.

Ну а тем, кто все-таки осилил весь этот рассказ о моей жизни и реформах, — моя благодарность.

Приложения

I.

Делийская Декларация о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира⁹

Сегодня человечество находится на решающем поворотном этапе своей истории. Ядерное оружие грозит уничтожить не только все, что было создано человеком на протяжении веков, но и самого человека и даже жизнь на Земле. В ядерную эпоху человечество должно выработать новое политическое мышление, новую концепцию мира, дающую надежные гарантии выживания человечества. Люди хотят жить в более безопасном и более справедливом мире. Человечество достойно лучшей участи, чем быть заложником ядерного ужаса и отчаяния. Необходимо изменить сложившуюся мировую ситуацию и построить мир, свободный от ядерного оружия, свободный от насилия и ненависти, страха и подозрительности.

⁹ Опубликовано в газете «Правда» 28 ноября 1986 года.

Мир, доставшийся нам в наследство, принадлежит нынешним и грядущим поколениям, и это требует, чтобы приоритет отдавался общечеловеческим ценностям. Должно признаваться право каждого народа и каждого человека на жизнь, свободу, мир и стремление к счастью. Необходимо отказаться от применения силы и угрозы применения силы. Должно уважаться право каждого народа на собственный выбор — социальный, политический, идеологический. Должна быть отвергнута политика, рассчитанная на превосходство одних над другими. Нарастивание ядерных арсеналов, разработка космических вооружений подрывают общепризнанное убеждение, что ядерная война никогда не должна быть развязана и в ней не может быть победителей.

От имени более чем миллиарда мужчин, женщин и детей наших двух дружественных стран, которые составляют одну пятую всего человечества, мы обращаемся к народам и руководителям всех стран с призывом предпринять безотлагательные действия, которые должны привести нас к миру без оружия массового уничтожения, без войн.

Проникнутые сознанием нашей общей ответственности за судьбы своих стран и всего человечества, мы предлагаем следующие принципы построения свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира.

1. Мирное сосуществование должно стать универсальной нормой международных отношений:

в ядерный век необходимо перестроить международные отношения таким образом, чтобы на смену конфронтации пришло сотрудничество, а конфликтные ситуации разрешались мирными, политическими, а не военными средствами.

2. Человеческая жизнь должна быть признана высшей ценностью:

лишь творческим гением человека обеспечиваются прогресс и развитие цивилизации в условиях мира.

3. Ненасилие должно быть основой жизни человеческого сообщества:

философия и политика, построенные на насилии и устрашении, неравенстве и угнетении, дискриминации по расовому и религиозному признакам или цвету кожи, аморальны и недопустимы. Они приносят дух

непримиримости, губительны для высоких устремлений человека и отрицают все человеческие ценности.

4. Взаимопонимание и доверие должны прийти на смену страху и подозрительности:

недоверие, страх и подозрительность между странами и народами искажают восприятие реального мира. Они порождают напряженность и в конечном счете наносят ущерб всему международному сообществу.

5. Право каждого государства на политическую и экономическую независимость должно признаваться и уважаться:

необходимо установить новый мировой порядок с тем, чтобы обеспечить экономическую справедливость и равную политическую безопасность для всех государств. Прекращение гонки вооружений является необходимой предпосылкой для установления такого порядка.

6. Ресурсы, расходуемые на вооружение, должны быть направлены на обеспечение социального и экономического развития:

только разоружение может высвободить огромные дополнительные ресурсы, необходимые для борьбы с экономической отсталостью и бедностью.

7. Должны быть гарантированы условия для гармоничного развития личности:

все страны должны работать вместе для решения назревших гуманитарных проблем и сотрудничать в сфере культуры, искусства, науки, образования и медицины, для всестороннего развития личности. Мир без ядерного оружия и насилия откроет грандиозные перспективы для этого.

8. Материальный и интеллектуальный потенциал человечества должен служить решению глобальных проблем:

необходимо найти решение таких глобальных проблем, как продовольственная, демографическая, ликвидация неграмотности, сохранение окружающей среды путем рационального использования ресурсов Земли. Мировой океан и морское дно, а также космическое пространство являются общим достоянием человечества. Прекращение гонки вооружений создаст

лучшие условия для достижения этой цели.

9. На место «равновесия страха» должна прийти всеобъемлющая международная безопасность:

мир един, и безопасность его неделима. Запад и Восток, Север и Юг, независимо от общественных систем, идеологий, религий и рас, должны объединиться в общей приверженности разоружению и развитию.

Международная безопасность может быть обеспечена путем комплексных мер в области ядерного разоружения с использованием всех доступных и согласованных средств контроля и мер доверия; справедливого политического урегулирования региональных конфликтов путем мирных переговоров и сотрудничества в политической, экономической и гуманитарной областях.

10. Свободный от ядерного оружия и ненасильственный мир требует конкретных и безотлагательных мер, направленных на разоружение:

он может быть достигнут путем заключения соглашений относительно:

- полного уничтожения ядерных арсеналов до конца текущего столетия;
- недопущения вывода любого оружия в космос, который является общим достоянием человечества;
- полного запрещения испытаний ядерного оружия;
- запрещения создания новых видов оружия массового истребления;
- запрещения химического оружия и уничтожения его запасов;
- снижения уровней обычных вооружений и вооруженных сил. Пока ядерное оружие не ликвидировано, Советский Союз и Индия

предлагают незамедлительно заключить **международную конвенцию, запрещающую применение или угрозу применения ядерного оружия**. Это явилось бы крупным конкретным шагом на пути к полному ядерному разоружению.

Построение свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира требует революционной перестройки в умах людей, воспитания народов в духе мира, взаимного уважения и терпимости. Следует запретить пропаганду войны, ненависти и насилия и отказаться от стереотипов мышления категориями врага в

отношении других стран и народов.

Мудрость в том, чтобы не допустить накопления и обострения глобальных проблем, уход от решения которых сегодня потребует еще больших жертв завтра.

Велика опасность, нависшая над человечеством. Но оно располагает большими силами, чтобы предотвратить катастрофу и проложить путь к цивилизации без ядерного оружия. Набирающая силу коалиция мира, которая объединяет усилия Движения неприсоединения, группы шести стран, всех миролюбивых стран, политических партий и общественных организаций, дает нам основание для надежды и оптимизма. Время для решительных и безотлагательных действий настало.

М.Горбачев
Генеральный секретарь
Центрального Комитета
Коммунистической партии
Советского Союза

Р.Ганди
Премьер-Министр
Республики Индии

Нью-Дели, 27 ноября 1986 года

II. Проект. Договор о Союзе Суверенных Государств¹⁰

Государства, подписавшие настоящий Договор, исходя из провозглашенных ими деклараций о суверенитете и признавая право наций на самоопределение;

учитывая близость исторических судеб своих народов и выражая их волю жить в дружбе и согласии, развивая равноправное взаимовыгодное сотрудничество;

заботясь об их материальном благосостоянии и духовном развитии, взаимообогащении национальных культур, обеспечении общей безопасности;

желая создать надежные гарантии прав и свобод граждан,

решили на новых началах создать Союз Суверенных Государств и договорились о нижеследующем.

¹⁰ Опубликовано в газете «Правда» 27 ноября 1991 года.

I. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ

Первое. Каждая республика — участник договора является суверенным государством. Союз Суверенных Государств (ССГ) — конфедеративное демократическое государство, осуществляющее власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора.

Второе. Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, гарантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного прогресса всем народам, проживающим на их территории. Участники договора будут исходить из сочетания общечеловеческих и национальных ценностей, решительно выступать против расизма, шовинизма, национализма, любых попыток ограничения прав народов.

Третье. Государства, образующие Союз, считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со Всеобщей декларацией прав человека, другими общепризнанными нормами международного права. Всем гражданам гарантируется возможность изучения и использования родного языка, беспрепятственный доступ к информации, свобода вероисповедания, другие политические, социально-экономические, личные права и свободы.

Четвертое. Государства, образующие Союз, видят важнейшее условие свободы и благосостояния своих народов и каждого человека в формировании гражданского общества. Они будут стремиться к удовлетворению потребностей людей на основе свободного выбора формы собственности и методов хозяйствования, развития общесоюзного рынка, реализации принципов социальной справедливости и защищенности.

Пятое. Государства, образующие Союз, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления. Они признают общим фундаментальным принципом демократию, основанную на народном представительстве и прямом волеизъявлении народов, стремятся к созданию правового государства, которое служило бы гарантом против любых тенденций к тоталитаризму и произволу.

Шестое. Государства, образующие Союз, считают одной из важнейших задач сохранение и развитие национальных традиций, государственную поддержку образования, здравоохранения, науки и культуры. Они будут содействовать интенсивному обмену и взаимообогащению гуманистическими духовными ценностями и достижениями народов Союза и всего мира.

Седьмое. Союз Суверенных Государств выступает в международных отношениях в качестве суверенного государства, субъекта международного права — преемника Союза Советских Социалистических Республик. Его главными целями на международной арене являются прочный мир, разоружение, ликвидация ядерного и другого оружия массового уничтожения, сотрудничество государств" и солидарность народов в решении глобальных проблем человечества.

Государства, образующие Союз, являются субъектами международного права.

Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи, торговые и иные отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций, не ущемляя интересы каждого из государств, образующих Союз, и их общие интересы, не нарушая международные обязательства Союза.

II. УСТРОЙСТВО СОЮЗА

Статья 1. Членство в Союзе

Членство государств в Союзе является добровольным.

Участниками настоящего Договора являются государства, непосредственно образующие Союз.

Союз открыт для вступления в него других демократических государств, признающих Договор. Принятие в Союз новых государств осуществляется с согласия всех участников настоящего Договора.

Государства, образующие Союз, сохраняют право свободного выхода из него в порядке, установленном участниками Договора.

Статья 2. Гражданство Союза

Гражданин государства, входящего в Союз, является одновременно гражданином Союза Суверенных Государств.

Граждане Союза имеют равные права, свободы и обязанности, закрепленные законами и международными договорами Союза.

Статья 3. Территория Союза

Территория Союза состоит из территорий всех государств — участников Договора. Союз гарантирует нерушимость границ государств, которые в него входят.

Статья 4. Отношения между государствами, образующими Союз

Отношения между государствами, образующими Союз, регулируются настоящим Договором, а также другими, не противоречащими ему договорами и соглашениями.

Государства — участники Договора строят свои взаимоотношения в составе Союза на основе равенства, уважения суверенитета, невмешательства во внутренние дела, разрешения споров мирными средствами, сотрудничества, взаимопомощи, добросовестного выполнения обязательств по настоящему Договору и межреспубликанским соглашениям.

Государства, образующие Союз, обязуются: не прибегать в отношениях между собой к силе и угрозе силой; не посягать на территориальную целостность друг друга; не заключать соглашений, противоречащих целям Союза или направленных против других государств — участников Договора.

Статья 5. Вооруженные Силы Союза

Союз Суверенных Государств имеет единые Вооруженные Силы с централизованным управлением.

Цели, назначение и порядок использования единых Вооруженных Сил, а также компетенция государств — участников Договора в сфере обороны регулируются соглашением, предусмотренным настоящим Договором.

Государства — участники Договора вправе создавать республиканские вооруженные формирования, функции и численность которых определяются

указанным соглашением.

Не допускается использование Вооруженных Сил Союза внутри страны, за исключением их участия в ликвидации последствий стихийных бедствий, экологических катастроф, а также случаев, предусмотренных законодательством о чрезвычайном положении.

Статья 6. Сфера совместного ведения государств — участников договора и многосторонние соглашения

Государства — участники Договора образуют единое политическое и экономическое пространство и основывают свои отношения на закрепленных в настоящем договоре принципах и представляемых им преимуществах. Отношения с государствами, не входящими в Союз Суверенных Государств, основываются на общепризнанных нормах международного права.

В целях обеспечения общих интересов государств — участников Договора устанавливаются сферы совместного ведения и заключаются соответствующие многосторонние договоры и соглашения:

- об экономическом сообществе;
- о совместной обороне и коллективной безопасности;
- о координации внешней политики;
- о координации общих научно-технических программ;
- о защите прав человека и национальных меньшинств;
- о координации общих экологических программ;
- в области энергетики, транспорта, связи и космоса;
- о сотрудничестве в области образования и культуры;
- о борьбе с преступностью.

Статья 7. Полномочия союзных (межгосударственных) органов

Для реализации общих задач, вытекающих из Договора и многосторонних соглашений, государства, образующие Союз, делегируют союзным органам необходимые полномочия.

Государства, образующие Союз, участвуют в реализации полномочий союзных органов посредством их совместного формирования, а также

специальных процедур согласования решений и их исполнения.

Каждый участник Договора может путем заключения соглашения с Союзом дополнительно делегировать ему осуществление отдельных своих полномочий, а Союз, с согласия всех участников, передать одному или нескольким из них осуществление на их территории отдельных своих полномочий.

Статья 8. Собственность

Государства — участники Договора обеспечивают свободное развитие и защиту всех форм собственности.

Государства — участники Договора передают в распоряжение органов Союза имущество, необходимое для осуществления возложенных на них полномочий. Это имущество является совместной собственностью государств, образующих Союз, и используется исключительно в их общих интересах, включая ускоренное развитие отстающих регионов.

Использование земли, ее недр и других природных ресурсов государств — участников Договора для реализации полномочий союзных органов осуществляется в соответствии с законодательством этих государств.

Статья 9. Бюджет Союза

Порядок финансирования союзного бюджета и контроля за его расходной частью устанавливается особым соглашением.

Статья 10. Законы Союза

Конституционной основой Союза Суверенных Государств является настоящий Договор и Декларация прав и свобод человека.

Законы Союза принимаются по вопросам, отнесенным к ведению Союза, и в пределах полномочий, переданных ему настоящим Договором. Они обязательны для исполнения на территории всех государств — участников Договора.

Государство — участник Договора вправе опротестовать и приостановить действие на своей территории закона Союза, если он нарушает настоящий Договор.

Союз в лице его высших органов власти вправе опротестовать и приостановить действие закона государства — участника Договора, если он нарушает настоящий Договор.

Споры решаются посредством согласительных процедур либо передаются в Верховный суд Союза, который принимает окончательное решение в течение одного месяца.

III. ОРГАНЫ СОЮЗА

Статья 11. **Формирование органов Союза**

Органы Союза Суверенных Государств, предусмотренные настоящим Договором, формируются на основе свободного волеизъявления народов и полноправного представительства государств, образующих Союз.

Организация, полномочия и порядок деятельности органов власти, управления и правосудия устанавливаются соответствующими законами, не противоречащими настоящему Договору.

Статья 12. **Верховный Совет Союза**

Законодательную власть Союза осуществляет Верховный Совет Союза, состоящий из двух палат: Совета Республик и Совета Союза.

В Совет Республик входит по 20 депутатов от каждого государства, образующего Союз, делегируемых его высшим органом власти.

РСФСР имеет в Совете Республик 52 депутата. Другие государства — участники Договора, имеющие в своем составе республики и автономные образования, дополнительно делегируют в Совет Республик по одному депутату от каждой республики и автономного образования. В целях обеспечения суверенитета государств — участников Договора и их равноправия при голосовании в Совете Республик применяется правило консенсуса.

Совет Союза избирается населением Союза по избирательным округам с равной численностью избирателей. При этом гарантируется представительство в Совете Союза всех государств — участников Договора.

Палаты Верховного Совета Союза совместно принимают в состав Союза новые государства, заслушивают Президента Союза по наиболее важным

вопросам внутренней и внешней политики Союза, утверждают Союзный бюджет и отчет об его исполнении, объявляют войну и заключают мир.

Совет Республик принимает решения об организации и порядке деятельности органов Союза Суверенных Государств, рассматривает вопросы отношений между республиками, ратифицирует и денонсирует международные договоры Союза, дает согласие на назначение правительства Союза.

Совет Союза рассматривает вопросы обеспечения прав и свобод граждан и принимает решения по всем вопросам компетенции Верховного Совета, за исключением тех, которые относятся к компетенции Совета Республик.

Законы, принятые Советом Союза, вступают в силу после их одобрения Советом Республик.

Статья 13. Президент Союза

Президент Союза — глава конфедеративного государства.

Президент Союза выступает гарантом соблюдения Договора о Союзе Суверенных Государств и законов Союза, является Главнокомандующим Вооруженными Силами Союза, представляет Союз в отношениях с зарубежными государствами, осуществляет контроль за выполнением международных обязательств Союза.

Президент Союза избирается гражданами Союза в порядке, устанавливаемом Законом, сроком на пять лет и не более чем на два срока подряд.

Статья 14. Вице-президент Союза

Вице-президент Союза избирается вместе с Президентом Союза. Вице-президент Союза выполняет по уполномочию Президента Союза отдельные его функции.

Статья 15. Государственный совет Союза

Государственный совет Союза создается для согласования наиболее важных вопросов внутренней и внешней политики, затрагивающих общие интересы государств — участников Договора.

Государственный совет состоит из Президента Союза и высших

должностных лиц государств — участников Договора.

Работой Государственного совета руководит Президент Союза.

Решения Государственного совета носят обязательный характер для всех органов исполнительной власти.

Статья 16. Правительство Союза

Правительство Союза является органом исполнительной власти Союза, подчиняется Президенту Союза, несет ответственность перед Верховным Советом Союза.

Правительство Союза возглавляется премьер-министром. В состав правительства входят главы правительств государств — участников Договора, Председатель Межгосударственного экономического комитета (первый заместитель премьер-министра), заместители премьер-министра и руководители ведомств, предусмотренных соглашениями между государствами — участниками Договора.

Правительство Союза формируется Президентом Союза по согласованию с Советом Республик Верховного Совета Союза.

Статья 17. Верховный суд Союза

Верховный суд Союза принимает решения по вопросам соответствия законов Союза и законов государств — участников Договора настоящему Договору и Декларации прав и свобод человека; рассматривает гражданские и уголовные дела межгосударственного характера, включая дела по защите прав и свобод граждан; является высшей судебной инстанцией по отношению к военным судам. При Верховном суде Союза создается прокуратура, осуществляющая надзор за исполнением законодательных актов Союза.

Порядок формирования Верховного суда Союза определяется законом.

Статья 18. Высший арбитражный суд Союза

Высший арбитражный суд Союза разрешает экономические споры между государствами — участниками Договора, а также споры между предприятиями, находящимися под юрисдикцией различных государств — участников Договора.

Статья 19. Язык межнационального общения в Союзе

Участники Договора самостоятельно определяют свой государственный язык (языки). Языком межнационального общения в Союзе государства — участники Договора признают русский язык.

Статья 20. Столица Союза

Столицей является город Москва.

Статья 21. Государственная символика Союза

Союз имеет государственный герб, флаг и гимн.

Статья 22. Порядок изменения и дополнения Договора

Настоящий Договор или отдельные его положения могут быть отменены, изменены или дополнены только с согласия всех государств, образующих Союз.

Статья 23. Вступление Договора в силу

Настоящий Договор одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу после его подписания их полномочными делегациями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года.

Статья 24. Ответственность по Договору

Союз и государства, его образующие, несут взаимную ответственность за выполнение принятых обязательств и возмещают ущерб, причиненный нарушениями настоящего Договора.

Статья 25. Правопреемство Союза

Союз Суверенных Государств является правопреемником Союза Советских Социалистических Республик. Правопреемство осуществляется с учетом положений статей 6 и 23 настоящего Договора.

III. Обращение Президента СССР М.С.Горбачева к парламентариям страны¹¹

«Уважаемые депутаты Верховных Советов суверенных государств!

Обратиться к вам меня побудила нарастающая тревога за жизнь нашего

¹¹ Обращение направлено парламентариям 3 декабря 1991 года.

Отечества. Среди многочисленных кризисов, которые оно переживает, самый опасный — это кризис государственности. Он тяжелейшим образом отражается на способности властей всех уровней выполнять свои обязанности перед гражданами, рвет экономику, тормозит и губит процесс реформ, деформирует нравы, противопоставляет друг другу народы, ведет к разрушению культуры.

В каждом из ваших суверенных государств появились демократически избранные законодательные и исполнительные органы. Они облечены ответственностью за политику, которая должна служить интересам людей. Но дела идут все хуже и хуже. И казалось бы, должно быть ясно, что среди главных причин этого — дезинтеграция, которая, нарушив историческую логику существования огромной и целостной страны, перешла пределы разумного и зашла настолько далеко, что приобрела разрушительный характер.

На ваше одобрение представлен проект Союзного договора.

Ваше решение либо приблизит общество к выходу к новым формам жизни, либо наши народы будут обречены надолго и, пожалуй, безнадежно выпутываться поодиночке. Что конкретно ждет в этом случае каждого из них и всех нас вместе, весь внешний мир — предсказать невозможно. Одно ясно — последствия будут тяжелыми.

В марте этого года подавляющее большинство граждан на всенародном референдуме высказались в пользу сохранения обновленного Союза. Последние месяцы, наполненные событиями бурными, тревожными и трагическими, еще больше укрепили убежденность людей в необходимости Союза. Об этом говорят все опросы общественного мнения.

Понимаю, что народные депутаты испытывают сейчас давление со стороны самых разнообразных сил, представляющих часто противоположные интересы и претензии. У каждого из них есть собственные взгляды.

Все это естественно для демократии. Но именно она требует принимать решения в интересах большинства, а не части общества, пусть даже очень активной, на перспективу, а не на текущий момент.

Право на отказ от Союза есть у каждого из вас. Но оно требует от

народных избранников учитывать все последствия. Только Союз уберезет от самой страшной из грозящих опасностей — от разрыва и потери многовековых уз, которыми история связала целые народы, семьи, людей на просторах одной шестой части земли. Распад такого многонационального сообщества принесет миллионам наших граждан несчастья, которые перевесят все возможные временные выгоды от отделения. Распад прозвучал бы приговором тем — а их десятки миллионов, — кто живет вне пределов своих национальных республик и у кого в поколениях выработалось чувство привязанности к своей огромной Родине.

Распад чреват национальными, межреспубликанскими столкновениями, даже войнами. А это была бы катастрофа для всего международного сообщества, гибель всех тех достижений, которыми мы обязаны политике нового мышления.

Размежевание сделает хрупкой перспективу соблюдения прав человека и прав национальных меньшинств. Это неотвратимо — какие бы вполне честные обязательства и постановления на этот счет сейчас ни принимались. Нарушение же этих прав вызовет серьезные осложнения республик с внешним миром, ибо это будет и нарушением международных договоров.

Разрыв нанес бы окончательный разрушительный удар по производительным силам, настолько тесно завязанным в общий комплекс, что даже нынешнее, пока еще относительное отдаление республик друг от друга резко осложнило экономическое положение каждой из них и еще более ухудшило повседневную жизнь людей.

Он отбросит — и это надо хорошо видеть — все суверенные государства назад в смысле развития науки, технологии, культуры <...>. Престижу и потенциалу нашей науки и культуры в их многонациональном синтезе будет нанесен непоправимый ущерб.

Без Союза неизбежна постепенная эрозия нашей общей безопасности и безопасности каждой из республик. Неизбежна утрата международного авторитета, который дорого оплачен всеми нашими народами и очень много значит для всех граждан.

И наконец, никто не имеет права забывать, что наше государство в последние годы стало одной из главных опор развития мира к новому мирному порядку. Именно так нас воспринимают. Это и ответственность, и признание нашей зрелости. Если такая опора рухнет, пойдет цепная реакция с трудно предсказуемыми для всего мира последствиями.

Обращая ваше внимание на эти угрозы и неизбежные утраты, я далек от преувеличения. Об этом же говорят и пишут как наши, так и зарубежные аналитики самых разных ориентации. Об этом свидетельствуют цифровые выкладки, расчеты, научно обоснованные прогнозы авторитетных исследовательских центров. И должен же нас в конце концов чему-то научить драматический, даже кровавый опыт тех разрывов, которые уже случились в ряде районов страны.

Я не раз публично, на государственных совещаниях и форумах, излагал свою концепцию нового Союза. И в этом обращении к вам хочу еще раз подчеркнуть: речь не о возрождении в новом обличье старого центра. Старого Союза нет, и возврат к нему невозможен. Это доказал и провал августовского путча. Речь идет о создании совершенно нового государственного и межгосударственного образования, суть которого недвусмысленно изложена в проекте представленного вам Договора.

Этот документ — продукт всестороннего, очень серьезного анализа, длительных переговоров и тщательной проработки с участием представителей суверенных государств. Им не раз занимались руководители суверенных государств-республик, вместе и отдельно. Он несколько раз кардинально пересматривался в сторону расширения начал конфедеративности и демократичности.

Две основополагающие идеи заложены в конфедеративную концепцию Договора, которая определяет характер новой, небывалой государственности.

Это идея самоопределения, национально-государственного суверенитета, независимости.

И это идея союзничества, сотрудничества, взаимодействия и

взаимопомощи.

Моя позиция однозначна. Я — за новый Союз, Союз Суверенных Государств — конфедеративное демократическое государство. Хочу, чтобы в преддверии вашего решения эта моя позиция была всем хорошо известна. Медлить далее нельзя. Время может быть катастрофически потеряно.

Поэтому я прошу вас, полномочных представителей своих народов, в ближайшие дни обсудить проект Договора о Союзе Суверенных Государств и одобрить его.

Еще раз настойчиво повторяю: не справиться нам с возрождением общества, не выйти из кризиса и не соединиться с цивилизованным миром, хуже того — не избежать общей катастрофы, если мы не остановим процесс дезинтеграции.

Я прошу вас сказать «да» такой форме равноправного сотрудничества и взаимодействия, которая позволяет всем нам совместно — а иначе не получится — пройти труднейшую и очень опасную полосу своей общей истории.

Государственный совет в своем обращении к парламентам выразил пожелание, чтобы Договор был подготовлен к подписанию в этом году. Полномочные делегации Верховных Советов смогут окончательно учесть замечания на последнем этапе работы над Договором, с тем чтобы наконец с подписанием этого документа страна облегченно вздохнула, обрела очень важную точку опоры и надежду на совместное движение вперед».

IV.

Обращение Президента СССР М.С.Горбачева к участникам встречи в Алма-Ате по созданию Содружества Независимых Государств¹²

«Уважаемые товарищи!

Перед встречей, которая определит, каковы будут отношения между новыми суверенными государствами и какое место они вместе и отдельно займут в мировом сообществе, хочу поделиться с вами некоторыми

¹² Направлено участникам встречи 18 декабря, опубликовано 20 декабря 1991 года.

соображениями.

Полагаю, у меня есть на это право — и моральное, и политическое.

Ратификация соглашения о создании Содружества Независимых Государств Верховными Советами РСФСР, Украины, Беларуси и готовность Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Туркменистана войти в состав учредителей Содружества коренным образом изменили ситуацию. Государственная форма жизни многочисленных народов великой страны начинает свою новую историю. На ее территории образуются несколько независимых государств. На смену длительному и трудному историческому процессу формирования единой страны приходит процесс ее разъединения, расчленения. И он также не будет легким. Тут не должно быть никаких иллюзий. Очевидно, что общество еще не осознало, что это — поворот колоссального масштаба, затрагивающий основы жизни народов и граждан.

С самого начала перестройки мы шаг за шагом шли к тому, чтобы все республики обрели подлинную независимость. Но я все время настаивал на том, что нельзя допустить распада страны. Таково было и есть мое понимание воли народов, выраженной на референдуме как их стремление к независимости при сохранении целостности исторического союза. Эта мысль и это беспокойство лежали в основе моей формулы о «Союзе Суверенных Государств», которая первоначально встретила вашу поддержку.

Пишу вам не для того, чтобы возвращаться к дискуссии на эту тему. Сейчас реальностью становится идея Содружества Независимых Государств. И важно, жизненно важно, чтобы этот сложнейший процесс не усилил разрушительные тенденции, наметившиеся в обществе. Ведь для всех очевидно, что переход будет происходить в обстановке глубочайшего экономического, политического и межнационального кризиса, значительного снижения жизненного уровня.

Со всей серьезностью я отнесся к тому, что содержится в документах, принятых в Бресте и Ашхабаде, в ратификационных постановлениях Верховных Советов трех республик. Обдумывая свои соображения, я учитывал и

общественную реакцию внутри и вне страны, вопросы, которые остались открытыми.

Смысл соображений в том, чтобы очертить минимум положений, без которых Содружество в современных условиях, как мне представляется, не сможет стать жизнеспособным.

Среди них, оговорюсь сразу, есть вещи очевидные, которые все вы признаете. Но я тоже не могу их не зафиксировать в своем послании.

Первое. Должно быть четко зафиксировано понимание содружества как многонационального образования при абсолютном равенстве не только самих государств, но и живущих в них национальностей, всех религий, традиций, обычаев, геополитического местонахождения.

Наиболее подходящим названием поэтому для содружества мне представляется «Содружество европейских и азиатских государств» (СЕАГ).

Второе. Мало просто официально признать Декларацию прав человека и демократических свобод. При уникальной расселенности людей на огромных пространствах, где на протяжении веков перемешивались и пересекались судьбы миллионов семей, где десятки миллионов смешанных браков, проблема открытости границ и гражданства должна быть проработана особенно тщательно.

Уверен, что у всех, кто не заражен национализмом и сепаратизмом, а это сотни миллионов, неизбежно возникнет чувство утраты «большой Родины». А когда практически начнется процесс государственного, административного и прочего размежевания, определения условий гражданства, это затронет очень многих самым непосредственным образом — в быту, на производстве, в человеческих связях.

Поэтому, возможно, на какой-то довольно длительный период придется согласиться с нормой — «гражданин Содружества» наряду с гражданством в соответствующем государстве.

Боюсь, что, если это все не будет обдумано, решено и надежно гарантировано, концепция Содружества будет отвергнута на народном уровне.

Третье. Для стабильности Содружества решающее значение имеет создание социально ориентированной рыночной экономики, беспрепятственное развитие и защита всех форм собственности. Я разделяю мнение тех, кто считает необходимым подтвердить решимость участников Содружества соблюдать Договор об экономическом сообществе и завершить работу над комплексом приложений, предусматривающих необходимые условия создания общего «евразийского рынка». В том числе — согласованные меры по таким важным вопросам, как валютно-финансовая и банковская системы, методика ценообразования и налогообложения, таможенные сборы, бюджетные ассигнования на оборону и другие общие цели.

Я убежден: потребуются соответствующие структуры экономического взаимодействия в рамках Содружества.

Убежден и в другом: все это станет возможным, заработает на благо людей и народов только в условиях действительных гарантий экономических прав и свобод личности, их безусловной защиты в законе и на практике.

Четвертое. С полной ответственностью и знанием дела относительно целостной системы военно-стратегической безопасности страны могу сказать, что малейшие попытки дезинтегрировать эту систему чреватy бедой международного масштаба.

С точки зрения утверждения реального суверенитета членов Содружества делить эту сложнейшую и крайне дорогостоящую систему нет никакой необходимости. Договаривающиеся стороны могли бы определить безотлагательно структуры единого контроля и главнокомандования стратегическими силами, включая все основные военно-технические и научно-оборонные компоненты. Коллективное командование — это абсурд. Коллективным может быть контроль за состоянием и содержанием Вооруженных Сил, за проведением согласованной военной политики.

Совместного решения требует и проблема реформирования и сокращения армии. Это теперь — крупнейшая социальная проблема. Одновременно это проблема политической безопасности на территории всей страны, которой пока

принадлежат испокон веков единые Вооруженные Силы.

Пятое. Самостоятельная, суверенная деятельность каждого члена Содружества на мировой арене правомерна. Но если есть Содружество, а это политическое образование, то должно быть и его политическое представительство в мировом сообществе. По типу, скажем, Европейского Сообщества, которое является субъектом международного права. Отказывать в таком статусе Содружеству нельзя еще и потому, что от СССР оно унаследует статус ядерной сверхдержавы. От такого наследства так просто не избавиться. Иначе произойдет срыв международного доверия, будет нарушен Договор о нераспространении ядерного оружия, который все суверенные члены Содружества вроде бы обязались подтвердить.

Я не представляю себе, как можно сохранить общую стратегическую оборону без минимума общей внешней политики.

Самое разумное было бы иметь структуру по делам внешних сношений, приспособив ее к нуждам и принципам Содружества, включая и вопрос о членстве в Совете Безопасности ООН.

Подписи Союза стоят под важнейшими документами эпохи — декларациями и договорами. Остаются действующими 15000 внешнеэкономических соглашений. Просто это все перечеркнуть значило бы с первых шагов нанести ущерб международному престижу Содружества и его реальным интересам.

Так же, как все члены Содружества, очевидно, подтвердят свою приверженность принципам современной демократии (свободные выборы, разделение властей, политический, идейный, религиозный плюрализм, правовое государство, гражданское общество, права человека), они должны воспринять и внешнеполитический курс, построенный на новом мышлении. Он получил признание во всем цивилизованном мире.

Шестое. Будет нанесен невосполнимый урон духовному развитию всех народов, если уже сейчас члены Содружества не договорятся о координации (и о ее органах) в области науки и культуры, языка межнационального общения,

охраны памятников, об источниках содержания музеев, мирового класса театров, библиотек, архивов, крупнейших институтов, лабораторий, обсерваторий и т.п.

Седьмое. О процедуре правопреемства. Начинать новую эпоху в истории страны надо с достоинством, с соблюдением норм легитимности. Одной из причин исторических несчастий наших народов являются как раз грубые разрывы, разрушительные перевороты, захватные методы в ходе общественного развития.

И есть предпосылки, есть и опыт, чтобы действовать в рамках демократических правил.

Поэтому я предложил бы после ратификации документа о Содружестве и обмена ратификационными грамотами провести заключительное заседание Верховного Совета СССР, который принял бы свое постановление о прекращении существования Советского Союза и передаче всех его законных прав и обязательств Содружеству европейских и азиатских государств.

Таковы мои самые общие соображения. Они продиктованы ответственностью за конечный успех великого дела, начатого в 1985 году».